

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

18 ИЮН 2002

10 СЕН 2002

12 ОКТ 2015

received

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1983

Проблемы теории и практики борьбы с преступностью: Сб. статей. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. — 9 л. — 1 р. 40 к. 500 экз. 1 203 100 000.

В сборнике научных трудов представлены работы преподавателей юридических факультетов, Алтайского, Кемеровского, Томского университетов, Омской и Карагандинской высшей школы МВД СССР.

Авторами исследуются актуальные проблемы криминологии, уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики.

Для научных и практических работников, студентов юридических факультетов и институтов.

Рецензент — канд. юрид. наук В. В. Тирский

Редакторы: проф. А. Л. Ременсон (отв. редактор), проф. В. Д. Филимонов, проф. Н. Т. Ведерников, доц. М. К. Свиридов

П¹²⁰³¹⁰⁰⁰⁰⁰
177(012)—83 50—83

ОТНОШЕНИЕ — ЭЛЕМЕНТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В. Д. Филимонов

Непосредственной причиной совершения преступлений является индивидуалистическое отношение некоторых граждан к социалистической и личной собственности, человеческой личности, общественному порядку и другим социальным ценностям. Это нравственно-психологическое отношение в результате взаимодействия с внешней средой конкретизируется в ту или иную форму вины, мотив и цель преступного поведения.

Обычно форма вины, мотив и цель достаточно полно характеризуют субъективную сторону преступления. Лишь в отдельных случаях уголовное законодательство не ограничивается указанными субъективными признаками и включает в состав преступления еще один — антисоциальное отношение лица к обществу или к выполнению своих обязанностей.

Отношение может быть элементом состава как умышленного, так и неосторожного преступления.

Действующему уголовному законодательству известен лишь один случай, когда отношение включено в состав умышленного преступления. Это преступление — хулиганство, которое в соответствии со ст. 206 УК РСФСР представляет собой «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу». «Явное неуважение к обществу», т. е. определенное антисоциальное к нему отношение, является в данном случае элементом состава преступления.

Отношение является элементом состава в целом ряде неосторожных преступлений.

Так, в ст. 172 УК РСФСР говорится о невыполнении или ненадлежащем выполнении должностным лицом

своих обязанностей «вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения». В ст. 100 УК РСФСР сказано: «Недобросовестное отношение лица, которому поручена охрана государственного или общественного имущества, к своим обязанностям...». Сходные формулировки содержатся в ст. 99¹ УК РСФСР (преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники), в ст. 219 УК РСФСР (небрежное хранение огнестрельного оружия) и в некоторых других. Во всех этих случаях речь идет о недобросовестном отношении лица к своим обязанностям.

Несмотря на то, что неуважение к обществу и недобросовестное отношение лица к своим обязанностям не ограничиваются нравственно-психологическими процессами и состояниями, но и проявляются во внешнем мире в виде действий или бездействия, они должны рассматриваться прежде всего в качестве признаков субъективной стороны преступления. Характер действия или бездействия при совершении указанных преступлений может ничем не отличаться от поведения, выражающего совсем иное нравственно-психологическое отношение лица к своим действиям и их последствиям.

Правда, закон не всегда поступает так, как при формулировке ст. 172 УК РСФСР, т. е. не всегда расшифровывает признаки объективной стороны преступления, выражающие отношение лица к своим обязанностям. Не указаны они, например, в ст. 100 УК РСФСР. Однако по общему правилу в этом нет никакой необходимости, так как они всегда выражаются в невыполнении или ненадлежащем выполнении лицом возложенных на него обязанностей.

В чем состоит смысл включения отношения в число признаков состава преступления?

Ответ на этот вопрос окажется различным в зависимости от того, о каком преступлении будет идти речь — умышленном (хулиганстве) или неосторожном.

Введение в состав хулиганства признака «явное неуважение к обществу» позволяет лучше раскрыть антисоциальную природу этого преступления и отграничить его от смежных преступлений, в частности, от преступлений против личности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам

о хулиганстве» сказано, что оскорбление, побои, легкие или менее тяжкие телесные повреждения и другие подобные действия «могут квалифицироваться как хулиганство лишь в тех случаях, когда они одновременно были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу»¹. Аналогичные указания давались Пленумом Верховного Суда СССР и раньше.

Проводя разграничение хулиганства от преступлений против личности с учетом этих рекомендаций, многие авторы пытались раскрыть понятие явного неуважения к обществу через хулиганский мотив и разграничить указанные преступления именно по этому признаку². Другие, признавая возможность совершения хулиганства по различным мотивам, отграничивали его от преступлений против личности по признаку проявления явного неуважения к обществу. Однако при этом они раскрывали этот признак через элементы состава, характеризующие объективную сторону преступления (характер совершенных действий и др.)³.

Однако явное неуважение к обществу представляет собой признак субъективной стороны преступления. Это определенное нравственно-психологическое отношение человека к другим людям и общественному порядку. Конечно, оно должно объективироваться в каких-то внешних обстоятельствах преступного поведения, но представить его без конкретного социально-психологического содержания нельзя.

Каким является это содержание, поясним на конкретных примерах.

Э. Мамедов и Т. Мамедов в помещении райпищеторга, недовольные требованиями, которые предъявил им по службе инспектор Министерства торговли, затеяли скандал, избили его и при этом допустили нецензурную брань. Признавая Мамедовых виновными в хулиганстве, Пленум Верховного Суда СССР указал: «То

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 6, с. 24.

² См., например: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1968, с. 151—165.

³ См., например: Курс советского уголовного права. М.: Наука, т. 6, 1971, с. 318—319.

обстоятельство, что поведение Мамедовых было связано с причинами служебного и личного, по их словам характера, не может рассматриваться как условие, исключаящее квалификацию содеянного по ст. 207 УК Азерб. ССР. В данном случае конфликт, возникший на служебной почве, перерос в действия, выходящие за рамки этого конфликта и обоснованно расцененные судом как связанные с нарушением общественного порядка»⁴.

Постановление Пленума по делу Мамедовых показывает, что хулиганство может быть совершено по служебным и личным мотивам. В деле Мамедовых нет хулиганского мотива. Нет потому, что мотив — это побудительная сила преступления. Это то, что побуждает виновного на совершение преступных действий и является непосредственной субъективной причиной их совершения. А в деле Мамедовых в качестве такой силы выступают служебные и личные побуждения. Преступление квалифицировано как хулиганство потому, что в нем выразилось явное неуважение к обществу.

Однако мы пришли бы к неправильному выводу, если бы решили, что совершение преступления из личных и иных мотивов в общественном месте всегда является показателем явного неуважения к обществу. Свидетельством этому может служить постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Перадзе.

Перадзе уступил место в очереди на такси женщине с ребенком. Стоявший в той же очереди Иремашвили заявил ему, что, пропустив женщину вперед, он тем самым потерял свою очередь. В возникшей ссоре Перадзе ударил Иремашвили по лицу, отчего тот упал и, ударившись головой о бордюр тротуара, получил тяжкие телесные повреждения.

Пленум не согласился с квалификацией поведения Перадзе как хулиганства и признал его виновным лишь в неосторожном причинении тяжких телесных повреждений⁵. Таким образом, он пришел к выводу, что умышленное нанесение ударов потерпевшему в общественном месте не всегда является показателем наличия у виновного явного неуважения к обществу.

⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 1, с. 30.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 6, с. 22, 23.

Явное неуважение к обществу обычно выражается в цели грубо нарушить общественный порядок, в хулиганских побуждениях, в определенном содержании умысла. Но свести его к какому-либо из указанных признаков субъективной стороны преступления не представляется возможным.

Как известно, цель грубого нарушения общественного порядка не является обязательной для хулиганства. Мы видели, что не является обязательным для этого преступления и хулиганский мотив. Есть все основания утверждать, что и умысел на нарушение общественного порядка может не содержать в себе явного неуважения к обществу.

Умысел предполагает, что лицо сознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит наступление общественно опасных последствий и желает или сознательно допускает их наступление. При совершении преступных действий в общественном месте может создаться обстановка, при которой виновный сознает общественно опасный характер, предвидит нарушение общественного порядка, допускает его нарушение и в то же время явного неуважения к обществу не проявляет. Об этом свидетельствует приведенное выше постановление Пленума Верховного Суда по делу Перадзе, а также определение Верховного Суда РСФСР по делу Розова.

Розов на танцевальной площадке городского парка на почве ревности ударил Константинова, причинив ему легкие телесные повреждения с расстройством здоровья, после чего сразу же ушел из парка.

В определении по этому делу Верховный Суд признал, что в нем «нет данных, которые давали бы основание заключить, что своими действиями по отношению к Константинову Розов имел намерение нарушить общественный порядок и проявить явное неуважение к обществу»⁶.

Явное неуважение к обществу выражает такое нравственно-психологическое отношение к обществу, которое может не играть активной роли в совершении преступления (иначе бывает в том случае, когда виновный совершает преступные действия исключительно или в

⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 9, с. 10, 11.

том числе для того, чтобы выразить явное неуважение к обществу), но тем не менее создает условия для возникновения преступного намерения и его проявления в общественно опасном поведении.

В «Словаре русского языка» под уважением понимается «почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств». Соответственно неуважение определяется как «отсутствие должного уважения, непочтительность»⁷. Поэтому «под явным неуважением к обществу», о котором говорится в ст. 206 УК РСФСР, следует понимать явно непочтительное отношение к обществу, к общественным интересам. Обычно такое отношение является следствием преувеличенной оценки собственной личности, своих интересов, своего положения в обществе.

Неуважение к обществу представляет собой антиобщественное отношение к общественному порядку. Такое же отношение заключено в умысле, то есть в форме вины, с которой действует хулиган. Отрицательное отношение субъекта к охраняемым уголовным правом интересам социалистического общества, выраженное в совершенном им общественно опасном деянии, как отметил П. С. Дагель, составляет сущность вины⁸. Значит ли это, что субъективное содержание проявленного явного неуважения к обществу и вина субъекта в совершенном преступлении представляют собой равнозначные понятия? Нет. Первый признак по своему содержанию полнее второго. Вина (в данном случае умысел на нарушение общественного порядка) и явное неуважение к обществу соотносятся друг с другом как часть и целое.

Антиобщественное отношение лица к объекту преступления, содержащееся в умысле хулигана, выражается в осознании виновным общественной опасности своего поведения, то есть признаков деяния, являющихся элементами состава преступления, а также в предвидении нарушения общественного порядка и в желании его нарушения. Явное неуважение к обществу

⁷ Словарь русского языка. М., 1953, с. 367, 759.

⁸ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — Учен. зап. / Дальневосточн. ун-т, Владивосток, 1968, вып. 21, ч. 1, с. 54.

наряду с такими признаками антиобщественного отношения к общественному порядку включает в себя определенное смысловое содержание этого отношения — непочтительность и, кроме того, определенное положительное эмоциональное состояние, переживаемое субъектом в процессе нарушения общественного порядка. По этой причине закон говорит не просто о степени нарушения общественного порядка при хулиганстве, как это он делает в других случаях определения размера причиняемого обществу ущерба, прибегая к терминам «крупный», «существенный» и т. п., а о «грубом» нарушении общественного порядка. Это слово толкуется как «недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный в обращении с кем-нибудь»⁹ и характеризует не столько тяжесть последствий поступка, сколько отношение, которое проявляется к окружающим во время совершения поступка.

Количественным и качественным выражением признака «явное неуважение к обществу» являются признаки, указанные в ч. II ст. 206 УК РСФСР — «особая дерзость» и «исключительный цинизм».

Одной из основных причин включения в состав хулиганства указанного признака является, по-видимому, сложность выражения явного неуважения к обществу в заранее определенных объективных признаках преступления. Оно может быть установлено в каждом отдельном случае с учетом всех фактических обстоятельств по делу.

Показателями явного неуважения к обществу помимо хулиганских побуждений могут быть место совершения преступления (торжественное заседание, просмотр спектакля или кинокартины, похороны и т. п.), характер поведения окружающих, позднее время, количество лиц, покой которых нарушен, продолжительность нарушения общественного порядка, степень его нарушения и др. Значительную помощь в установлении этого признака может оказать выяснение, не являлось ли поведение потерпевшего провокационным, в какой степени на поведении виновного сказались предшествующие неприязненные взаимоотношения с потерпевшим,

⁹ Словарь русского языка, с. 124.

психическое состояние виновного перед совершением преступления и т. д.

Явное неуважение к обществу является конкретным выражением антисоциального отношения человека к общественным интересам при совершении умышленного преступления. При неосторожных преступлениях это свойство человеческой личности проявляется в недобросовестном отношении лица к своим обязанностям.

Можно выделить два основания, по которым этот признак включается в состав неосторожного преступления.

Прежде всего необходимость выразить субъективную сторону преступления таким образом, чтобы она охватила не одно, а ряд тождественных или однородных деяний, совершаемых по неосторожности.

Такая конструкция субъективной стороны бывает необходимой еще и потому, что позволяет предусмотреть в законе возможность психологического отношения лица к последствиям своих поступков как в форме небрежности, так и в форме самонадеянности.

Проиллюстрируем это положение конкретным примером из практики Верховного Суда РСФСР.

Индюков был признан виновным в халатности в связи с тем, что, работая главным ветеринарным врачом совхоза, не проводил планового поголовного обследования скота. Составлял дважды фиктивные акты обследования, не принимал мер к раздельному содержанию больных и здоровых животных, по сигналам о наличии больных животных никаких мер не принимал. Допущенный в результате такого отношения Индюкова к своим обязанностям падеж скота причинил совхозу значительный ущерб¹⁰.

Как видно из приведенных обстоятельств дела, халатность Индюкова выразилась в целом ряде поступков. Естественно предположить, что в одних случаях он не принимал нужных мер по забывчивости, не предвидя наступление вредных последствий (вина в форме небрежности), в других — сознавал общественную опасность своего поведения, но надеялся, что в силу тех или иных причин вредных последствий не наступит (вина в форме самонадеянности).

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 6, с. 8.

Введение в состав преступления признака недобросовестного отношения лица к своим служебным обязанностям позволило охватить им различные формы неосторожной вины к последствиям совершенных поступков. Это дало возможность, в свою очередь, наиболее полно отразить в законе характер и степень общественной опасности преступного деяния.

Другое основание включения недобросовестного отношения лица к своим обязанностям в состав преступления относится к тем видам преступного поведения (халатность, недобросовестное отношение лица к обязанностям по охране социалистического имущества и др.), объективная сторона которых часто образуется из ряда поступков, каждый из которых, взятый отдельно, в силу малозначительности не может рассматриваться в качестве преступления. Они образуют преступное поведение только в совокупности.

Аналогичное положение складывается иногда и при совершении умышленных преступлений. Оно служит, в частности, одним из оснований выделения так называемого продолжаемого преступления.

При хищении социалистического имущества одна из разновидностей продолжаемого преступления выражается в завладении государственным или общественным имуществом в несколько приемов. В процессе осуществления каждого из них социалистической собственности причиняется незначительный ущерб. Поэтому действия виновного, рассматриваемые изолированно, преступлениями не считаются. Однако, если в совокупности они причинили значительный ущерб и охватывались единым умыслом виновного, то их совершение рассматривается как одно преступное поведение.

Такое же сочетание обстоятельств складывается иногда и при совершении неосторожных преступлений. Совершается ряд тождественных поступков, которые объединяются в единое целое одним и тем же психологическим отношением лица к выполнению своих обязанностей. Для него характерны невнимательность, небрежность, самонадеянный расчет на предупреждение вредных последствий и т. д. Такое однородное отношение лица к своим обязанностям и, следовательно, к его последствиям позволяет обосновать его ответственность за причиненный обществу ущерб. Этим целям и слу-

жит введение в состав преступления в качестве самостоятельного признака недобросовестное отношение лица к своим обязанностям.

Сказанное выше приводит нас к выводу, что традиционная классификация признаков, характеризующих субъективную сторону преступления, на вину, мотив и цель должна быть дополнена еще одним признаком — антисоциальным отношением лица к обществу и своим обязанностям.

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

С. А. Елисеев

Личность преступника, представляя собой совокупность общественно значимых черт, интегрально характеризующих человека, совершившего преступление, обладает, как и любая сложная целостность, внутренней структурой.

В настоящее время в уголовно-правовой, криминологической литературе наметились многочисленные и довольно различные как по своему содержанию, так и по исходным положениям, подходы к исследованию структуры личности преступника. Так, П. С. Дагель рассматривает структуру личности преступника как состоящую из ряда подструктур, относящихся к различным сферам личности, из элементов, т. е. свойств личности, и признаков, характеризующих эти свойства. По его мнению, подструктуры характеризуют следующие сферы личности преступника: 1) непосредственно его общественную опасность, проявленную в совершенном преступлении (вину, мотив, способ преступления, повод, отягчающие и смягчающие обстоятельства, поведение преступника в местах лишения свободы); 2) отношения личности в различных областях общественной жизни (социальные и антисоциальные связи личности), т. е. социальный статус, социальные роли; 3) нравственно-психологическую характеристику личности; 4) психологическую сторону, психические особенности; 5) физические (биологические) свойства личности¹.

С. А. Тарарухин различает такие элементы социальной структуры личности, как направленность, ценност-

¹ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1972, с. 61—70.

ная ориентация, социальная установка и мотивация². А. Б. Сахаров выделяет следующие категории признаков, образующих, по его мнению, структуру личности преступника: социально-биологические, социально-демографические, социально-психологические³. По мнению Ю. М. Антоняна, структура личности преступника состоит из ряда подструктур: первой — социально-демографической; второй, включающей уровень умственного развития, культурно-образовательный уровень, знания, навыки, умения; третьей, в которую входят нравственные качества, ценностные ориентации и стремления личности, социальные позиции и интересы, потребности, склонности, привычки; четвертой, характеризующейся психическими процессами, свойствами и состояниями; пятой, состоящей из биофизиологических признаков. Данная структура называется автором статической и, по его мнению, не отражает всей специфики личности преступника. Поэтому Ю. М. Антонян предлагает динамическую структуру, которая, как он считает, выражает именно специфику личности преступника. Она состоит из статической структуры личности и структуры преступного поведения⁴.

Г. М. Миньковский называет следующие элементы личности преступника, составляющие систему: 1) демографические признаки личности; 2) образовательно-культурный уровень; 3) потребности и интересы, отношения быта и досуга; 4) эмоционально-волевые признаки; 5) ориентация личности и мотивация как синтез сдвигов и деформации⁵. М. Г. Миненок полагает, что в качестве основных структурных компонентов должны быть выделены: 1) потребностно-мотивационная сфера; 2) ценностно-ориентирующие признаки; 3) признаки, характеризующие готовность, решимость к совершению преступления. На его взгляд, в структуру личности не

² Тарарухин С. А. Преступное поведение. М.: Юрид. лит., 1974, с. 24.

³ Сахаров А. Б. Учение о личности преступника. — Сов. государство и право, 1968, № 9, с. 64—69.

⁴ Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступника. — Сов. государство и право, 1974, № 4, с. 89—91.

⁵ Миньковский Г. М. Личность преступника и методы ее изучения. — В сб.: Вопросы советской криминологии (материалы научной конференции), ч. 1. М., 1976, с. 52.

входят такие ее элементы, содержание которых нельзя изменить в ходе воспитательного процесса: пол, социальное происхождение, уровень образования и другие признаки⁶.

Как видно из приведенного (далеко не полного) обзора мнений о структуре личности преступника, в нее включаются различные свойства, признаки, качества, состояния личности. Причем некоторые авторы, определяя структуру личности преступника, предпринимают попытку дать подробное перечисление и описание тех или иных признаков личности. Однако под структурой личности преступника следует понимать не просто перечень сведений о личности человека, совершившего преступление, а определенную систему составляющих ее элементов, находящихся между собой в устойчивых взаимосвязях⁷. Составляющие целостность свойства, качества личности взаимосвязаны и вместе с тем относительно самостоятельны, что зависит от особенностей их формирования и развития. В личности, взятой как целостность, следует различать две группы свойств, представляющих собой определенные уровни личности: социальные и нравственно-психологические. Первые определяются местом личности в социальной среде, складываются при выполнении человеком разнообразных общественных функций и характеризуют общественную сущность человека. Вторые раскрывают внутренний мир индивида, показывая специфические черты его личности.

В связи с этим мы выделяем в личности преступника следующие структуры:

1. Социальную, к которой относятся признаки, характеризующие человека как субъекта и объекта общественных отношений, занимающего определенные социальные позиции и выполняющего социальные роли. Они характеризуют общегражданское положение человека в обществе, социальные аспекты его половой при-

⁶ Миненко М. Г. Личность расхитителя. Калининград: Изд-во КГУ, 1980, с. 36; Миненко М. Г. Личность расхитителя (вопросы структуры). — Правоведение, 1976, № 3, с. 129, 131.

⁷ См.: Платонов К. К. Понятие структуры в учении о личности. — В кн.: Проблемы личности. М., 1969, вып. 1, с. 54; Философский словарь. М., Политиздат, 1980, с. 355.

надлежности, возрастных особенностей, образование, род занятий, семейное положение, жилищные и материальные условия жизни. Существенно характеризуют личность преступника и сведения об участии в общественно-политической деятельности, партийность и т. д. В социальную структуру личности преступника мы включаем и признаки, свидетельствующие о том, занимал ли он ранее антиобщественную позицию. (К ним мы относим данные о нарушениях социальных норм поведения советского человека; в частности, сведения о прошлой судимости, о характере совершенного ранее преступления, о виде и размере применявшегося уголовного наказания, о сроках отбывания наказания за совершенное ранее преступление, об основаниях освобождения от наказания и т. п.);

2. Нравственно-психологическую, которую образуют свойства и качества, характеризующие психический склад индивида, его внутренний мир, отношения к различным социальным и моральным ценностям. К числу основных компонентов данной структуры следует отнести потребности и интересы, направленность личности, ценностные ориентации, нравственные, интеллектуальные качества преступника. Важное место в этой структуре занимает мотивационная сфера, определяющая действия субъекта, особенности его жизнедеятельности, поведение в целом. В мотивационной сфере личности тесно взаимодействуют ее психологические, нравственные и социальные особенности, проявляются направленность, ценностные ориентации. Е. В. Осипова отмечает, что мотивы поведения, установки, ориентации личности как «элементы личностной структуры существуют не наряду с другими ее компонентами, такими, как потребности, цели, интересы, ценности и т. д., а проникают во всю сложную систему элементов сознания и самосознания человека. В определенных условиях потребности или интересы, как и другие элементы психики личности, могут становиться мотивами или даже установками действий личности или ее ориентациями»⁸.

В предлагаемой нами структуре указаны основные

⁸ Осипова Е. В. Некоторые проблемы теории личности. Социальные исследования. М., 1970, вып. 3, с. 23.

компоненты, которые, находясь во взаимозависимости, в своей совокупности дают целостный образ личности преступника. Также необходимо отметить, что, рассматривая структуру личности преступника, мы исходим из того, что личность преступника — это личность человека, совершившего преступление; ее отличие от личности непереступников связано с содержанием (направленностью) отдельных компонентов структуры личности. В связи с этим нельзя признать верной позицию Ю. М. Антоняна, который включает в структуру личности преступника структуру преступного поведения. Как известно, преступное поведение — это специфическая форма человеческой деятельности. Как философское понятие деятельность представляет собой специфическую форму активного отношения человека к окружающему миру. Именно в деятельности человек проявляет себя как личность, он является субъектом этой деятельности. Если же следовать предложенной Ю. М. Антоняном позиции, то личность фактически утратит свое самостоятельное значение, исчезнет в субъективных и объективных признаках преступления. Признавая действительно существующую и неразрывную связь между личностью и преступным поведением, нельзя, однако, отождествлять эти понятия. Неубедительной представляется также позиция М. Миненка, который не включает в структуру личности социальные признаки. При рассмотрении структуры личности преступника речь идет именно о строении и связях компонентов личности преступника как субъекта общественных отношений, занимающего определенное место в системе этих отношений и обладающего индивидуальностью. Кроме того, данная позиция неприемлема и потому, что личности преступника присущи определенные потребности, мотивы, иные нравственно-психологические свойства, не требующие изменения в процессе исполнения наказания.



ВИДЫ СЛУЧАЙНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ (В АСПЕКТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТЬ — СИТУАЦИЯ)

Ю. В. Голик

Всякое преступление есть продукт взаимодействия личности и ситуации. Многообразны бывают личности и столь же многообразны бывают ситуации совершения преступлений. Применительно к задачам настоящей работы нас интересует лишь личность случайного преступника и характер ее взаимодействия с ситуацией совершения преступления.

В этой связи нас интересует прежде всего конкретная жизненная ситуация в общем виде и полном объеме. Ее интегральное значение чаще всего определяется как «совокупность обстоятельств жизни данного человека, способствующих возникновению у него при определенных условиях решимости совершить преступление»¹. Существуют и более конкретизированные определения ситуации. Например, Г. С. Саркисов определяет конкретную жизненную ситуацию как «объективное обстоятельство, событие или субъективное состояние, взятые в отдельности или в определенном сочетании, которые во взаимодействии со свойствами личности и иными факторами, играющими доминантную роль, вызывают у субъекта решимость совершить преступление или воздержаться от него»².

И то, и другое определения имеют свои недостатки. Мы лишь отметим один общий для обоих — указание на решимость лица совершить преступление. Уже одно это говорит о том, что определения ситуации распро-

¹ Криминология. М.: Юрид. лит., 1976, с. 180.

² Саркисов Г. С. К вопросу об определении конкретной жизненной ситуации. — В кн.: Демократия и право развитого социального общества. М.: МГУ, 1975, с. 477.

страняются на умышленные преступления и мало пригодны для неосторожных преступлений. Но и неосторожные преступления происходят в определенных ситуациях, поэтому, на наш взгляд, более целесообразно ограничиться указанием на то, что все доминантные факторы, входящие в ситуацию, порождают преступление или, как пишет С. А. Ефремов, они влияют на возникновение, форму и другие особенности преступного поведения³. Если преступление по каким-либо причинам не состоялось, то и преступной ситуации нет, хотя сама по себе эта ситуация не лишена определенного интереса для криминолога.

Мы уделили столько внимания понятию ситуации с единственной целью: объяснить, что нам в данном случае важно уяснить основы взаимодействия ситуации как таковой с личностью.

Ситуация — лишь один из элементов в цепи явлений, предшествующих преступлению. Второй элемент — личность. Поскольку личность мы заранее оговорили, постольку нас в большей мере будут интересовать особенности процесса восприятия личностью ситуации, переработки полученной информации, способность личности противостоять неблагоприятному воздействию ситуации, приведших в совокупности к преступному результату.

Учитывая процесс взаимодействия личности и внешней среды, можно условно выделить несколько видов случайных преступников. При этом в основу нашей классификации мы кладем психическое состояние лица в момент преступления, возникшее под воздействием ситуации. Мы учитываем также, что это психическое состояние складывается не только в зависимости от степени интенсивности воздействия ситуации на личность, но и в зависимости от особенностей восприятия личностью внешних раздражителей и от особенностей социально-нравственной и социально-психологической характеристик личности. Все эти признаки мы преломляем под углом взаимодействия личность — ситуация и

³ Ефремов С. А. Об определении понятия «конкретная жизненная ситуация». — Проблемы правоведения. Киев: Вища школа, 1980, вып. 41, с. 111.

учитываем те или иные особенности лишь тогда, когда они сказались на этом взаимодействии.

А. «Аффективные» случайные преступники. Само название говорит о том, что данная категория преступников не имеет хорошо развитых сдерживающих начал, остро и неадекватно реагирует на внешние раздражители. Не умея хорошо сдерживать свои порывы, эти люди совершают преступления, в которых потом раскаиваются⁴. Большая часть преступлений, совершаемых в состоянии сильного душевного волнения, принадлежит именно этим лицам⁵.

Хорошо развитых сдерживающих начал может не быть и у неслучайного преступника. У неслучайного преступника их может не быть потому, что он не желает сдерживать себя, не желает вести себя так, как того требуют нормы социалистического общежития. У случайного же преступника неумение сдерживать себя проявляется в крайне обостренных ситуациях и вызывается к жизни внешними, а не внутренними причинами. Возможности объективации этого неумения всегда связаны с воздействием на него определенной ситуации. В этой связи, на наш взгляд, следует согласиться с В. А. Номоконовым, который считает необходимым «четко различать свойства личности, характеризующие ее нравственно-социальную позицию и проявившиеся в деянии (которые могут подвергаться морально-полити-

⁴ «Если бы люди перед действием имели то сознание, ту совесть, которую они имеют после его совершения... то не существовало бы бессмысленных и преступных действий» (Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли.— Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955, т. 1, с. 485—486).

⁵ Психологи предлагают различать понятия сильного душевного волнения и физиологического аффекта (Лифшиц С. М., Винарская Н. М., Коротенко А. И., Кравчук Г. А., Москалик Л. Н. К вопросу о видах аффективных состояний. — В кн.: Личность и деятельность: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов СССР. М., 1977, с. 69). Это предложение заслуживает поддержки, поскольку позволяет учитывать степень душевного волнения, а следовательно, и степень вины, что, в свою очередь, окажет влияние на определение наказания. Степень же физиологического аффекта учесть невозможно, о чем весьма аргументированно пишет Б. В. Сидоров (Сидоров Б. В. Аффект. Его условно-правовое и криминологическое значение: Социально-психологическое и правовое исследование. Казань: КГУ, 1978, с. 46—47).

ческой оценке, осуждению и упреку), и индивидуально-психологические особенности человека, характеризующие своеобразие его мыслительной и эмоционально-волевой деятельности»⁶. Если у неслучайного преступника неумение сдерживать себя отражает отрицательную социально-нравственную позицию личности, то у случайного оно в большей мере относится к особенностям эмоционально-волевого склада личности и, подчеркнем это еще раз, носит сугубо ситуационный характер. Причем сама ситуация является оскорбительной или неуважительной по отношению к самому преступнику или близким ему лицам.

Данная группа преступников не однородна. Можно выделить, во-первых, лиц, мгновенно среагировавших противоправным образом на необычные, остро затрагивающие их законные интересы внешние раздражители, во-вторых, лиц, долгое время находившихся в неблагоприятных жизненных условиях. Эти неблагоприятные жизненные условия не являлись чем-то необычным для виновных, но они давили на их сознание как пресс, сжимающая пружину внутреннего протеста (поскольку были противны человеческой натуре вообще), пока какой-нибудь поступок третьих лиц (иногда весьма незначительный по сравнению с предшествующими условиями жизни) не переполнял чашу их терпения и не приводил их к преступлению⁷. Иными словами, эмоции не сразу принимают форму аффекта, а формируются постепенно, «длительное время оставаясь латентными»⁸. По дан-

⁶ Но мо ко но в В. А. Проблема свободы воли в советском уголовном праве (в аспекте взаимосвязи «личность — ситуация»). Автореф. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974, с. 16.

⁷ По мнению В. Д. Филимонова, признание подобных лиц случайными преступниками «не согласуется в полной мере с философской категорией случайности» (Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск: ТГУ, 1973, с. 92). Нам это мнение представляется спорным. Длительная травмирующая обстановка действительно не может быть признана случайной по отношению к виновному. Но само преступление как способ разрешения затянувшегося конфликта по отношению к личности преступника мы можем признать случайным постольку, поскольку оно не отражает социальную позицию личности виновного.

⁸ Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979, с. 133.

ным Б. В. Сидорова, таких преступников 59,2% от общего числа лиц, совершивших преступления в состоянии аффекта⁹.

Б. «Растерявшиеся», то есть лица, не потерявшие контроля над собой, не потерявшие способности здраво мыслить, но в то же время и не сумевшие найти правильный выход из сложившейся ситуации. Преступления этих лиц есть продукт заблуждения, результат неправильно принятого или поспешного решения.

Эта группа преступников также не является однородной. Во-первых, в нее входят лица, которые в силу недостаточного профессионального мастерства, переутомления, отвлечения внимания и т. д. не успели в должной мере оценить суть происходящего. Они не сумели принять правильного решения, исключившего бы преступный результат, оказавшись в необычной для них ситуации, скорость протекания событий в которой была высокой. Чаще всего такие деяния совершают автотранспортные преступники в неожиданно изменившихся условиях дорожного движения.

Во-вторых, в эту группу входят и лица, находившиеся в состоянии раздражения, пассивности или, наоборот, повышенной возбужденности, что отвлекло их от поиска возможных путей разрешения конфликта, помешало этому поиску и в некоторой степени подтолкнуло, спровоцировало человека на совершение преступления. Ситуация была неблагоприятной, но отнюдь не скоротечной. При этом ни сама ситуация в целом, ни отдельные ее элементы не являются оскорбительными или неуважительными по отношению к данному человеку. В то же время они затрагивают законные интересы многих лиц. Примером может служить дело М., который был осужден за угон автомашины. В один морозный день он долгое время не мог уехать на работу (переполненные автобусы шли мимо, а если и останавливались, то втиснуться туда не было никакой возможности). Замерзнув, будучи раздраженным по поводу безобразной работы городского транспорта, он угнал самосвал, стоявший без присмотра близ рядом находившейся столовой. Добравшись наконец до работы, он

⁹ Сидоров Б. В. Указ. раб., с. 122.

анонимно позвонил в ГАИ и сообщил, где стоит брошенная им машина.

В. «Стрессовые» случайные преступники — это лица, находившиеся в состоянии чрезвычайно сильного воздействия ситуации на их сознание. Иными словами, ситуация совершения преступления оказала столь сильное воздействие на сознание виновных, что те совершили преступления. Недаром В. А. Номоконов отмечает, что «довольно велико число случаев, когда преступники «подавлялись» ситуацией»¹⁰. Если «растерявшиеся» случайные преступники оказались лицом к лицу с провоцирующей, «подталкивающей» их на совершение преступления ситуацией, то «стрессовые» попали в условия не просто провоцирующей, а «вынуждающей» ситуации. В такой ситуации и при наличии определенных субъективных условий преступление может быть совершено и лицом, обладающим достаточным опытом, знаниями, крепкими положительными социально-нравственными принципами. В качестве примера приведем дело Ак-на.

Ак-н шофер-дальнорейсовик I класса вел машину, находясь в нервном напряжении, вызванном переутомленным состоянием от большой переработки. Шел дождь, дорога была хорошая, ровная, но скользкая. Машин было мало, и все это расслабляло и успокаивало уставшего водителя. Впереди по ходу движения был крутой спуск, откуда неожиданно выскочил автомобиль «Жигули» темно-зеленого цвета, а поскольку фон был зеленым — дело происходило на трассе — и вечерело, автомобиль сливался с окружающей обстановкой. Ак-н допустил нарушение Правил дорожного движения (пошел на обгон, не убедившись в безопасности этого маневра), водитель «Жигулей» также нарушил Правила дорожного движения. Все эти обстоятельства вместе взятые не позволили Ак-ну вовремя среагировать и предотвратить аварию. Ситуация всеми своими элементами как бы «навалилась» на виновного и «задавила» его. Будь, однако, он в этой ситуации

¹⁰ Номоконов В. А. Взаимодействие личности и ситуации как выражение свободы воли преступника. — Проблемы советского государства и права. Иркутск, 1974, вып. 7, с. 19.

бодрым, а не усталым, по его собственным словам, авария вряд ли произошла бы.

Деление случайных преступников на «аффективных», «растерявшихся» и «стрессовых» мы называем условным потому, что не всегда они встречаются в «чистом виде».

Возможна более детальная градация. Мы же выделили лишь основные, наиболее часто встречающиеся виды случайных преступников. Подобная классификация позволяет учитывать неоднозначность воздействия ситуации на личность случайных преступников и на основе такого учета строить систему профилактических мер, в том числе и определять наказание, соответствующее личности виновного и тяжести содеянного. На XXVI съезде КПСС было специально подчеркнуто, что работу правоохранительных органов нужно строить так, чтобы все «виновные несли заслуженное наказание»¹¹.

¹¹ Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. 23 февраля 1981 г. М.: Политиздат, 1981, с. 88.

ЗЛОСТНОЕ ХУЛИГАНСТВО И ЕГО ЮРИДИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Т. А. Плискина

Каждое преступление обладает множеством индивидуальных особенностей объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны. Задача законодателя состоит в том, чтобы на основе познания криминологической реальности того или иного общественно опасного деяния выделить наиболее существенные его признаки и изложить норму закона в специфически-юридических терминах таким образом, чтобы можно было провести четкие границы между отдельными видами и родами преступлений¹. Что же касается существующего законодательного определения хулиганства как умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, то оно, по словам М. И. Ковалева, «не отличается должной определенностью, границы же, отделяющие хулиганство как административный проступок от хулиганства как уголовно наказуемого деяния, подвижны и расплывчаты»². Также недостаточно определенными и конкретными являются границы между отдельными видами хулиганства и между хулиганством и другими преступлениями, в частности, преступлениями против личности.

Сказанное подтверждается результатами опроса народных судей Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей. Наиболее существенные затрудне-

¹ См.: Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит., 1970, с. 36—37.

² Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе. — Советское государство и право, 1973, № 11, с. 70.

ния в судебной практике вызывает решение вопросов о том, было ли нарушение общественного порядка грубым и выражали ли действия виновного явное неуважение к обществу. А между тем именно этими двумя обстоятельствами и определяется понятие хулиганства. Кроме того, в качестве обстоятельств, вызывающих значительные трудности в практической деятельности, многие народные судьи отметили: отграничение хулиганства от иных преступлений, в особенности от преступлений против личности; квалификацию хулиганских действий по той или иной части ст. 206 УК РСФСР; определение признаков особой дерзости и исключительного цинизма.

Особенно неудачным, на наш взгляд, является определение злостного хулиганства, под которым понимаются хулиганские действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, либо связанные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, а равно совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР).

Прежде всего вызывает возражение сама формулировка злостного хулиганства, предусмотренного ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Это возражение связано с тем, что в перечне действий, образующих состав указанного преступления, содержится указание на хулиганские действия, совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство, то есть на рецидив хулиганства. Между тем рецидив — это характеристика преступника, а не преступления. Следовательно, при определении действий как «злостное хулиганство» правильнее было бы сказать: «...а равно **совершенное**», а не «**совершенные** лицом, ранее судимым за хулиганство».

Не совсем верно сформулирован и такой квалифицирующий признак злостного хулиганства, как «действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью». Во-первых, закон здесь говорит не о признаках конкретного деяния, а о проявлении нравственного (точнее, безнравственного) **отношения** субъекта — неуважения его к обществу, к людям. Однако в соответствии с общим по-

нятием преступления, содержащимся в ст. 7 УК РСФСР, таковым является общественно опасное деяние (действие или бездействие). Поэтому закон, устанавливая уголовную ответственность за совершение конкретных преступлений, в том числе и за хулиганство, должен характеризовать именно **деяние** лица — действие, способ его совершения, вредные последствия и т. д. Однако эти обстоятельства объективной стороны особо дерзких и исключительно циничных действий в составе злого хулиганства не нашли отражения.

Во-вторых, и исключительный цинизм, и особая дерзость хулиганских действий являются частными формами неуважения лица к обществу и в составе закреплены в качестве критериев, с помощью которых уголовно наказуемое хулиганство отличается от иных видов хулиганских действий. Но оба эти понятия так же, как и **грубое** нарушение общественного порядка и **явное** неуважение к обществу, являются оценочными, не имеющими достаточно определенного содержания.

В Толковом словаре русского языка цинизм определяется как «вызывающе пренебрежительное и презрительное до наглости и бесстыдства отношение к чему-нибудь (к правилам нравственности и благопристойности, к культурным ценностям и т. п.)»³. Дерзость есть «оскорбительная непочтительность, наглость, грубость»; дерзкий (о поступке): «1) непочтительный, наглый, оскорбительно грубый, 2) вызывающе смелый, выказывающий пренебрежение к возможному сопротивлению, противодействию опасности; 3) самоуверенный, надменный»⁴. Отсюда видно, что понятия дерзости и цинизма неоднозначны и могут быть истолкованы по-разному.

Введение в уголовный закон подобных понятий оценочного характера имеет определенное положительное значение, так как дает возможность «для включения в сферу уголовно-правового регулирования достаточно большого числа разнообразных явлений, имеющих уголовно-правовое значение и характеризующих способы совершения преступлений, масштабы преступной деятель-

³ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей 1940, т. 4, с. 1224.

⁴ Там же, т. 1, с. 694. См. также: Словарь современного русского литературного языка. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 3, с. 730—731.

ности, общественно опасные последствия, психические состояния и т. д. Применение таких понятий способствует наиболее полному охвату этого рода явлений и тем самым способствует выражению принципа полноты уголовного закона»⁵. Как отмечает В. Н. Кудрявцев, «существование оценочных понятий в законе неизбежно. Они полезны, если устанавливаются для тех случаев, когда это необходимо и когда правильно применяются на практике»⁶. Категории оценочного характера придают уголовно-правовой норме гибкость, динамичность, полноту и другие позитивные качества. Вместе с тем оценочные понятия обладают и негативными свойствами. При этом позитивные свойства «проявляются преимущественно в сфере правотворчества, а негативные — в правоприменительной деятельности при отправлении правосудия по уголовным делам»⁷.

При наличии оценочного признака в составе преступления органы следствия и суда, прежде чем квалифицировать содеянное, должны определить, что законодатель имеет в виду под самим этим признаком. По словам М. И. Ковалева, «излишне оценочная норма так же, как излишне формализованная, порождает трудности на практике, ибо она очерчивает лишь контуры деяния, оставляя за судьей право установить его действительное содержание»⁸. Основное негативное качество категорий оценочного характера заключается в том, что они могут быть поняты и истолкованы по-разному, поскольку «оценки изменяются не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека с течением времени»⁹. Вследствие этого они несут в себе возможность судебно-следственных ошибок.

⁵ Фролов Е. А., Питецкий В. В. Гарантии законности и оценочные понятия в уголовном праве. — Советское государство и право, 1979, № 6, с. 87.

⁶ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972, с. 138.

⁷ Питецкий В. В. Некоторые перспективы дальнейшего использования оценочных понятий в советском уголовном праве. — В сб.: Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Свердловск: УрГУ, 1980, с. 66; См. также: Питецкий В. В. Позитивные и негативные свойства оценочных понятий. — Эффективность уголовного права на современном этапе. Свердловск: СЮИ, 1977, вып. 54, с. 104.

⁸ Ковалев М. И. Указ. работа, с. 70.

⁹ Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970, с. 33.

Так, существование в составе злого хулиганства оценочных признаков — исключительный цинизм и особая дерзость хулиганских действий — означает, что решение вопроса об их наличии или отсутствии в конкретных обстоятельствах содеянного в значительной мере передано на усмотрение органов следствия и суда. Верховный Суд РСФСР неоднократно указывал на ошибки, имеющие место в подобных случаях¹⁰. Об этом же говорится и в Обзоре практики применения законодательства и выполнения судами РСФСР постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР по делам о хулиганстве. В нем, в частности, сказано, что хулиганство иногда признается злым при отсутствии обстоятельств, указанных в диспозиции ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. При этом наибольшее количество ошибок допускается в связи с неправильным пониманием особой дерзости при хулиганстве. Имеются факты, когда суды квалифицируют хулиганские действия, содержащие признаки особой дерзости, как простое хулиганство¹¹.

Большинство авторов, рассматривающих вопросы использования оценочных понятий в уголовном законодательстве, высказываются за сокращение сферы их применения. «Отмечая положительное значение оценочных признаков, — пишет В. Н. Кудрявцев, — следует признать, что сокращение их числа в законодательстве способствует укреплению социалистической законности»¹². Так же считает Е. А. Фролов. «Решению задачи дальнейшего укрепления социалистической законности в уголовном праве, — пишет он, — должно соответствовать также и сужение сферы применения оценочных понятий, их постепенная замена в законе понятиями формально-определенными, обладающими твердыми

¹⁰ См. определения судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Лысова. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 9, с. 10—11; по делу Сафроновых В. и К. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1978, № 2, с. 11—12; по делу Слесаренко. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1977, № 2, с. 11 и др.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 6, с. 10—16.

¹² Кудрявцев В. Н. Указ. работа, с. 142.

и устойчивыми признаками»¹³. Применительно к ст. 206 УК РСФСР это означало бы установление конкретных признаков прежде всего объективной стороны преступления, что позволило бы четко определить, что такое хулиганство и чем оно отличается от других преступлений.

Следует отметить, что признаки исключительного цинизма и дерзости, введенные в состав еще в 1926 году, в настоящее время недостаточно полно характеризуют злостное хулиганство и неточно отражают криминологическую реальность этого преступления.

Дерзость, как уже отмечалось, предполагает проявление смелости, пренебрежения к возможному сопротивлению, опасности при совершении, в частности, и дурного поступка. Именно такое понимание дерзости находит отражение в судебной практике. В качестве примера можно привести постановление Президиума Рязанского областного суда по делу Кудрявцева, где применительно к грабежу сказано: «...преступник действует более дерзко, зная при этом, что очевидцы преступления могут воспрепятствовать его совершению или задержать похитителя»¹⁴.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 21 сентября 1977 г., расшифровывает понятие особой дерзости следующим образом: «Злостным хулиганством по признаку особой дерзости может быть признано такое преступное нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое сопровождалось, например, насилием, повлекшим телесные повреждения, или глумлением над личностью, длительным и упорно не прекращающимся нарушением общественного порядка, уничтожением имущества, срывом массового мероприятия, временным прекращением нормальной деятельности учреждения, предприятия или общественного транспорта и т. п.» (п. 16).

¹³ Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве. — Проблемы советского уголовного права и криминологии. Свердловск: СЮИ, 1973, вып. 28, с. 44.

¹⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1961, № 6.

Анализ этого разъяснения показывает, что в его основе лежат различные понятия. В частности, отнесение к категории особо дерзких хулиганских действий таких обстоятельств, как насилие, повлекшее телесные повреждения, глумление над личностью, предполагает наличие в действиях виновного смелости, решительности, если такие действия совершаются над личностью, способной сопротивляться. То же можно сказать и о таких злостных хулиганских действиях, как длительное и упорно не прекращавшееся нарушение общественного порядка. Что же касается уничтожения имущества в процессе хулиганства, срыва массового мероприятия, временного прекращения нормальной деятельности предприятия, учреждения или общественного транспорта, то здесь не всегда требуется проявление смелости. При отнесении этих действий к особо дерзким акцент сделан на тяжести причиняемых последствий. Следовательно, особая дерзость хулиганских действий может определяться не только смелостью преступника, его вызывающим пренебрежением к возможному сопротивлению, но и тяжестью наступивших последствий. По нашему мнению, данный признак следует отразить в законе через характеристику конкретных действий. При этом возможно установление как исчерпывающего, так и примерного их перечня с указанием способа совершения.

Определение исключительного цинизма в указанном постановлении Пленума более удачно: «Злостным хулиганством, отличающимся исключительным цинизмом, могут признаваться хулиганские действия, которые сопровождались демонстративным пренебрежением к общепринятым нормам нравственности, например, проявлением бесстыдства, издевательством над больными, престарелыми, лицами, находящимися в беспомощном состоянии, и т. п.» (п. 16). Однако для более четкого и конкретного выражения этого признака в законе необходимо, во-первых, охарактеризовать его через действия и, во-вторых, установить по возможности исчерпывающий перечень действий, относящихся к категории исключительно циничных. Именно за такое решение вопроса высказалось более трети опрошенных народных судей Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей.

В принципе допустимо установление и примерного перечня исключительно циничных хулиганских действий. Иногда закон прибегает к такой конструкции составов. Например, ст. 107 УК РСФСР говорит о материальной и иной зависимости; ст. 113 — о систематическом нанесении побоев или иных действиях; ст. 140 — о нарушении правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда; ст. 156¹ — о корыстной или иной личной заинтересованности и т. д.

Было бы целесообразно предусмотреть в законе специально в качестве отягчающих признаков длительное и упорное непрекращение хулиганства, временное прекращение нормальной деятельности учреждения, предприятия, общественной организации или общественного транспорта и т. п. Эти обстоятельства, в отличие от насилия или глумления над личностью, имеют другую основу, они выражают не отношение лица, а конкретную характеристику хулиганских действий и причиненного ими вреда. Наличие в деянии этих обстоятельств причиняет существенный ущерб охраняемым общественным отношениям, что значительно повышает степень общественной опасности хулиганства и лица, его совершившего.

Следующий квалифицирующий признак злостного хулиганства — оказание сопротивления представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка. В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 года говорится: «Хулиганские действия, сопряженные с сопротивлением работнику милиции, народному дружиннику, представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иному гражданину, пресекающему хулиганские действия, в том числе и соединенные с насилием или угрозой его применения в отношении упомянутых лиц, полностью охватывается диспозицией ч. 2 ст. 206 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требуют».

Отсюда следует, что закон рассматривает хулиганство, соединенное с сопротивлением представителю вла-

сти или общественности, как единое преступление. Точнее, речь здесь идет о так называемом **составном** преступлении — хулиганстве и соединенном с ним сопротивлении указанным лицам. Составное преступление — это единое преступление, включающее в себя два взаимосвязанных деяния, посягающих на различные объекты. Как отмечает И. Погребняк, «связь между двумя деяниями составного преступления характеризуется тем, что они совершаются одним субъектом, направлены на нарушение связанных между собой общественных отношений и нарушение одного из них облегчает или делает возможным нарушение другого»¹⁵. Когда хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти или общественности, образует единое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, а когда имеет место совокупность этих преступлений? Решение этого вопроса вызывает существенные затруднения в судебной практике. По данным проведенного исследования, хулиганские действия, сопряженные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, составили весьма небольшую часть злостного хулиганства. Зачастую такие действия квалифицируются по совокупности преступлений — ст. 206 и ст. 191 или 191¹ УК РСФСР, в то время как в постановлении Пленума отмечается, что «сопротивление, оказанное лицу, пресекающему хулиганские действия, не охватывается составом хулиганства лишь в тех случаях, когда в результате примененного при этом насилия виновным совершается еще и другое, более тяжкое преступление» (п. 17).

Такое положение, сложившееся в судебно-следственной практике, объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: 1) трудности в определении, образуют ли действия виновного самостоятельный состав преступления, предусмотренный в ст. 191¹, или они охватываются ст. 206 УК РСФСР; 2) при квалификации действий виновного по совокупности указанных статей увеличивается срок расследования, поскольку по ч. 2 ст. 206 этот срок сокращен до 20 дней, в то время как

¹⁵ Погребняк И. Квалификация составных преступлений. — Советская юстиция, 1970, № 13, с. 25.

по ст. ст. 191, 191¹ и др. он составляет два месяца. В практике нередки случаи, когда следователи намеренно квалифицируют действия виновных по совокупности ст. 206 и ст. 191¹, в результате чего суд вынужден исключать из обвинения ст. 191¹ на том основании, что содеянное охватывается ч. 2 ст. 206 и дополнительной квалификации не требует.

Для того, чтобы правильно ответить на вопрос, когда хулиганство, связанное с сопротивлением, образует единое преступление и не требует квалификации по совокупности ст. 206 и ст. 191 или ст. 191¹, необходимо обратиться к понятию единого (единичного) преступления¹⁶. Единичное преступление обладает рядом специфических особенностей. Прежде всего, элементы единичного преступления тесно взаимосвязаны, имеют ряд общих объективных и субъективных признаков, зачастую совершаются вместе и характерны для поведения определенной категории преступников¹⁷. Суть единого преступления составляет, по словам В. Н. Кудрявцева, «такое сочетание актов поведения, которое обладает известной распространенностью либо представляет повышенную общественную опасность именно в данной форме»¹⁸.

Однако, на наш взгляд, рассматривать хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, в качестве единого преступления нет достаточных оснований.

Поскольку ч. 2 ст. 206 УК РСФСР предусматривает квалифицированный состав, в ней должны содержаться такие признаки, которые характеризуют преступление как более общественно опасное. Есть ли повышенная общественная опасность в данном случае? По-видимому, ответ должен быть отрицательным. Во-первых, со-

¹⁶ См.: Никифоров А. С. Об ответственности за совокупность преступлений. — Советское государство и право, 1961, № 5; Пионтковский А. А. Учение о преступлении, 1961; Погребняк И. Квалификация составных преступлений. — Советская юстиция, 1970, № 13; Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань, 1974; Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960 и др.

¹⁷ Кудрявцев В. Н. Указ. работа, с. 283.

¹⁸ Там же, с. 282.

противление при хулиганстве обычно носит **ситуативный** характер. Как уже отмечалось, хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти или общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, составляет весьма небольшую часть от общего количества злостных хулиганских действий. Во-вторых, оно происходит уже после начала хулиганства и заранее, по общему правилу, в содержание умысла субъекта не входит.

Кроме того, чаще всего при хулиганстве сопротивление оказывается работникам милиции или народным дружинникам¹⁹, причем такие действия уже предусмотрены в ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР. Наказание по ч. 2 ст. 206 и по ч. 2 ст. 191¹ УК одинаковое — лишение свободы от одного года до пяти лет. Проведенное обобщение судебной практики показало также, что в абсолютном большинстве случаев хулиганство, связанное с сопротивлением, и **без этого признака** подпадает под ч. 2 ст. 206 УК (чаще всего это — особо дерзкие хулиганские действия). В отличие, например, от хищения личного имущества путем разбоя, где посягательство на личность потерпевшего и на его собственность в любом случае образует единое преступление, сопротивление представителю власти или общественности не является типичным при совершении хулиганства. Такое сочетание действий хулигана определяется характером конкретной ситуации. Следовательно, при хулиганстве, связанном с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, происходит как бы образование двух **самостоятельных** преступлений²⁰, что требует квалификации совершенного по совокупности преступлений — ст. 206 и ст. 191¹ УК РСФСР.

На основании вышеизложенного возникает вопрос о целесообразности существования в составе хулиганства признака сопротивления представителю власти или общественности. Необходимо отметить и то обстоятельство, что в УК РСФСР имеется ряд статей (191—192¹),

¹⁹ При обобщении практики не встретилось ни одного случая сопротивления иным представителям власти, кроме работников милиции.

²⁰ См.: Никифоров А. С. Об ответственности за совокупность преступлений. — Советское государство и право, 1961, № 5, с. 69.

предусматривающих противоправные действия, совершаемые в отношении указанных лиц. Поэтому вряд ли необходимо дублировать эти составы (тем более далеко не лучшим образом) в ст. 206 УК РСФСР. Кроме того, общепредупредительное значение признака сопротивления представителю власти или общественности при совершении хулиганства не только не уменьшится, но, напротив, будет сильнее, когда в квалификации преступных действий найдет отражение самостоятельный состав сопротивления указанным лицам.

Результаты проведенного опроса народных судей подтверждают эту мысль. Более половины опрошенных работников суда не считают оправданным включение в состав хулиганства рассматриваемого квалифицирующего признака. В качестве основных аргументов были названы: 1) наличие в УК РСФСР ст. ст. 191, 191¹, 193 и др.; 2) возникновение дополнительных трудностей в судебно-следственной практике.

Что касается такого квалифицирующего признака злостного хулиганства, как оказание сопротивления иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, то к нему в определенной степени относится сказанное о сопротивлении представителю власти или общественности. В частности, он также не свидетельствует о повышенной степени общественной опасности преступника. Обобщение практики показало, что сопротивление иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, также заранее в содержание умысла не входит и носит ситуативный характер. Помимо этого, и без названного признака совершенное хулиганство в большинстве случаев подпадает под ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. На наш взгляд, данный квалифицирующий признак также является излишним в составе хулиганства.

При анализе хулиганства, совершенного с сопротивлением иным гражданам, пресекающим противоправные действия хулигана, вызывает интерес следующее: закон имеет в виду активные действия гражданина по пресечению хулиганства. Однако гораздо чаще потерпевшими от хулиганских действий оказываются граждане, которые, хотя активно и не пресекали противоправное поведение хулигана, но делали виновному замечания о недопустимости его действий. По результатам исследования, около двух третей потерпевших ока-

зались таковыми именно при указанных обстоятельствах. Вследствие этого возникает вопрос: почему при хулиганстве действия виновного, совершенные в отношении двух или более лиц, не образуют квалифицированного состава, в то время как такие же действия, совершенные в отношении одного гражданина, а затем в отношении другого, заступившегося за первого, являются обстоятельством, отягчающим ответственность виновного? Представляется, что решение данного вопроса имеет определенный практический интерес.

О СУБЪЕКТЕ ПРИПИСОК И ДРУГИХ ИСКАЖЕНИЙ ОТЧЕТНОСТИ О ВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНОВ

В. А. Пенчуков

Одним из необходимых условий правильного применения уголовного закона, предусматривающего ответственность за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, является определение круга лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 151-1 УК Каз. ССР и аналогичным статьям УК других союзных республик.

Без глубокого и всестороннего уяснения этой важной части состава приписок и других искажений отчетности невозможна правильная квалификация преступления и определение наказания с учетом личности преступника.

Между тем в теории советского уголовного права вопрос о субъекте приписок является до настоящего времени дискуссионным. Несмотря на относительную распространенность преступления, неодинаково этот вопрос решается и следственно-судебной практикой¹. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть существующие точки зрения и попытаться выяснить, насколько они отражают наиболее существенные признаки рассматриваемого состава.

Исходя из понятия должностного лица, данного в примечании к ст. 170 УК РСФСР, В. И. Соловьев полагает, что приписки и другие искажения отчетности могут быть совершены лишь «должностными лицами, несущими оперативно-распорядительные или администра-

¹ См.: О повышении роли судов в борьбе с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов (обзор судебной практики). — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981. № 1, с. 35—38.

тивно-хозяйственные обязанности»². Аналогичное суждение было высказано С. Я. Булатовым, который к субъектам приписок и других искажений отчетности о выполнении планов относил должностных лиц промышленных, транспортных и иных государственных предприятий, руководителей совхозов, колхозов и др.³. Безусловно, понятие должностного лица полностью применимо к субъекту преступления, предусмотренного ст. 151-1 Каз. ССР. Но это не признак, органически ему присущий. Очевидно, с юридической точки зрения подобная оценка субъекта приписок и других искажений отчетности недостаточна: она слишком неконкретна, в силу чего не раскрывает специфики прав и полномочий должностных лиц, подлежащих уголовной ответственности по ст. 151-1 УК Каз. ССР. Отнесение всех лиц, выполняющих оперативно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, к числу субъектов приписок и других искажений отчетности о выполнении планов, на наш взгляд, неосновательно расширило бы круг этих субъектов, а построенное на таком принципе определение их полномочий ничего не дало бы для раскрытия деятельности этих лиц, их прав и обязанностей. Поэтому следует согласиться с М. Мирзаалимовым, указывающим на неприемлемость такого решения⁴.

По мнению авторов учебника уголовного права, изданного МГУ в 1971 году, субъектом преступления следует считать должностных лиц, в компетенцию которых входит составление отчетных данных о выполнении планов⁵. Данную точку зрения разделяет Б. М. Леонтьев в работе «Ответственность за хозяйственные преступления»⁶.

² Соловьев В. И. Борьба с должностными злоупотреблениями, обманом государства и приписками. М., 1963, с. 52.

³ Булатов С. Я. Ответственность за хозяйственные преступления по Уголовному кодексу Казахской ССР. Алма-Ата, 1965, с. 24.

⁴ Мирзаалимов М. Субъект преступления по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов. — Вопросы государства и права. Ташкент, 1965, с. 79.

⁵ Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971, с. 245.

⁶ Леонтьев Б. М. Ответственность за хозяйственные преступления. М., 1963, с. 17.

Приведенное мнение, как мы считаем, вызывает серьезное возражение. В действительности составление государственной отчетности нередко возлагается на работников некоторых функциональных подразделений предприятия — сотрудников планового отдела, бухгалтеров и др. Однако эти лица, выполняющие технические функции (обобщение плановых показателей, внесение этих показателей в формы бухгалтерской и статистической отчетности, подготовка форм государственной отчетности для утверждения и последующего представления их в вышестоящие или контрольные органы и т. п.), не наделены указанными в законе полномочиями. На этих лиц не возлагается ответственность за достоверность отчетных сведений, и они не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 151-1 УК Каз. ССР. Ошибочность подобных суждений неоднократно отмечалась высшими судебными инстанциями. Так, Верховный Суд СССР в обзоре судебной практики указал: «Многие суды считали, что судебными субъектами рассматриваемого преступления могут быть все лица, имевшие отношение к составлению документов государственной отчетности либо представившие искаженные данные для такой отчетности. Между тем это — расширительное толкование. Оно не отвечает ст. 152¹ УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик»⁷.

Ряд авторов отличительную особенность субъекта анализируемого преступления видит в том, что на этих лиц возлагается «представление данных о выполнении хозяйственных планов в порядке государственной отчетности»⁸. Думается, что при таком ограничении не раскрывается другое важное качество субъекта — ответственность за достоверность сведений о выполнении планов.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 12 января 1973 года «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов» разъяснил, что «субъектом пре-

⁷ Рассмотрение дел о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов (обзор судебной практики). — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 2, с. 43.

⁸ Курс советского уголовного права. М., 1971, т. 5, с. 402.

ступления, предусмотренного ст. 152¹ УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, по смыслу закона является должностное лицо, на которое возложена обязанность представления данных государственной отчетности о выполнении планов и ответственность за достоверность таких данных»⁹.

Таким образом, в основу определения круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 151-1 УК Каз. ССР, должны быть положены, по меньшей мере, два основания: во-первых, обязанность представления отчетных сведений о выполнении планов и, во-вторых, ответственность за их достоверность. Согласно существующей практике, на этих лиц возлагается обязанность подписывать соответствующие документы, являющиеся формами бухгалтерской и статистической отчетности о выполнении планов.

Верным поэтому следует признать мнение П. П. Михайленко и И. А. Гельфанда, которые к субъектам приписок и других искажений отчетности в сельском хозяйстве относят лиц, занимающих руководящие должности: директоров совхозов, председателей колхозов, управляющих отделениями «Сельхозтехника» и др.¹⁰. Однако авторы оставляют открытым вопрос об ответственности бухгалтерских работников. Между тем в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 мая 1961 года «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств» прямо указано, что «отчетность о выполнении плана по важнейшим показателям работы предприятий и организаций подписывается наряду с руководителями этих предприятий и организаций главными (старшими) бухгалтерами, которые также несут ответственность за правильность представляемых сведений»¹¹.

В 1977 году в дополнение постановления от 12 января 1973 года «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов» Пленум Верховного Суда СССР дал разъяснение судам о привлечении в качестве субъектов преступле-

⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 1, с. 9.

¹⁰ Михайленко П. П., Гельфанд И. А. Уголовно-правовая охрана социалистического сельского хозяйства. М., 1963, с. 125.

¹¹ СП СССР, 1961, № 9, с. 192.

ния лишь руководителя и главного либо старшего бухгалтера предприятия, на которых «возложена обязанность представления данных государственной отчетности о выполнении планов и ответственность за достоверность таких данных»¹².

Мы считаем, что такой взгляд весьма спорен, ибо чрезвычайно сужает круг субъектов, ответственных за приписки и другие искажения отчетности. Это подтверждается как толкованием самого уголовного закона, связывающего сущность должностного лица с наличием определенных функций, прав и полномочий, возлагаемых на работника хозяйственных предприятий в связи с осуществлением им своих служебных обязанностей (представление в порядке отчетности плановых показателей в соответствующие органы), так и судебной практикой Казахской ССР, рассматривающей в качестве субъектов преступления руководителей ряда функциональных подразделений и главных специалистов предприятий и организаций. Такими лицами являются начальники отделов (планово-экономического, финансового), главный агроном, главный зоотехник и другие. В литературе этот вопрос решается положительно рядом советских криминалистов¹³.

Характерным в этом отношении является дело Ф. и У. Главные зоотехники колхоза им. Чапаева Ф. и У., работавшие в колхозе в разное время, с целью создания резервов умышленно занижали количество телят по форме 24-СХ, являющейся государственной отчетностью. Следствием было установлено, что подобным образом было сокрыто от учета 156 голов телят, общей стоимостью 3726 рублей. Народным судом Ленинского района Актюбинской области Ф. и У. были осуждены по ст. 151-1 УК Каз. ССР, на наш взгляд, вполне обоснованно: указанные действия главных зоотехников совер-

¹² См.: Постановление № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1977 года «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 года «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 2, с. 15.

¹³ См., например: Шергина К. Ответственность за приписки и искажения отчетности. — Советская юстиция, 1975, № 10, с. 13; Ширков В. А. Ответственность за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. М.: ВЮЗИ, т. 49, с. 54.

шены в пределах их полномочий, под которыми подразумеваются определенные права в сфере государственной отчетности, а право подписания отчетности о выполнении планов в животноводстве (отчет по форме № 24-СХ) у главных зоотехников было. Актюбинский областной суд оставил приговор в силе¹⁴.

Конкретизация субъектов преступления с точки зрения интересов борьбы за повышение плановой дисциплины представляется правильной. Она подчеркивает, что в функции данных лиц входит непосредственная обязанность представления объективных сведений о выполнении народнохозяйственных планов. Это устраняет вместе с тем возможность попыток руководящих работников уйти от ответственности путем переложения ее на подчиненных. Как отмечалось на XXV съезде КПСС, «важно, чтобы в каждом конкретном случае были конкретные органы, конкретные люди, несущие всю полноту ответственности, координирующие все усилия в рамках той или иной программы»¹⁵. Определение ответственности конкретного круга лиц за приписки и другие искажения отчетности создает у руководящих работников стимул к дальнейшему совершенствованию управления экономикой, форм и методов планирования, направленных в итоге на достижения конкретных народнохозяйственных результатов.

С этой точки зрения представляется спорным бытующее вопреки разъяснению Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 года «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов»¹⁶ мнение ученых, относящих к субъектам преступления начальников цехов, участков, заведующих фермами, бригадиров и т. д. Привлечение к ответственности по ст. 151-1 УК Каз. ССР руководителей производственных подразделений ведет к нарушению принципа соразмерности прав и ответственности в области государственной отчетности, предполагающего единство этих элементов.

¹⁴ Из практики Актюбинского областного суда, 1976.

¹⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 61.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 1, с. 9.

Ограничение законом круга лиц, несущих ответственность по ст. 151-1 УК Каз. ССР, не исключает, разумеется, уголовной ответственности иных должностных лиц, совершивших искажения отчетных данных о выполнении планов. Судебная практика идет по пути вменения другим исполнителям этого деяния иного рода преступлений. В зависимости от обстоятельств дела они несут уголовную ответственность по ст. 143 или 148 УК Каз. ССР и аналогичным статьям УК других союзных республик.

Совокупность изложенного выше позволяет, по нашему мнению, высказать следующее соображение. Учитывая, с одной стороны, принцип единства народно-хозяйственного планирования в СССР, а с другой — отсутствие непосредственных указаний закона о субъектах, подлежащих уголовной ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, было бы целесообразно компетентными общесоюзными органами (Министерство финансов СССР, Центральное статистическое управление СССР) определить круг лиц, полномочных в подписании бухгалтерской либо статистической отчетности (как общесоюзной, так и республиканской).

Указание этих должностных лиц в бланках, утвержденных соответствующими органами форм государственной отчетности, способствовало бы укреплению государственной дисциплины и имело бы большое общепредупредительное воздействие.

Наконец, такое указание способствовало бы единому и правильному применению нормы права об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении плана.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ УНИЧТОЖЕНИЯ И ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

В. Ф. Колышкина

Для правильной социально-политической оценки преступления и его юридической квалификации особое значение имеет определение непосредственного объекта. Непосредственный объект деяния позволяет более глубоко оценить степень общественной опасности, служит критерием отграничения смежных составов.

Непосредственный объект наиболее полно выражает специфику того или иного преступления, его признаки, не исключая при этом необходимости учитывать то, что общественные отношения тесно взаимосвязаны. Поэтому причинение вреда одной группе общественных отношений сопровождается причинением вреда другим общественным отношениям. Так, в результате поджога на месяц была остановлена работа водокачки. В связи с плохим водоснабжением животноводческой фермы резко снизились надои, совхоз не выполнил план, и рабочие не получили надбавку к зарплате за выполнение заданий по сдаче молока в зимнее время¹. В данном случае причинение вреда общественным отношениям в сфере социалистической собственности явилось причиной упущенной выгоды рабочих фермы.

Характерная особенность преступлений против государственной, общественной и личной собственности заключается в том, что в жизненном воплощении объектом их посягательства являются материальные ценности. Уголовно-правовое нарушение права собственности всегда связано с причинением ущерба собственнику путем уменьшения либо объема принадлежащих ему цен-

¹ Архив Ключевского районного суда Алтайского края за 1977 г., у. д. № 1—26.

ностей, либо правомочий собственника. При этом необходимо иметь в виду: понятие «собственность» употребляется не только для обозначения совокупности правовых норм и регулируемых ими правомочий собственников, их взаимоотношения, но и для обозначения ее экономического содержания — определенной совокупности материальных ценностей, принадлежащих отдельным собственникам.

Хищение и уничтожение имущества относятся к группе тех преступлений, которые не только уменьшают сферу имущественного обладания собственника, но и нарушают общественные отношения в сфере осуществления его правомочий, т. е. в конечном итоге они нарушают отношения по производству материальных благ и отношения по распределению продуктов труда.

В юридической литературе было высказано мнение о том, что непосредственным объектом корыстных преступлений против государственной, общественной и личной собственности является порядок (принцип) распределения материальных благ в нашем обществе, а уничтожение и повреждение имущества посягают на отношения лишь в сфере производства материальных благ, не нарушая при этом отношений в сфере распределения, обмена и потребления². На таком суждении базируется заключение о меньшей степени общественной опасности уничтожения и повреждения имущества по сравнению с корыстными посягательствами на собственность³.

Приведенные суждения сводят отношения собственности к порядку распределения, который устанавливает долю отдельного трудящегося в национальном доходе. Но, по определению К. Маркса, в конечном итоге все экономические отношения «...суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют собственностью... Вне экономических отношений собственность есть не что иное, как метафизическая и юридическая иллюзия»⁴.

² Курс советского уголовного права, ч. Общая, т. 1, с. 299; Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975, с. 13—14.

³ Сергеева Т. Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954, с. 125.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 406.

А. А. Пинаев прямо указывает, что непосредственным объектом уничтожения и повреждения имущества «...являются **только** (выделено мною. — В. К.) отношения по производству материальных благ...»⁵. С этим трудно согласиться. Марксистская политическая экономия определяет производственный процесс как непрерывный цикл создания, распределения (присвоения) и потребления материальных и духовных ценностей, базирующихся на определенной, исторически сложившейся форме собственности. При этом само потребление рассматривается как продолжение процесса производства, дающее возможность восстановления производительных сил, необходимых для повторения производственного цикла⁶.

Цель производства — создание материальных благ, которые поступят в общенациональный доход и, пройдя сферу распределения, перейдут в собственность государства, общественной организации либо отдельного гражданина, станут источником удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся, т. е. перейдут в сферу потребления — производства производительных сил. Следовательно, материальные ценности практически никогда не выходят из сферы производства, и их изъятие нарушает не только отношения в этой сфере, но и отношения по распределению и потреблению. Ведь даже не вышедшие из производства ценности (в смысле их обработки), находясь в чьей-либо собственности и их хищение или уничтожение уменьшает объем собственности (экономическое содержание) и нарушает все правомочия собственника, предоставленные ему социалистическим правом (юридическое содержание: владение, пользование, распоряжение).

Производство и потребление К. Маркс рассматривал как две стороны одного процесса: «Без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно»⁷. Производство подчиняется потреблению, об-

⁵ Пинаев А. А. Указ. соч., с. 13.

⁶ Кошелев Ф. П. Экономическая теория марксизма-ленинизма и проблемы реализации социалистических форм собственности. — В кн.: Проблемы социалистической собственности. М.: Изд-во МГУ, 1973, с. 15—17.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 717.

служивает его интересы. Потребление — конечная функция развития производства. Отношения потребления включаются как составная часть производственных отношений. Следовательно, изъятие материальных ценностей из любой сферы производства неизбежно посягает как на производственный процесс, так и распределение. Поэтому уничтожение и повреждение имущества так же, как и корыстные преступления, нарушают не только отношения собственности, но и результат распределения общественного продукта⁸.

При уничтожении вещи общество безвозвратно теряет ее, а при повреждении вынуждено часть дохода выделять на восстановление. И хотя на виновного возлагается обязанность возместить причиненный вред, как замечают цивилисты, «если иметь в виду социалистическую экономику в целом, то, строго говоря, возникший ущерб вообще невозместим, так как его ликвидация предполагает дополнительные затраты, которые, при отсутствии ущерба, социалистическое общество могло бы вложить в создание новых материальных ценностей»⁹. Необходимо учитывать и то, что, как показали наши исследования судебной практики, более 30 % уничтожений и повреждений имущества посягают на основные фонды, ущерб от которых нередко исчисляется десятками, а иногда и сотнями тысяч рублей, и его реальное возмещение за счет виновного практически невозможно.

Социалистический принцип распределения по количеству и качеству затраченного труда базируется на отношениях собственности, зависит от них. Нарушение права собственности в его экономическом или юридическом содержании неизбежно нарушает и принцип распределения. «Там, где нарушено право собственности, нарушается и принцип «каждому — по труду», — отмечает П. С. Матышевский, — этот принцип предполагает не

⁸ См.: Курс советского уголовного права. М., 1955, т. 1, с. 783—784; Владимиров В. А. Квалификация преступлений против личной собственности. М., 1968, с. 153.

⁹ См.: Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967, с. 219.

только порядок распределения народного богатства, но и наличие такого богатства»¹⁰.

Как отмечалось, понятие «собственность» выражает целый комплекс тесно взаимосвязанных отношений и лишь в совокупности выражающих суть собственности. Поэтому не случайно, подводя итог исследованиям этих взаимосвязей экономистами, В. М. Агеев заключает: собственность в ее экономическом и юридическом выражении свойственна всем фазам воспроизводства: производству, распределению, обмену и потреблению, и нарушение общественных отношений в любой из этих стадий нарушает как собственность, так и распределение¹¹.

На основании изложенного нельзя согласиться с мнением, что если преступник, посягая на государственную, общественную или личную собственность, не обращает в свою пользу (или в пользу третьих лиц) предмет преступления, то он не нарушает ни одного из составных элементов распределения и, следовательно, посягает на более узкий объект, чем корыстные преступления¹².

Уничтожение и повреждение имущества отличается от корыстного преступления тем, что виновный, лишая собственника части выделенной ему доли общественно-го продукта, сам (и никто другой) не получает материальной выгоды, но это вовсе не означает, что он не нарушает социалистического принципа распределения.

В уголовно-правовой литературе общепризнано: виновный нарушает принцип распределения, если путем совершения преступления извлекает нетрудовой доход или создает возможность его извлечения третьими лицами. Следуя законам логики, правомерно сделать вывод: незаконное лишение собственника части выделенного ему общественного продукта нарушает социалистический принцип распределения «по количеству и качеству затраченного труда».

Кроме того, в социалистическом обществе, кому бы не принадлежало имущество, оно является элементом

¹⁰ Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1972, с. 169.

¹¹ Агеев В. М. Заключение. — В кн.: Проблемы социалистической собственности. М.: Изд-во МГУ, 1973, с. 200.

¹² См.: Пинаев А. А. Указ. соч., с. 13—15.

общенародного богатства и функционирует как единый фонд воспроизводства. Уничтожение любой материальной ценности является посягательством на общенародное богатство, представляющее собой совокупную массу материальных и духовных ценностей, которые находятся в распоряжении общества и его граждан.

При совершении корыстного преступления имущество остается в фондах общенационального богатства и продолжает участвовать в гражданском обороте. И если, как замечает В. А. Владимиров, корыстное преступление только нарушает отношения собственности, то уничтожение материальных ценностей вообще прекращает общественные отношения по их поводу, и у собственника остается только право требовать возмещения причиненного ущерба¹³.

Существующее в юридической литературе мнение о более узком непосредственном объекте уничтожения и повреждения имущества по сравнению с корыстными преступлениями (наряду с другими его особенностями) позволяет утверждать о меньшей степени общественной опасности анализируемого преступления. Такие выводы не соответствуют действительности и не отвечают требованию нашего времени «точно считать и эффективно использовать каждый рубль, каждый час труда, каждую тонну продукции», — как отмечается в материалах XXV съезда КПСС¹⁴.

Теоретический вывод о меньшей степени общественной опасности уничтожения и повреждения имущества находит отражение и в судебной практике: как правило, это преступление наказывается менее строго, чем хищение.

При наличии совокупности этих преступлений суды при определении меры наказания применяют в основном принцип поглощения и лишь в 23,8 % случаев — принцип частичного сложения. Даже при поджогах имущества с целью скрыть другое преступление (в большинстве случаев корыстное), суд в 52 % случаев применил принцип поглощения наказания за умышленное уничтожение имущества наказанием, назначенным за скры-

¹³ См.: Владимиров В. А. Указ. соч., с. 21.

¹⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 45.

ваемое преступление, в 38,6 % — частичного сложения и только в 9,4 % — принцип полного сложения, хотя более чем в 80 % случаев размер ущерба от уничтожения имущества в десятки раз превышает размер похищенного. Так, П. признан виновным в хищении на сумму 1084 руб. и в умышленном уничтожении на 22 823 руб. По ч. 2 ст. 92 УК РСФСР он приговорен к 6 годам лишения свободы, а по ч. 2 ст. 98 — к четырем годам. Применяв принцип частичного сложения, окончательную меру наказания суд определил в 7 лет лишения свободы¹⁵.

Недооценка общественной опасности рассматриваемого преступления способствует воспитанию нигилистического отношения к нему не только со стороны общественности, но и правоохранительных органов.

Причиняя ущерб предприятиям, учреждениям или отдельным гражданам, уничтожение имущества уменьшает не только принадлежащую им долю общественного продукта, но и национальное богатство в целом.

¹⁵ Архив Московского городского суда за 1972 г., у. д. 1—324.

ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

А. Ф. Мицкевич

На рубеже XVII—XVIII веков наиболее развитые страны Европы одна за другой вступили на путь капиталистического развития. Одним из лозунгов, выдвинутых буржуазными идеологами в области уголовного права, был лозунг о соразмерности между преступлением и наказанием. Гуго Гроций в Голландии, Локк, Гобс, Дж. Линберн, Ф. Бэкон в Англии, Руссо, Вольтер, Гельвеций, Дидро, Монтескье во Франции, Беккариа в Италии и другие идеологи идущей к власти буржуазии выдвинули требование соответствия преступления и наказания.

Однако было бы неверным считать, что заслуга в изобретении принципа соразмерности между преступлением и наказанием принадлежит буржуазии. Этот принцип существовал в уголовно-правовых нормах со времени разделения общества на классы и появления государства, продолжал он существовать и в феодальном уголовном праве. Буржуазным публицистам, философам и юристам можно поставить в заслугу лишь то, что они, пожалуй, впервые теоретически сформулировали этот принцип, естественно, наполнив его новым — буржуазным содержанием.

Требование буржуазии XVII—XVIII веков соразмерности между преступлением и наказанием было не чем иным, как требованием изменить существующий масштаб соотношения преступления и наказания, заменить средства выражения этого соотношения (виды и размеры наказаний) на более мягкие, а также построить уголовное законодательство в строгом соответствии с принципом соразмерности наказания и преступления.

Изменение существующего соотношения между пре-

ступлением и наказанием путем смягчения последнего в ситуации, когда суд находился в руках феодалов, нужно было буржуазии прежде всего для защиты представителей своего класса от жестокой и беспощадной репрессии разлагающегося феодального государства. Кроме того, лозунгом смягчения наказаний буржуазия привлекала на свою сторону в борьбе против феодальных порядков широкие народные массы, еще в большей степени, чем буржуа, страдавшие от ужасных, бесчеловечных наказаний, применявшихся феодальной юстицией.

Желание же идущей к власти буржуазии неукоснительно провести в уголовном законодательстве принцип соответствия наказания и преступления объяснялось тем, что она не доверяла феодальному судебному аппарату и стремилась максимально его ограничить¹. Поэтому, например, во Франции, в соответствии с идеями, сформулированными в докладе Лепелетье: «Наказания должны быть соразмерны с преступлениями» и «За каждое преступление должно быть установлено точное и определенное наказание»², буржуазный уголовный кодекс 1791 года содержал только абсолютно определенные санкции. Эти санкции были значительно мягче, нежели санкции королевских ордонансов средневековой Франции.

Позднее, в конце XIX — начале XX веков, когда буржуазия взяла власть в свои руки, изменила состав суда и уже полностью ему доверяла, вопрос о точном соответствии между преступлением и наказанием не ставился ею с такой остротой и не проводился так неукоснительно в законах. Буржуазный суд получает все более широкие рамки усмотрения в применении мер наказания, чем создается юридическая основа для произвола в его деятельности, но произвола в интересах буржуазии.

Прогрессивные требования, в том числе требование соответствия между преступлением и наказанием, выдвинутые буржуазией в преддверии буржуазных револю-

¹ Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948, с. 97.

² Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: Госюриздат, 1957, с. 93.

ций, на практике, в ходе этих революций, часто «забывались» ею. Всякий раз, как только буржуазии казалось, что выступления трудящихся принимают излишнюю широту, силу и самостоятельность, угрожая ее интересам, она шла на компромисс с феодальной аристократией, не считаясь ни с какой соразмерностью в наказаниях. Когда же ей удавалось захватить власть, первой задачей, которую она ставила перед собой, было остановить развитие революции, ради чего использовались любые средства. Понятно, что в такой острый для буржуазии момент принцип соответствия преступления и наказания «забывался». Так было в Англии во второй половине XVII века, когда идущая к власти крупная буржуазия расправлялась не только с феодалами, но и с левеллерами, представлявшими интересы мелкой буржуазии, крестьянства и городских низов. Так было во Франции в конце XVIII — начале XIX веков, особенно после разгрома Парижской коммуны, когда 10 термидора вместе с Робеспьером без суда были гильотинированы 22 его соратника, 11 и 12 термидора еще 82, среди них 79 членов Парижской коммуны. После подавления народных восстаний в жерминале и прериале общее число арестованных достигло 30 000, тысячи арестованных были убиты без суда³.

Уголовно-правовая репрессия пришедшей к власти буржуазии строилась в зависимости от самостоятельности и силы самой буржуазии и могущества сохраняющихся еще остатков феодализма. В Англии, где крупная буржуазия из страха перед выступлением огромных разоренных масс крестьянства вступила в союз с феодальной аристократией, она была прямо заинтересована в жестокой уголовной репрессии. Поэтому сложившаяся еще до буржуазной революции система наказаний, жестоко каравшая за посягательства на интересы частного собственника, вполне устраивала консервативно настроенные круги английской буржуазии. Буржуазия Англии силой самой беспощадной репрессии заставляла трудиться почти за бесценок массы разоренных огораживанием крестьян на своих предприятиях. «Деревенское население, — писал К. Маркс, — насильственно

³ См.: Щаггородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: Госюриздат, 1957, с. 97.

лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг, старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда, поркой, клеймами, пытками»⁴. Более того, в период английских буржуазных революций уголовная репрессия значительно усилилась. Так, в 1660 году в Англии было около 50 видов преступлений, каравшихся смертной казнью, к началу же XIX века к ним добавилось еще около 150 таких видов⁵. «Как известно, — писал Ф. Энгельс, — английский уголовный кодекс — самый строгий в Европе. Еще в 1810 году он нисколько не уступал в варварстве Каролине: сожжение, колесование, четвертование, вырывание внутренностей из живого тела и т. п. были излюбленными видами наказания»⁶. Поэтому соотношение между преступлением и наказанием в английском уголовном праве с приходом буржуазии к власти фактически осталось на уровне, свойственном феодальной абсолютной монархии, и даже изменилось в сторону ужесточения репрессии.

Во Франции, где крупная буржуазия была более самостоятельна по сравнению с английской, а революционное движение народных масс было более организовано, требования буржуазии были более революционны и последовательны. Поэтому, несмотря на жестокую расправу с революционными массами, французская буржуазия, став у власти, смогла полнее провести свои принципы в уголовном праве, в том числе и принцип соответствия наказания и преступления. Уголовный кодекс Франции 1810 года вслед за УК 1791 года закрепил принцип соответствия между наказанием и преступлением, значительно смягчив, по сравнению с уголовным законодательством позднего феодализма, уголовную репрессию. Однако это вовсе не означало, что УК 1810 года защищал интересы трудящихся. Его автором была французская буржуазия, и это определило его классовое содержание. Так, в этом кодексе были

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Соч., 2 изд., т. 23, с. 747.

⁵ Жидков О. А. История буржуазного права. М.: Изд-во ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1971, с. 127.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Положение Англии. Английская Конституция. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 638.

сохранены некоторые позорящие и мучительные наказания, а также введены такие новые наказания, как пожизненная каторга, смертная казнь с предварительным отсечением руки, депортация в колонии.

Из преступлений и проступков против частных лиц более половины (81 статья) посвящены охране собственности. Причем распространенный вид этих преступлений — кражи (а именно это преступление вынуждено чаще совершают неимущие, чем богатые) — зачастую карается каторжными работами, иногда — пожизненными.

Поэтому, отмечая прогрессивность уголовного кодекса Франции 1810 г., нельзя забывать, что этот кодекс служил в первую очередь интересам буржуазии. Содержание положенного в его основу принципа соответствия наказания и преступления, как и других уголовно-правовых принципов, определялось уголовно-правовыми воззрениями буржуазии, но не трудящихся масс.

По существу французский кодекс 1810 года был первым кодексом, созданным в русле так называемой классической школы уголовного права. Относительно последовательное проведение в нем принципа соответствия наказания и преступления обязывало его авторов к более глубокой и конкретной разработке соотношения между наказанием и преступлением. Если в феодальном и рабовладельческом праве можно найти лишь попытки выделить некоторые элементы преступления, то в УК 1810 года существует уже достаточно разработанное учение о преступлении. Наказание здесь уже не просто сопоставляется с преступлением как единым неделимым целым, но зависит от различных составляющих его компонентов. Преступление как бы «распадается» на составные «части». Наказание уже достаточно четко дифференцируется в зависимости от того, до какой стадии было осуществлено деяние: покушение или оконченное преступление (ст. 3), выделяются соучастники (ст.ст. 59—62), учитывается уже не только характер деяния, но и наступившие последствия.

Сохраняется имевшая место уже в рабовладельческом и феодальном праве «коррекция» в соотношении преступления и наказания в зависимости от свойств личности преступника. Причем эта «коррекция» имеет две особенности. С одной стороны, отменяя феодальные

привилегии в области уголовной ответственности и провозглашая формальное равенство всех перед законом, буржуазия с помощью экономического неравенства обеспечивает защиту своих интересов и обращение острия уголовной репрессии против неимущих и малоимущих слоев общества. Это достигается различными способами: например, деяния, совершаемые наиболее часто неимущими слоями, наказываются строже, чем те, которые по преимуществу совершаются представителями имущих классов (так, мошенничество по УК Франции 1810 года наказывается менее строго, чем кражи), сочетанием широкого применения наказания в виде штрафа с возможностью «задержания» в тюрьме сроком до одного года и дальнейшего продления этого срока при неуплате штрафа (ст. 53 УК Франции 1810 г.). Богатый преступник получает возможность просто откупиться, тогда как неимущий должен будет находиться в тюрьме. Так проводится «коррекция» соотношения преступления и наказания с помощью учета социального положения личности.

С другой стороны, на соотношение между наказанием и преступлением оказывают воздействие так называемые «общеуголовные» признаки личности, такие как повторное совершение преступления, совершение преступления несовершеннолетним лицом (ст.ст. 66—67), невменяемость лица (ст. 64) и другие.

В целом же кодекс 1810 года, по замечанию М. М. Исаева, «поражает своим внешним изяществом. Кодекс легко обозрим, в нем всего-навсего 484 статьи. Статьи в подавляющем большинстве случаев очень небольшие по своим размерам»⁷. Будучи прогрессивным классом на первых этапах развития промышленного капитализма, буржуазия там, где она была сильна, смогла создать достаточно четкие и простые (по сравнению с феодализмом) уголовные законы.

Таким образом, содержание принципа соответствия между преступлением и наказанием во времена, когда буржуазия шла к власти, и в первые периоды ее нахождения у власти, определялось соотношением сил на арене революционной борьбы. Слабость крупной буржуа-

⁷ Французский Уголовный кодекс 1810 года. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947, с. 68.

зии, ее консервативность и сопротивление еще влиятельных феодальных кругов (как это было в Англии и Германии) привели к тому, что возник союз крупного капитала с богатой земельной аристократией феодалов. Этот союз обернулся в области уголовного права еще большим изменением принципа соответствия в сторону ужесточения уголовных наказаний в отношении бедствующей массы населения, а также отказом от последовательного проведения этого принципа в законодательстве.

И наоборот, сильная французская буржуазия при мощном революционном движении трудящихся масс, придя к власти и подавив дальнейшее развитие революции, смогла существенно смягчить уголовные наказания. Этим она изменила содержание принципа соответствия и гораздо более последовательно провела его в своем законодательстве. Тот факт, что Уголовный кодекс Франции 1810 года наиболее удачно отразил уголовно-правовые взгляды буржуазии в их, так сказать, «чистом» выражении, без необходимости идти на уступки влиятельным еще остаткам феодализма, нашел свое выражение в том, что этот УК был положен в дальнейшем в основу уголовного законодательства пришедшей к власти буржуазии во многих странах (УК Испании 1822 года, УК Бразилии 1830 года, УК Швейцарии 1853 года, УК Бельгии 1867 года, УК Японии 1880 года и другие). Лишь дальнейшее сопротивление феодально-аристократических слоев и трудности в подавлении народно-революционной борьбы заставили крупную буржуазию пойти на компромисс с феодальными кругами и отказаться от многих прогрессивных положений в уголовном праве, в том числе и от последовательного проведения принципа соответствия (например, замена УК Японии 1880 года на УК 1907 года).

Уголовное право эпохи промышленного капитализма характеризуется повсеместным смягчением уголовной репрессии, введением ее в рамки буржуазной законности. Капитализм в этот период развивался сравнительно «мирно», «спокойно и плавно» расширяясь на громадные еще области незанятых земель и не втянутые окончательно в капиталистическое развитие. По словам У. Сигля, «торговцы и лавочники..., особенно когда они процветают, не являются кровожадными. Желая право-

вую безопасность для себя, они должны предоставить ее всем классам. За промышленной революцией должна следовать революция в наказаниях»⁸.

Сравнительно благополучное развитие капиталистического общества в середине XIX века, а также классовая сущность буржуа, требующая извлекать прибыль из всего, привели к тому, что в середине XIX века уголовное наказание еще более смягчается. Ряд законов в Англии, отменивших сечение женщин, выставление у позорного столба, сокративших применение смертной казни, конфискации имущества, серия законов во Франции, дополнивших УК 1810 года отменой клеймения и отсечения руки, смертной казни за политические преступления и гражданской смерти, отмена смертной казни в Бельгии, Италии, Португалии и других странах — все это свидетельствует об изменении соотношения между преступлением и наказанием в сторону смягчения наказания.

Одновременно в уголовном законодательстве многих стран появляются и начинают широко применяться наказания в виде тюремного заключения. Распространение в уголовном законодательстве буржуазных стран такого средства выражения соотношения между преступлением и наказанием было вызвано, во-первых, тем, что общество уже имело достаточный уровень материального производства, чтобы содержать тюрьмы, во-вторых, подобное наказание не лишает человека качеств, важных с точки зрения буржуа — способности трудиться на капиталистических предприятиях после отбывания наказания.

Однако смягчение уголовной репрессии ни в коей мере не коснулось огромных территорий, на которые распространялась власть развитых буржуазных государств. В отношении миллионных масс коренного населения колоний действовали так называемые «черные кодексы», которые хотя и были построены на основе принципа соответствия между преступлением и наказанием, но предусматривали для местного населения гораздо более жестокие наказания. Благополучные бур-

⁸ Seagle W. The History of Law. — Boston, 1942, p. 240. — Цит. по кн.: Жидков О. А. История буржуазного права. М.: Изд-во ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1971, с. 137.

жуа метрополий позаботились сохранить для поработанных ими наций все «прелести» средневекового наказания. По существу они открыто провели в своем уголовном праве «поправку» в соотношении между преступлением и наказанием в зависимости от национальной принадлежности.

Вступление буржуазного общества в стадию империализма сопровождалось наступлением реакции во всех сферах общественной жизни. Катастрофический рост преступности, особенно рецидивной, усилившаяся борьба рабочих за свои экономические и политические права, обострение всех противоречий капиталистического общественного строя заставили буржуазию прибегнуть в защите своих интересов к самым крайним средствам. В области уголовной репрессии, по мере загнивания и разложения буржуазного строя, политика господствующих кругов характеризуется все большим разрушением законности. В. И. Ленин писал: «Эпоха использования созданной буржуазной законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой, законности»⁹.

В каждой буржуазной стране, вступившей в империалистическую стадию, буржуазия постепенно отказывается от последовательного проведения принципа соответствия в уголовном законодательстве. Во-первых, почти во всех уголовных кодексах капиталистических стран в конце XIX — начале XX веков появляются нормы, предусматривающие применение мер социальной защиты. Например, закон «Об общеопасных стремлениях социал-демократии» 1878 года в Германии, закон Шермана 1890 года в США, законы против членов I Интернационала и анархистов во Франции, акты о рабочих союзах 1871 и 1876 годов в Англии и другие.

Империалистическое государство начинает использовать против неугодных ему лиц такие средства воздействия, которые по своему репрессивному характеру

⁹ Ленин В. И. Два мира. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

тождественны уголовному наказанию, но применяются на других основаниях. Если главным основанием применения уголовного наказания является преступление, то меры социальной защиты имеют в основе своего применения определенные характеристики личности («опасное состояние», «сексуальный психопат», «дефективная личность» и т. п.). Как весьма точно определил основное отличие мер социальной защиты от уголовного наказания А. А. Пионтковский, «система наказания есть пропорциональная форма уголовно-правового принуждения..., а система мер социальной защиты является непропорциональной формой уголовно-правового принуждения...»¹⁰.

Во-вторых, империалистическая буржуазия не заинтересована в том, чтобы добиваться последовательного проведения принципа соответствия в уголовном законодательстве. Строгое проведение принципа соответствия наказания и преступления в законодательстве означает сужение усмотрения буржуазного суда. С точки зрения империалистической буржуазии, это равносильно связыванию его рук в борьбе с выступлениями против интересов господствующих классов. Не случайно, как уже упоминалось ранее, буржуазия была «за» проведение этого принципа в законах, когда шла к власти и боролась с феодальным судом. Укрепившись у власти, она фактически говорит «нет» этому принципу, поскольку он мешает ей расправляться с протестующими против буржуазных порядков народными массами. Отсюда становится понятным, почему даже современное уголовное право буржуазных стран с точки зрения принципа соответствия наказания и преступления имеет вопиющие противоречия. Например, по законам ряда штатов Америки жестокое обращение с животными может повлечь тюремное заключение сроком до 5 лет, а в штате Калифорния причинение телесных повреждений своей жене или своему ребенку — до 2-х лет. За кровосмешение в штате Калифорния можно назначить до 50 лет лишения свободы, а в штате Пенсильвания — лишь до 5 лет¹¹.

¹⁰ Пионтковский А. А. Марксизм и уголовное право. М.: Юрид изд-во НКЮ РСФСР, 1929, с. 22—23.

¹¹ Уголовное право зарубежных государств. Вып. IV. Наказание. М.: Изд-во ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1975, с. 52.

В-третьих, отступление от соблюдения принципа соответствия проявляется в установлении в буржуазном уголовном законодательстве неопределенных санкций, относительно-неопределенных санкций с очень большими интервалами между «нижним» и «верхним» пределами (например, заключение в тюрьму от одного дня до 25 лет), с очень высоким или «открытым» «верхним» пределом санкции, а также в возможности вынесения неопределенных приговоров. Так, для действующего американского законодательства не являются редкостью и такие санкции, как 30, 40 и 50 лет тюремного заключения. Одновременно американское законодательство нередко устанавливает, что сроки лишения свободы должны быть в виде общего правила неопределенными. Например, § 70.00 УК штата Нью-Йорк указывает: «Приговор к тюремному заключению за фелонию должен быть неопределенным»¹².

Отход от принципа соответствия в уголовном законодательстве империалистических стран проявляется также и в том, что суду предоставляется право усиливать установленное законом наказание за многие виды преступлений, как это было сделано в УК Японии 1907 года¹³.

Как и в эпоху промышленного капитализма, в уголовном законодательстве империалистических государств по-прежнему существует «коррекция» соответствия между преступлением и наказанием с помощью таких характеристик личности, как ее социальное положение, расовая принадлежность, и общеуголовных признаков (повторность, вменяемость, пол, а также других). В отношении расовой принадлежности нужно сказать, что в настоящее время во многих буржуазных странах этот признак не указан в уголовном законодательстве как смягчающий или отягчающий уголовную ответственность. Лишь наиболее реакционные режимы, официально проводящие политику геноцида и апартеида, включили этот признак в свое законодательство. Например, в Южной Родезии введение чрезвычайных

¹² Уголовное право зарубежных государств. Вып. IV. Наказание, с. 52—54.

¹³ См.: Буржуазное государство и право. Эпоха монополистического капитализма. Ростов: Изд-во Ростовск. ун-та, 1977, с. 171.

законов сопровождается поголовным клеймением африканцев в районах, объявленных на чрезвычайном положении¹⁴. Печальную известность приобрели антисемитские законы фашистской Германии. В настоящее время правящие классы большинства капиталистических государств официально осуждают расовую дискриминацию, но проводят ее на практике в области уголовной репрессии, используя для этого свой буржуазный суд и внесудебные расправы¹⁵.

По мере обострения всех противоречий и разложения буржуазного строя происходит изменение соотношения между преступлением и наказанием в сторону ужесточения уголовной репрессии по сравнению с эпохой промышленного капитализма. Так, Уголовное уложение Германской империи 1871 года за одно лишь публичное произнесение речей или распространение сочинений с целью возбудить к одному из деяний, указанных

¹⁴ Калинин Ю. В. Расизм: узаконенное беззаконие. Минск: Наука и техника, 1973, с. 38.

¹⁵ Интересны в этом отношении цифры, характеризующие внесудебную репрессию в США в отношении «цветных»: «Формы и методы такой расправы весьма разнообразны. Одна из них — это линчевание, жертвой которого за последние 60 лет стало более 5000 человек. Другая — «легальные» убийства, совершаемые полицией. Только в 1953—1964 годах было совершено 2806 таких расправ: более половины потерпевших — «цветные». При усмирении восстаний в негритянских гетто в 1963—1969 годах было убито около 300 и ранено более 14 тысяч человек. Не поддаются учету «тихие» расправы с помощью гангстеров, выглядящие как уголовные преступления». — В кн.: Уголовное право зарубежных государств. Вып. IV. Наказание, с. 50.

Характерных примеров, свидетельствующих о дискриминации в практике применения наказания судом США, можно привести множество. Вот два дела из судебной практики штата Луизиана: негр Бинтлей изнасиловал белую девочку-няню 12 лет, признан виновным в «изнасиловании при отягчающих обстоятельствах» и казнен на электрическом стуле. Белый Канжелози изнасиловал негритянскую девочку-няню 12 лет, признал свою вину, был осужден «за физическое сношение с малолетней» лишь к одному году тюремного заключения.

Или другой пример: два негритянских мальчика восьми и девяти лет судом города Монро (США) были осуждены к заключению в исправительный дом до достижения 21 года только за то, что один из них во время игры поцеловал белую девочку. Суд расценил эти действия как «покушение на насильственные действия против женщин». — В кн.: Калинин Ю. В. Расизм: узаконенное беззаконие. Минск: Наука и техника, 1973, с. 78—79.

в § 82, предписывает назначать до 10 лет тюремного заключения. УК Японии 1907 года за простую кражу, не сопровождавшуюся отягчающими обстоятельствами, поднял верхний предел наказания до 10 лет лишения свободы. Во Франции законами 1937, 1939, 1950, 1954, 1960 годов расширило применение смертной казни за ряд общеуголовных и политических преступлений.

Консервативная английская буржуазия оказалась в этом отношении «предусмотрительнее». В Англии, несмотря на определенное смягчение наказаний в середине XIX века, остались нетронутыми многие нормы, позволяющие применение тяжелых наказаний. Так, и по настоящее время по общему праву верхняя граница наказания в виде штрафа практически не установлена. По этому вопросу имеются лишь двухсотлетней давности указания, содержащиеся в «Великой Хартии Вольностей» о том, что «наказания не должны быть чрезмерными», и в «Билле о правах», запрещающем применение «наказаний чрезмерных, жестоких или необычных»¹⁶.

Соотношение между наказанием и преступлением изменяется в сторону ужесточения наказаний также с помощью создания расплывчатых формулировок преступления. Описание преступного деяния выполняется таким образом, что под такую формулировку путем широкого толкования можно подвести действия, ранее даже не наказуемые в уголовном порядке. Об этом откровенно заявил член Верховного имперского суда Германии Миттельштедт после отмены исключительных законов: «Так как со злодеев социал-демократов снята теперь смиренная рубашка драконовских и исключительных законов», а «наше Уголовное уложение не приготовлено специально к тому, чтобы служить орудием против социал-демократии, то нужно превратить его в это оружие путем тонкого и изящного толкования действующих норм...»¹⁷.

Буржуазия не может больше сохранять свое господство, не выходя за рамки декларированных ею ранее

¹⁶ Уголовное право зарубежных государств. Вып. IV. Наказание, с. 18.

¹⁷ Цит. по кн.: Жданов О. А. История буржуазного права, с. 147.

принципов и положений. Чтобы сохранить свое господство, она вынуждена переходить к самым реакционным, бесчеловечным приемам и методам борьбы, ибо враг ее — трудящиеся массы — многочислен, хорошо организован и знает, что ему нужно. Существующее соотношение между наказанием и преступлением больше не устраивает буржуазию, она старается противопоставить прогрессивным движениям более строгое уголовное наказание.

Но применение уголовной репрессии, построенной на прямой зависимости от совершенного деяния, с неизбежностью, несмотря на все уловки буржуазного суда и буржуазных ученых-юристов, раскрывает перед трудящимися массами, какое поведение порицается буржуазным государством. А если деяния, объявленные преступными, не находят осуждения в правосознании народных масс, что случается довольно часто, то это ведет к постепенному осознанию массами классовой сущности уголовной репрессии, а в конечном итоге — несправедливости существующего строя. Кроме того, поставить уголовное наказание в прямую зависимость от деяния, значит дать достаточно четкий критерий наказания и ограничить свободу буржуазного суда, что затруднило бы для буржуазии подавление эксплуатируемых масс. Все это и обуславливает то, что в стадии монополистического капитализма буржуазия не только изменяет соотношение между преступлением и наказанием, усиливая последнее, но и вообще начинает отказываться от принципа соответствия между преступлением и наказанием.

Подводя итог изложенному, можно заключить:

декларированный буржуазией принцип соответствия наказания и преступления, необходимый ей для борьбы со старыми феодальными порядками, означал изменение этого соответствия сообразно ее уголовно-правовым взглядам: во-первых, изменение соответствия наказания и преступления в сторону смягчения наказания, во-вторых, последовательное и строгое проведение этого принципа в уголовном законодательстве;

в период буржуазных революций изменения соотношения преступления и наказания в сторону смягчения последнего были тем больше, а проведение принципа соответствия в уголовном законодательстве было тем

последовательнее и решительнее, чем сильнее и самостоятельнее была буржуазия. И наоборот, соотношение преступления и наказания изменялось в сторону смягчения репрессии тем меньше (или даже наказание усиливалось), а в законодательстве этот принцип проводился тем осторожнее, чем слабее и трусливее была буржуазия;

в эпоху промышленного капитализма соотношение между преступлением и наказанием повсеместно изменяется за счет смягчения уголовных наказаний. Эта тенденция, однако, не относится к странам, попавшим в колониальную зависимость от капиталистических государств;

со вступлением в стадию монополистического капитализма в буржуазных странах наблюдается хотя и неравномерное, с противоречивыми тенденциями, однако в целом устойчивое изменение соотношения между наказанием и преступлением в сторону ужесточения уголовного наказания. Господствующие классы склоняются к отходу в области уголовной репрессии от последовательного проведения принципа соответствия наказания и преступления. Происходит постепенное разрушение принципа соответствия. Уголовное наказание частично заменяется мерами социальной защиты.

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ПРАВА

А. Л. Ременсон

1. В юридической науке большое внимание уделяется проблеме метода правового регулирования. Представляя собой совокупность приемов, способов воздействия права на соответствующие области общественных отношений, метод правового регулирования ярко проявляет волю законодателя, его стремление добиться поставленных целей посредством определенных средств¹.

Значение проблемы метода определяется прежде всего тем, что применение его к определенным общественным отношениям, не свойственным их природе, причинит лишь вред².

Однако несмотря на такое значение проблемы метода она остается одной из наименее разработанных в науке исправительно-трудового права. В учебных пособиях по исправительно-трудовому праву об этой проблеме вообще не упоминается³; в других ей отводится всего несколько строк⁴. Такой уровень разработки проблемы метода в науке исправительно-трудового права, по-видимому, связан с недооценкой значения метода как критерия разграничения отраслей советского

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973, с. 293.

² См.: Система советского законодательства. М.: Юрид. лит., 1980, с. 44—45.

³ См., например: Ткачевский Ю. М. Советское исправительно-трудовое право. Изд-во МГУ, 1971; Исправительно-трудовое право. М.: Юрид. лит., 1971.

⁴ Так, в учебнике «Советское исправительно-трудовое право» (М.: Юрид. лит., 1977) о методе говорится в пяти строках (см. с. 9), а в учебнике «Советское исправительно-трудовое право. Общая часть» (изд. Академии МВД СССР. М., 1977) этому вопросу отведено девять строк (см. с. 46).

права: одни авторы считают, что для признания самостоятельности исправительно-трудового права достаточно выявить его специфический предмет⁵, другие рассматривают метод лишь как дополнительный критерий самостоятельности отрасли⁶.

Между тем, как правильно отмечает С. С. Алексеев, «метод... из дополнительного признака сразу же становится основным как только перед нами фигурируют отношения (а их большинство), которые могут входить в орбиту нескольких отраслей права»⁷. В литературе отмечается, что лишь единство предмета и метода правового регулирования является правильным классификационным признаком распределения норм права по отраслям⁸. Сказанное свидетельствует о необходимости уделить проблеме метода в исправительно-трудовом праве гораздо большее внимание, чем это сделано до сих пор.

2. Сторонники самостоятельности исправительно-трудового права в системе отраслей советского права полагают, что для исправительно-трудового права характерен метод властного приказа (императивный метод) как основной, но могут применяться и другие методы, в частности, диспозитивный⁹. Такая точка зрения справедливо подвергается критике. Так, А. Е. Наташев обоснованно отметил, что ссылка на императивное начало, равно как и на его сочетание с диспозитивным, дает недостаточно материала для обоснования самостоятельности исправительно-трудового права; здесь не раскрывается специфика метода; отмеченные начала характерны для многих отраслей права, в том числе и уголовно- и уголовно-процессуального. К этому следует добавить, что императивный метод характерен вообще для

⁵ См., например: Исправительно-трудовое право. М.: Юрид. лит., М., 1971.

⁶ См., например: «Советское исправительно-трудовое право. Общая часть». Изд. Академии МВД СССР, 1977, с. 46.

⁷ См.: Алексеев С. С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения. — Советское государство и право. 1979, № 9, с. 17—18.

⁸ См.: Система советского законодательства. М.: Юрид. лит., 1980, с. 44. См. также: Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976, с. 128; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1973, с. 293.

⁹ См.: Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. Изд. Академии МВД СССР. 1977, с. 46.

отраслей права, регулирующих преимущественно вертикальные отношения, в частности, для административного права, для которого характерно не просто сочетание императивного регулирования с диспозитивным¹⁰, а именно преобладание первого.

В литературе по административному праву общепризнанно специфическим для административного права является метод, властных предписаний¹¹.

3. Серьезная попытка выяснить специфику метода правового регулирования в исправительно-трудовом праве была предпринята в работах А. Е. Наташева (1975 г.). Эту специфику А. Е. Наташев усматривает в том, что: а) в нормативном порядке соединяется карательное воздействие с исправительно-трудовым; б) последнее есть правовая обязанность соответствующих органов; в) процесс исправительного воздействия регламентирован нормами права; г) на осужденного оказывается воздействие не только запретами, но он обязывается еще и к позитивному поведению.

В целом такая характеристика специфики является правильной. Но значит ли это, что в данном случае мы имеем дело с особым методом, носящим самостоятельный характер и не свойственным никаким другим отраслям права?

По существу центральным моментом в позиции А. Е. Наташева является утверждение о соединении карательного воздействия с исправительным воздействием других, некарательных мер, то есть комплексный, плюралистический характер воздействия.

Но комплексный характер воздействия, обусловленный необходимостью достижения цели исправления правонарушителей, присущ не только исправительно-трудовому праву.

Так, в уголовном праве при применении условного осуждения предусматривается возможность соединения

¹⁰ Такое сочетание можно обнаружить в любой отрасли права. См.: Система советского законодательства. ... с. 46.

¹¹ См.: Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. Изд. МГУ, 1967, с. 32—33. В то же время Ю. М. Козлов с полным основанием отмечает, что использование властного метода в административном праве сопровождается широким использованием методов разъяснительной и воспитательной организационной деятельности, рекомендаций, координации и т. п. (с. 40).

карательного воздействия факта осуждения и назначения наказания с возложением на коллектив обязанностей по наблюдению за осужденным и проведению с ним воспитательной работы. При назначении исправительных работ, при условном осуждении, предусмотренном ст. 24² Основ уголовного законодательства, уголовный закон предусматривает возложение на осужденного специальных обязанностей в сфере трудовой деятельности; при отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему суд также наделен правом возлагать на осужденного соответствующие обязанности, исполнение которых призвано обеспечивать исправление осужденного.

Административное право прямо предписывает, что государственные органы, общественные организации, трудовые коллективы обязаны разрабатывать и осуществлять мероприятия, направленные на предупреждение административных правонарушений, на воспитание граждан в духе высокой сознательности, строгого соблюдения советских законов. Закрепление этого требования в Основах законодательства об административной ответственности (ст. 4) не оставляет сомнения в том, что оно относится и к правонарушителям и имеет в виду обеспечение их исправления.

Проведение индивидуальной воспитательной работы с правонарушителями, разъяснение им законодательства и правил социалистического общежития возлагается законом и на добровольные дружины, деятельность которых регламентирована в соответствующих нормах административного права.

В правовых нормах закреплены соответствующие обязанности исправительного воздействия и на тех, допустивших административные правонарушения лиц, которые подвергнуты исправительным работам или в связи с такими правонарушениями направлены в спецшколы и спецпрофтехучилища; соответствующее исправительное воздействие должно оказываться и на военно-служащих, подвергнутых взысканию в виде содержания на гауптвахте.

Комплексный характер воздействия на лиц, подвергнутых наказанию за нарушение трудовой дисциплины, не чужд и трудовому праву. Так, в силу Типового положения о мастере, утвержденного постановлением Государственного комитета по труду и Секретариатом

ВЦСПС, мастер обязан проводить воспитательную работу в руководимом им коллективе, в том числе и с правонарушителями. Такая работа, проводимая в отношении правонарушителей, с неизбежностью приобретает характер исправительного воздействия, которое соединяется с воздействием дисциплинарного наказания. В постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» (Правда, 1979, 11 сент.) указано на необходимость «усилить правовоспитательную работу среди тех, кто допускает нарушения дисциплины и общественного порядка».

Принцип сочетания убеждения и принуждения как общеправовой одной из своих существенных черт имеет то, что меры принуждения и убеждения применяются в совокупности, в сочетании, а это находит свое выражение в том, что практическая работа юридических органов все более строится на началах максимального приближения к их деятельности других государственных органов и общественности и тем самым обеспечивается максимальное сочетание мер государственного принуждения и мер убеждения.

При этом характерно, что привлечение общественности, трудовых коллективов и администрации предприятий и учреждений к исправительно-воспитательной работе с правонарушителями все больше основывается не только на требованиях норм морали, но и приобретает правовой характер. Так, деятельность общественных воспитателей несовершеннолетних, совершивших не только преступления, но и административные правонарушения, довольно детально регламентирована законом, и общественные воспитатели наделены определенными правами в отношении воспитуемых и их родителей.

Обращает на себя внимание цель деятельности общественных воспитателей (это, как сказано в законе — перевоспитание правонарушителей), а также тот факт, что осуществляемое ими исправительное воздействие сочетается с уголовно-правовым или административным принуждением, которое в ряде случаев может носить и характер наказания (например, при исправительных работах). При этом такое соединение может выступать как параллельное (в том же примере) или

как последовательное (например, при условном осуждении, при выговоре, штрафе), что вполне укладывается в рамки принципа соединения убеждения и принуждения.

Из сказанного следует, что как регламентация исправительного воздействия, так и возложение исправительных обязанностей на соответствующие органы не есть исключительное свойство исправительно-трудового права. Эта черта сочетания принуждения и убеждения присуща и административному, и трудовому праву. Более того, в ряде случаев в отдельных институтах административного права (например, при регулировании принудительно-воспитательной деятельности спецшкол, спецпрофтехучилищ) эти свойства получили даже большее развитие, чем в отдельных институтах исправительно-трудового права (например, при исполнении высылки). Так, если при высылке проведение воспитательной работы лишь в общей форме возлагается на администрацию, трудовые коллективы, общественность по месту работы и месту жительства, то проведение воспитательной работы среди учащихся спецшкол и спецпрофтехучилищ регламентировано довольно детально. То же можно сказать и о деятельности инспекций по делам несовершеннолетних по оказанию исправительного воздействия на осужденных с отсрочкой исполнения приговора.

Что же касается возложения обязанностей позитивного поведения, то здесь мы не находим принципиального различия между исправительно-трудовым и, скажем, административным правом. Так, при высылке, ссылке такие обязанности или вовсе не устанавливаются или устанавливаются в минимальной мере, а в процессе исполнения исправительных работ (применяемых как меры административной ответственности), функционирования спецшкол, спецпрофтехучилищ возложение на правонарушителей позитивных обязанностей поведения (трудиться, прилежно учиться, овладевать профессией, работать по благоустройству и т. п.) применяется гораздо шире и обеспечивается возможностью возложения юридической ответственности. Возложение обязанностей позитивного поведения не чуждо и уголовному праву (например, при отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему).

Сказанное ставит под сомнение утверждение А. Е. Наташева, что в сфере исполнительно-воспорядительной деятельности органов советского государства использование методов разъяснительной, воспитательно-организационной работы, рекомендации лежит за пределами административного права. Это далеко не всегда так.

В качестве одного из существенных отличительных признаков метода исправительно-трудового права А. Е. Наташев называет особенности ответственности и санкций за нарушение норм исправительно-трудового права. Такие особенности действительно существуют. Но вряд ли можно считать, что их наличие уже свидетельствует о самостоятельности метода исправительно-трудового права.

Весьма существенными особенностями отличаются друг от друга ответственность и санкции за нарушение воинской дисциплины; требований правил исполнения административных взысканий в виде, например, ареста, исправительных работ; правил внутреннего распорядка в СПТУ, спецшколах. Но разве это дает основание для выделения самостоятельных методов, скажем, воспитательно-административного права или административно-исправительного права?

Неправ А. Е. Наташев и тогда, когда утверждает, что специфической особенностью системы взысканий в исправительно-трудовом праве является то, что они используются не только для обеспечения соблюдения соответствующих правил, но и в качестве средства побуждения виновных к исправлению; такое свойство присуще и взысканиям в административном, трудовом, колхозном праве, одной из целей которых является исправление правонарушителей.

Что же касается таких мер, как изменение условий содержания в ИТУ (например, перевод в тюрьму, в ИТК-поселение, в ПКТ), то в этих случаях мы имеем дело с определенным изменением уголовно-правового положения осужденного, то есть с особенностями уголовно-правового метода воздействия, однотипными по своей природе с заменой исправительных работ (в случае злостного уклонения) лишением свободы, направлением условно-осужденного (с обязательным привлечением к труду) в ИТК и другими способами обес-

печения динамичности карательного воздействия. И это также свидетельствует не столько о самостоятельности метода исправительно-трудового права, сколько о том, что оно включает в себя использование методов «базовых» отраслей советского законодательства, в данном случае уголовного права.

Рассмотренные выше аргументы А. Е. Наташева в пользу существования самостоятельного метода исправительно-трудового права исходной своей основой имеют выдвигаемое им общее положение о том, что именно исправительно-трудовому праву присуща функция исправления правонарушителей, а постановка вопроса о воспитательной функции права в целом или применительно к большинству его отраслей не является достаточно обоснованной¹². Поэтому регулирование отношений большинством отраслей права не предусматривает каких-либо правовых способов воздействия непосредственно на личность для того, чтобы изменить ее, искоренить ее нравственные пороки, привить положительные качества.

С таким тезисом трудно согласиться. Воспитательная функция прямо закреплена в Основах законодательства об административной ответственности (ст. 1); в Основах законодательства о браке и семье (ст. 1); в Основах законодательства о труде (ст. 1) в Положении о товарищеских судах (ст. 1). Все эти нормативные акты предусматривают целую систему средств и способов, направленных на достижение воспитательных целей, а в отношении правонарушителей — на их исправление.

Другая ошибка А. Е. Наташева заключается в том, что при определении функций исправительно-трудового права допускается недооценка такой функции, как карательная, в процессе реализации которой обеспечивается достижение отнюдь не второстепенных целей общего и специального предупреждения. Между тем способы правового регулирования положения осужденных в

¹² Мы пишем «в целом» потому, что в ряде случаев многие из указанных признаков отсутствуют. Например, при высылке исправительно-трудовое право вовсе не регламентирует исправительное воздействие, не возлагает на какие-либо органы и на осужденных каких-либо правовых обязанностей в сфере исправительного воздействия.

процессе исполнения наказания, прав и обязанностей органов, исполняющих наказание, не в меньшей мере относятся к числу основных элементов метода исправительно-трудового права, чем способы регулирования иных, некарательных исправительных воздействий.

В характере способов правового регулирования положения осужденных и органов, исполняющих приговор, выражается определенный, больший или меньший, объем уголовно-карательного воздействия как специфического метода уголовного права, что признают все (кроме А. Е. Наташева) ученые, исследовавшие этот вопрос. Таким образом, уголовно-правовой метод является составной частью комплекса воздействий, оказываемых на осужденных, и то, что он в данном случае воплощен в нормах не уголовного кодекса, а исправительно-трудового, не лишает его присущей ему специфики.

Наконец, обсуждая вопрос о методе исправительно-трудового права, нельзя упускать из виду, что правовое регулирование в сфере исправительно-трудового законодательства призвано обеспечить осуществление осужденными в процессе исполнения наказания своих общегражданских прав и обязанностей в тех пределах, в каких эти права и обязанности не подвергаются ограничениям. Эта задача встает в связи с тем, что осуществление указанных обязанностей и прав может быть в условиях отбывания наказания затруднено, иногда весьма серьезно.

В этих целях на администрацию ИТУ возлагается ряд обязанностей (источник которых отнюдь не сводится к необходимости выполнения только специфических задач ИТУ), например, обеспечить возможность осужденным реализовать свое право на труд, на повышение производственной квалификации, на сохранение здоровья, получение полного среднего образования и т. п. Нормы, определяющие особенности регулирования этих «обычных» прав и обязанностей осужденных граждан в «необычных» условиях отбывания наказания, занимают значительное место в исправительно-трудовой правовой материи. Естественно, что в таком регулировании находят свое выражение методы тех правовых отраслей, предметом которых являются соответствующие общегражданские отношения.

Нетрудно видеть, что система средств и способов правового регулирования в сфере исправительно-трудового права подчиняется интересам воздействия на осужденного не только как преступника, подлежащего наказанию и перевоспитанию, но и как человека и гражданина.

Многообразие «ипостасей», в которых выступает осужденный, плюралистичность задач деятельности по обращению с ним закономерно исключает возможность использования по отношению к осужденным одного какого-то правового метода воздействия и с необходимостью предполагает плюралистичность этих методов. Поэтому вряд ли возможно вычленить общий, единый правовой метод воздействия на осужденных как самостоятельный, качественно отличающийся от других методов, используемых в других отраслях законодательства. А там, где невозможно создать общие методы регулирования для всех входящих в данную совокупность норм, там, как правильно пишет С. Н. Братусь, нельзя говорить о появлении новых отраслей права¹³. Поэтому С. С. Алексеев отмечает, что в исправительно-трудовом праве регулирование, с одной стороны, отношений административных, а с другой стороны, трудовых, воспитательных остается настолько специфичным, что ИТП так и не перешло ту грань, которая отделяет основные отрасли от комплексных¹⁴. Более того, С. С. Алексеев, на наш взгляд, отнюдь не без оснований отмечает также определенное усиление черт комплексности исправительно-трудового права. Это находит свое выражение в том, что в сфере исполнения наказаний все шире используются черты метода других отраслей. Например, в новом исправительно-трудовом законодательстве материальная ответственность осужденных к лишению свободы за причинение имущественного вреда стала практически ничем не отличаться от гражданско-правовой ответственности и ответственности по трудовому праву. По образу трудового и административного права, если в течение года осужденный не имел новых взысканий, он не считается подвергавшимся взысканию.

¹³ См.: Система советского законодательства. . . . с. 54.

¹⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963, с. 164.

Для лиц, отбывающих наказание в ИТК-поселениях, введена возможность начисления им общего трудового стажа; введено освобождение от работ для сдачи экзаменов с бесплатным предоставлением питания. Расширена сфера применения так называемого представительного метода в отношении осужденных-инвалидов.

Отмеченные черты комплексности метода исправительно-трудового права, по-видимому, закономерно вытекают из комплексного характера отношений, регулируемых в процессе карательно-воспитательного воздействия. Здесь наряду с отношениями по осуществлению кары существуют и отношения по исправительно-трудовому воздействию, которое, как правильно отмечает Н. А. Стручков, базируется на тех же принципиальных основах, что и любой другой воспитательный процесс¹⁵.

Соответственно этому исправительно-трудовое право не может ограничиться методом «власть — подчинение».

Осужденным нельзя приказать исправиться, перевоспитаться.

Для того, чтобы перевоспитывать в духе честного отношения к труду и уважения к правилам социалистического общежития, необходимо формировать отношения, складывающиеся в процессе исправительно-трудового воздействия, как отношения сотрудничества, доверия, взаимопонимания, взаимопомощи. Это обстоятельство совершенно верно подчеркивает А. Е. Наташев, и в этом, безусловно, позитивная сторона его исследований метода исправительно-трудового права.

Но из такого подхода следует, что правовые методы формирования отношений сотрудничества, доверия и взаимопонимания отнюдь не являются второстепенными по отношению к методу «властного приказа». Они также относятся к числу основных.

Именно этим и порождается необходимость использования в исправительно-трудовом правовом регулировании карательно-воспитательного процесса комплекса различных методов воздействия на осужденных¹⁶.

¹⁵ См.: Советское исправительно-трудовое право. Акад. МВД СССР, 1977, с. 201.

¹⁶ См.: Алексеев С. С. Структура советского права. Юрид. лит., М., 1975, с. 204.

ЗАПРЕТ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА МЕР ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В. А. Уткин

Наряду с предписанием и дозволением запрет является одним из способов правового регулирования. Вряд ли можно всякий правовой запрет, ограничение считать принуждением¹: любое правовое предписание есть своего рода запрет действовать по-иному², однако укрепление правовой основы государственной и общественной жизни (ст. 9 Конституции СССР) непосредственно не означает расширения сферы государственного принуждения. Как правильно пишет А. Г. Братко, главное в правовых запретах — не принуждение, а то, что они указывают на границы правомерных человеческих поступков³. Поэтому появление новых правовых запретов не ведет автоматически к расширению сферы принуждения.

В отличие от «оборотной стороны» всякого правового предписания, запрет в собственном, узком смысле слова, это запрет не иного поведения вообще, а совершенно конкретного, указанного прямо как запрещенное в правовой норме.

Исправительно-трудовое законодательство довольно широко использует метод запретов. Так, осужденным к лишению свободы запрещено выходить за пределы ИТУ, локальных изолированных участков, производственных объектов, хранить запрещенные к использова-

¹ Иную позицию см.: Филимонов О. В. Понятие принуждения в советском праве. — В кн.: Новая Конституция СССР и проблемы правоведения. Томск: Изд-во ТГУ, 1980, с. 102.

² Подробнее см.: Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978, с. 107.

³ См.: Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1979, с. 84, 91 и др.

нию в ИТУ предметы, деньги, ценные вещи (ст. 22 и др. ИТК РСФСР). Осужденному к высылке запрещается проживать в определенных местах (ч. 2 ст. 87 ИТК). Осужденный к исправительным работам не имеет права уволиться с работы без разрешения органов, ведающих исполнением этого наказания (ч. 2 ст. 94 ИТК). Условно осужденные (освобожденные) с обязательным привлечением к труду не имеют права покидать пределы административного района по месту их работы без специального разрешения (ст. 78² ИТК). Некоторые запреты установлены при административном надзоре.

Законодательству многих социалистических государств известно возложение запретов на условно осужденных, условно освобожденных. УК ПНР, например, предусматривает возложение судом на осужденного запрета злоупотребления алкогольными напитками, пребывания в определенной среде или посещения определенных мест⁴.

Функции правовых запретов в исправительно-трудовом законодательстве тесно взаимосвязаны, тем не менее по первоочередной социально-правовой направленности их можно подразделить, по меньшей мере, на три группы.

1. Определяющие карательное содержание уголовного наказания (запрещение высланному возвращаться в определенные места, запрет покидать территорию ИТУ для лишенного свободы и т. п.).

2. Предупредительно-профилактические или специально-предупредительные (иметь вещи, запрещенные к хранению в ИТУ, запрет покидать район при условном осуждении с обязательным привлечением к труду и др.).

3. Запреты как специфическая организационно-правовая форма, способ правового обеспечения применяемых к осужденным мер специализированного воспитательного воздействия некарательного характера (исправительно-трудового воздействия). Например, запрет увольняться с работы без специального разрешения при исправительных работах.

⁴ См.: Уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы ПНР. М.: Юрид. лит., 1973; Михлин А. С. Важное условие исправления правонарушителей в ГДР. — Советская юстиция, 1966, № 21, с. 23—24.

От уголовно-карательных запретов последние отличаются тем, что не выражают содержания наказания, от предупредительно-профилактических — тем, что непосредственной своей задачей имеют не защиту общества от возможных общественно опасных действий виновного и не охрану его самого от возможного отрицательного, антивоспитательного влияния среды, а прежде всего — привлечение его к конкретному воспитательному воздействию в определенных условиях. Это отличает, например, запрет покидать дом в вечернее и ночное время для находящегося под административным надзором от запрета увольняться с работы при исправительных работах. Если в первом случае закон как бы предполагает антивоспитательное влияние или антиобщественную направленность запрещаемого поведения, то во втором, наоборот, — положительное влияние поведения, от которого осужденному запрещено уклоняться⁵. Различен и подход к лицу: в первом случае оно рассматривается прежде всего как потенциальный правонарушитель, во втором — как объект воспитательного воздействия.

Поэтому запреты как организационно-правовая форма мер исправительно-трудового воздействия отличны от специально-предупредительных запретов, не имеющих воспитательного воздействия в качестве главной и непосредственной цели.

С расширением правовых основ применения воспитательного воздействия некарательного характера при уголовно-правовых мерах, не связанных с отбыванием лишения свободы, проблема запретов как организационно-правовой формы такого воздействия приобретает особую актуальность, практическую значимость.

В целом применение запретов как организационно-правовой формы мер исправительно-трудового воздействия оправдано, поскольку оправданы и целесообразны специфические организационно-правовые формы привлечения осужденных к воспитательному воздействию. Вместе с тем:

⁵ Этим запрет как организационно-правовая форма мер исправительно-трудового воздействия сходен с запретом как организационно-правовой формой реализации наказания. Разница — в содержании обеспечиваемых запретом обязанностей. Кроме того, ряд запретов может иметь одновременно несколько направленностей.

эти запреты не должны приобретать карательного характера;

при их установлении необходимо опираться на тщательное изучение и учет особенностей категорий лиц, к которым они применяются, обосновывать установление запретов;

необходимы дополнительные правовые гарантии их установления вообще и в каждом конкретном случае (возможность их возложения должна быть предусмотрена законом, как и судебный порядок возложения);

требуется исследование воспитательной целесообразности установления тех или иных запретов, а при их применении нужно следовать общему принципу экономии принудительных мер.

Только при учете указанных обстоятельств применение запретов как организационно-правовой формы мер исправительно-трудового воздействия будет справедливым. Исследование сущности правовых запретов в исправительно-трудовом законодательстве будет способствовать и уточнению карательного содержания многих наказаний (например, исправительных работ).

ОБ УРОВНЯХ И ПОКАЗАТЕЛЯХ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В. В. Тирский, В. В. Неверов

Рост активности народных масс в строительстве новой жизни органически вытекает из закономерностей развития социалистического общества, выступает как необходимый атрибут социалистического образа жизни¹. Поскольку общество должно видеть и видит в преступнике не только преступника, но и живую частицу государства, члена общины и семьи, гражданина², постольку постановка вопроса о развитии социальной активности осужденных представляется вполне обоснованной, вытекающей из общеполитических задач, из требований об организации воспитательной работы с учетом особенностей различных групп населения страны³.

Социальная активность предполагает свободу личности. Изоляция от общества осужденных к лишению свободы временная, не во всех отношениях абсолютная⁴. В гносеологическом аспекте свобода воли субъекта означает «не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»⁵. Психологический аспект свободы заключается в свободе от внешнего принуждения, причем свобода в этом смысле «противополож-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 90; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540; Программа КПСС. М., 1960, с. 15; Конституция СССР.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 132; Закон «О гражданстве СССР»; ст. 8 Основ исправительно-трудового законодательства СССР.

³ См.: Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Правда, 1979, 6 мая.

⁴ См.: Ременсон А. Л. О правовых обязанностях заключенных.— Труды Томского университета, т. 183, 1966, с. 194.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

на принуждению, а не необходимости»⁶. Свободное решение должно соответствовать законам природы и общества. В морально-этическом аспекте свобода означает свободу от моральных пороков, осознание нравственной необходимости и соответствующего долга поведения. «Человек, который стал под действием внешнего принуждения способным... преодолевать привычки к преступному поведению, не может быть назван полностью морально свободным, но он уже поднялся на первую элементарную ступень моральной свободы»⁷.

Уголовное наказание, сбедающееся в процессе исполнения с мерами исправительно-трудоого воздействия, направлено на развитие у осужденных соответствующих социалистическому образу жизни ценностных ориентаций, на осознание необходимости соответствующего поведения, на выполнение программного положения — каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к общественно полезной деятельности. Объективная самооценка осужденного, его поведение в соответствии с предъявляемыми обществом требованиями при социально одобряемых мотивах поведения могут рассматриваться как освобождение во всех аспектах, ведущее к прекращению его юридического статуса как лишнего свободы.

В. И. Ленин использовал термин «активность» в разных значениях: 1) как определенное состояние; 2) как синоним самодеятельности, внутренней инициативы личности; 3) как деятельность, усиленную по сравнению с обычной⁸. Каждое из приведенных значений отражает различные стороны социальной активности того или иного субъекта (класс, группа, индивид). Но совокупный субъект действует через посредство индивидов, которые являются носителями активной сущности, выступающей социальным качеством индивидов⁹. Поэтому

⁶ См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 3, с. 194.

⁷ Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных. — Автореф. ... докт. юрид. наук. Томск, 1965, с. 33.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 7; т. 9, с. 134; т. 11, с. 103; т. 26, с. 268; т. 35, с. 88.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7; с. 242; т. 1, с. 247.

социальную активность можно и нужно рассматривать на уровне всей массы тех или иных индивидов, на уровне классификационных групп индивидов, на уровне отдельного индивида.

Социальную активность осужденных нельзя, видимо, рассматривать в отрыве от их основного свойства — общественной опасности, выразившейся в совершении преступления, поскольку именно поэтому они оказываются на время в специфических условиях, приобретая на это время правовой статус, отличный от правового статуса иных граждан, не совершивших преступления. Действия по нейтрализации и устранению причиненного обществу преступлением вреда (полезные действия), стремление избавиться от социально вредных личностных свойств, приведших к совершению преступления, а также от иных социально не одобряемых личностных свойств, стремление развить в себе или приобрести социально полезные личностные свойства, которые исключали бы преступный образ действия впредь, могут характеризовать, на наш взгляд, содержательную сторону социальной активности осужденных.

Активность как деятельность, усиленная по сравнению с обычной, предполагает наличие эталона, нормы обычного поведения. Социологи выделяют три уровня социальной активности личности: высокий, средний, низкий. Высокому уровню активности соответствуют такие качества личности, как глубокие знания, широкий культурный кругозор, сознательное и творческое отношение к труду, чувство хозяина производства, политическая зрелость, нетерпимость к расхлябанности, безответственности, недостаткам. Граждане с низким уровнем активности¹⁰ добросовестно трудятся, соблюдают трудовую дисциплину, бережно относятся к социалистической собственности, участвуют в общественно-политических мероприятиях из чувства долга, заинтересованно относятся к делам коллектива, соблюдают правила социалистического общежития, то есть выполняют мини-

¹⁰ В нашу задачу не входит рассмотрение позиций социологов по данному вопросу, мы взяли характеристику уровней активностей «в снятом», обобщенном виде для рассмотрения конкретного вопроса.

мально необходимый объем социально полезной деятельности в пределах конституционных и иных обязанностей. Антисоциальное или асоциальное, поведение не включается в характеристику активности личности — уровни социальной активности измеряются направленностью, содержанием, интенсивностью, объемом только общественно полезной деятельности. Уголовное наказание в виде лишения свободы назначается за общественно вредное деяние. Можно ли тогда вообще говорить об уровнях социальной активности осужденных к лишению свободы? Если можно, то какое поведение принимать за эталон для сравнения?

Уровни социальной активности осужденных можно соизмерять, на наш взгляд, в нескольких направлениях: 1) осужденные — иные граждане; 2) осужденные различных классификационных групп; 3) один и тот же осужденный в разные периоды отбывания наказания — динамика изменения личностных свойств и поведения. Сущность социальной активности должна быть единой, по нашему мнению, для всех граждан СССР, в том числе и для осужденных к лишению свободы — общественно полезные действия по социально одобряемым мотивам. Различными могут быть, как нам представляется, содержание, формы проявления, показатели социальной активности, вытекающие из особенностей правового положения и условий жизнедеятельности совокупного субъекта либо индивида. Чем меньше разница в правовом положении субъектов и условиях их жизнедеятельности, тем меньше в принципе должна быть разница в показателях, с помощью которых измеряется их активность. При объективно одинаковом результате можно, на наш взгляд, считать более социально активным того, кому объективно было труднее получить этот результат (в силу ли больших правоограничений, в силу ли более сложных условий самопроявления). В связи с этим мы приходим к выводу: измерение уровней социальной активности должно содержать в себе оценочный момент, заключающийся в оценке объективной возможности того или иного поступка (деятельности) в той или иной обстановке, ситуации в определенное время. Для правильного определения уровня социальной активности субъекта необходимо знать не только его личностные свойства, но и специфику условий действия. Это поло-

жение весьма значимо при определении уровней социальной активности осужденных к лишению свободы, правовое положение и условия жизнедеятельности которых значительно отличаются по сравнению с иными осужденными и неосужденными гражданами, не являясь в то же время абсолютно одинаковыми применительно к различным классификационным группам внутри самих осужденных к лишению свободы.

При совершении преступления обнаруживаются отрицательные качества личности преступника, но ими не исчерпываются все личностные свойства осужденных к лишению свободы. «Прорыв» в одном блоке личностных свойств не означает глобальной пораженности личности отрицательными свойствами. Лицо, выросшее в социалистической системе отношений, не может быть глобально отрицательным. Каждый преступник имеет те или иные положительные личностные свойства, которые могут стать предпосылкой его социальной активности, тем более, что в процессе отбывания наказания возможно изменение соотношения положительных и отрицательных личностных свойств в пользу положительных.

С другой стороны, при самой строгой изоляции и специфике условий в ИТУ сохраняется система социалистических общественных отношений, следовательно, социальная активность в принципе возможна после совершения преступления и осуждения к лишению свободы. И свойства субъекта, и условия его жизнедеятельности позволяют, на наш взгляд, распространить на осужденных к лишению свободы общегражданские показатели измерения уровней социальной активности. В противном случае мы вообще не смогли бы определить уровень их активности как особой социальной группы советских граждан.

В то же время специфика личностных свойств, правового положения и условий жизнедеятельности осужденных к лишению свободы не может не сказаться на специфике показателей их социальной активности. Так, например, активность осужденных к лишению свободы не может оцениваться без учета отношения осужденного к режимным требованиям, поскольку специфика режима жизненного уклада в ИТУ бесспорна, а отношение к режиму рассматривается в качестве доказательства ис-

правления осужденного, что нашло отражение в уголовном и исправительно-трудовом законодательстве. Не вызывает сомнения, что явка с повинной по социально одобряемым мотивам характеризует определенный уровень социальной активности осужденного, однако сделать это может только лицо, виновное в совершении преступления. В любом случае при оценке социальной активности осужденного к лишению свободы нельзя игнорировать специфику его правового статуса относительно ограниченной возможности самопроявления иногда даже в тех сферах жизнедеятельности, где права и фактические возможности осужденных, по сравнению со свободными гражданами, ограничиваются незначительно или вообще не ограничиваются. Так, за осужденным сохраняется не только конституционная обязанность трудиться, но и право на труд. Однако осужденный не всегда может фактически выбрать характер, содержание, место работы, что в свою очередь может повлиять на его отношение к труду, на активность в сфере трудовой деятельности.

Представляется правильным считать, что по мере возрастания строгости режима ИТУ (общий, усиленный, строгий, особый) один и тот же общественно полезный поступок может оцениваться по-разному с точки зрения проявления социальной активности осужденного. Чем строже режим, тем, как правило, опасней преступники, имеющие большой «букет» отрицательных свойств, ощутимей сопротивляемость совокупного субъекта и отдельного осужденного хорошему поступку. Для преодоления более твердого «противостояния» хорошему требуется более сильное внутреннее побуждение к общественно полезному поступку, более глубокое осознание необходимости такого поступка. А это, как мы отмечали выше, характеризует уровень социальной активности личности. С другой стороны, чем строже режим ИТУ, тем, как правило, больше правоограничений и меньше фактических возможностей для активного самопроявления осужденного. Так, на тяжелых работах в ИТК особого режима осужденный может очень стараться, но не выполнять нормы выработки совсем не в силу личностных свойств, а из-за слабых физических данных. Характер выполняемой работы может ограни-

чивать возможности рационализации трудового процесса и т. д.

Система показателей для измерения социальной активности осужденных ждет обоснования. В ней должны занять соответствующее место следующие специфические показатели активности осужденных: 1) отношение к совершенному преступлению и наказанию; 2) соблюдение требований режима, отношение к нарушителям режима; 3) участие в самодеятельных организациях осужденных; 4) явка с повинной, досрочное погашение исков, извинения перед потерпевшими от преступления; 5) вовлечение других осужденных в общественно полезную деятельность; 6) наличие социально одобряемых увлечений даже в условиях ИТУ. Этот перечень мы не считаем совершенным и завершенным, а рассматриваем как первоначальную основу для дальнейших исследований.

Наблюдение за изменением личности осужденного во времени (динамика личностных свойств) необходимо и практически проводится, ибо без этого мы не смогли бы определить степень исправления осужденного. Учет уровня социальной активности осужденного (активен; мало активен; не активен; вредно активен; активен в одном, но не активен или вредно активен в другом) выступает неременным условием для решения вопроса о степени его исправления. Сознательное правомерное поведение осужденного (добровольно выполняет конституционные обязанности, требования закона, режима, правомерные распоряжения администрации ИТУ) дает основание говорить о его исправлении, однако, по нашему мнению, не каждый исправившийся осужденный социально активен. В то же время активность осужденного в той или иной сфере деятельности не обязательно отражает его исправление с точки зрения уголовного и исправительно-трудового законодательства. Поэтому, на наш взгляд, задача развития социальной активности и задача перевоспитания осужденных близки по смыслу, но не тождественны; показатели социальной активности и исправления осужденных, во многом совпадая, могут отличаться. Задачу исправления осужденного можно считать выполненной, если он не совершает нового преступления, чего не всегда достаточно, чтобы считать его социально активной личностью. В то же время соци-

альная активность осужденного может выступать одним из доказательств его исправления.

Понятие «социальная активность» близко по смыслу понятию «эффективность», поскольку и то, и другое по сути отражают соответствующий объем социально полезной деятельности. Разницу между этими понятиями мы видим в том, что социальная активность отражает состояние, свойство самого субъекта, его возможности действовать в той или иной внешней среде в определенное время по соответствующим мотивам, а эффективность есть свойство действия, есть оценка объективированных результатов действия, его социально полезной отдачи в определенных условиях и в определенное время. Если неактивный осужденный в процессе отбывания наказания становится активным, то этот факт (результат) может выступать в качестве показателя эффективности карательно-воспитательного воздействия на данного осужденного. Если социальная активность осужденного способствует его исправлению, достижению каких-либо иных социально полезных результатов, то ее в этом случае можно рассматривать как предпосылку эффективности.

Развитие социальной активности осужденного к лишению свободы может выступать в деятельности администрации ИТУ, как нам кажется, одновременно и как самостоятельная задача, и как процесс, и как средство достижения иных задач, в частности, задачи исправления осужденных, и как показатель эффективности карательно-воспитательного процесса.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ФОРМ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ НА ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ РЕОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Н. И. Чуньков

В настоящее время на предприятиях мест лишения свободы (ИТК) проводятся мероприятия по выработке более рациональных форм и методов управления производством. Создан ряд производственных объединений, предприятия ИТК как производственные единицы объединений выводятся из подчинения начальника колонии.

Главная идея, которая заложена Министерством внутренних дел в основу формирования объединений, заключается в том, чтобы их аппарат взял на себя выполнение ряда производственно-хозяйственных функций, осуществляемых ранее каждым предприятием самостоятельно, обеспечив более квалифицированную их реализацию¹. Таким образом, создаются возможности для того, чтобы высвободить администрацию ИТК от производства и дать ей возможность сосредоточить свои усилия на решении задачи перевоспитания осужденных, укрепления режима содержания и повышения дисциплины правонарушителей.

Директивные указания МВД СССР в ходе проведения мероприятий по реорганизации управления производством ИТК подчеркивают необходимость в повышении роли воспитательных функций руководителей производства (ИТР). Лозунг «Каждый сотрудник исправительно-трудового учреждения воспитатель и контролер» сегодня актуален как никогда.

¹ Проводимая реорганизация управления производством в местах лишения свободы является составной частью целого комплекса мер, намеченных XXVI съездом КПСС «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности и качества работы по совершенствованию управления экономикой народного хозяйства».

Остановимся на анализе отдельных правовых форм воздействия инженерно-технических работников на осужденных, которые требуют, по мнению автора, своего совершенствования. Имеются в виду прежде всего наиболее острые формы реагирования — применение ИТР административных и дисциплинарных методов воздействия. Надлежащая правовая регламентация указанных методов воздействия, правильное применение ИТР выступают надежной гарантией неукоснительного соблюдения законных прав осужденных, требований социалистической законности.

Административные методы — это способы непосредственного воздействия руководящих инженерно-технических работников (мастеров производства, начальников цехов, директора предприятия и др.) на поведение осужденных путем прямых обязывающих предписаний, подлежащих исполнению².

Административные методы в процессе своей реализации предполагают наличие непосредственных коммуникаций, прямых связей между управляемой системой, то есть подчинение является обязательным условием административного воздействия.

В местах лишения свободы, в отличие от предприятий народного хозяйства обычного типа, связи подчинения осужденных и инженерно-технических работников имеют свою отличительную особенность. Подчинение осужденных инженерно-техническим работникам здесь должно носить ограниченный характер. Представляется, что в условиях реорганизации управления производством мест лишения свободы осужденные должны, как прежде, поступать только в оперативное подчинение к директору предприятия, другим руководящим инженерно-техническим работникам.

Следует согласиться с позицией авторов, которые предлагают сконцентрировать решение вопросов экономики, финансов в руках руководителей производственных объединений и входящих в их состав предприятий.

² Нередко административные методы обозначают терминами «организационные», «организационно-распорядительные», «административно-директивные» (Козлов Ю. М. Методы управления народным хозяйством СССР. — Советское государство и право, 1968, № 4, с. 68—69; Лунев А. Е. Теоретические проблемы государственного управления. М., 1974, с. 159).

При таком положении целесообразно всю ответственность за обеспечение полной трудовой занятости осужденных возложить на производственные объединения (И. Богатырев).

Однако исправительно-трудовая колония была и остается органом государства, исполняющим приговор суда, реализующим кару и меры исправительно-трудового воздействия в отношении осужденных. Поэтому, неся ответственность за полную трудовую занятость осужденных, администрация объединений и ее структурных подразделений не может в ущерб компетенции администрации ИТК самостоятельно решать вопросы комплектования трудовых коллективов осужденных, определения осужденному места работы. В исключительную компетенцию администрации ИТК должно входить решение вопроса о выводе осужденного на производственный объект.

Эти меры являются необходимыми правовыми гарантиями, которые в новых условиях обеспечат администрации ИТК индивидуализацию применения средств исправительно-трудового воздействия. Администрация ИТК получает возможность эффективно влиять на ход трудового перевоспитания осужденных, активно управлять процессами, обеспечивающими режим содержания на производстве.

Предлагаемые ограничения в правах руководителей предприятий мест лишения свободы по административному воздействию на осужденных не сужают их инициативу в решении поставленных задач. Переход осужденных в оперативное подчинение к инженерно-техническим работникам предоставляет последним право давать работающим на производстве приказы, распоряжения, которые обязательны к исполнению. При этом требования ИТР к осужденным могут быть обращены по самому широкому кругу вопросов, а не только вопросам производственного характера. В случае обнаружения любого нарушения установленных правил поведения осужденных ИТР обязаны принять соответствующие меры к их пресечению и предотвращению вредных последствий.

Такое правовое положение организаторов производства в местах лишения свободы допускает в некоторой степени совмещение их деятельности с осуществлением

ряда функций нарядом контролеров, сотрудниками режимной службы ИТК по контролю и надзору за поведением осужденных на производстве.

Было бы нелогично и нецелесообразно, признавая, например, мастера производства представителем органа, реализующего меры исправительно-трудового воздействия, освобождать его от выполнения подобного рода обязанностей и не обеспечивать это должностное лицо соответствующими правами административного воздействия на осужденных. В противном случае для поддержания надлежащего правопорядка на производстве потребуется значительное увеличение штата контролеров.

Следует отметить еще одно весьма важное обстоятельство. Совмещение деятельности ИТР с деятельностью других служб, осуществляющих контроль и надзор за осужденными, обеспечивает проведение политики единства требований к поведению осужденных со стороны всех без исключения воспитателей. Этого требуют задачи обеспечения ИТУ строго регламентированного внутреннего распорядка, социалистического правопорядка и законности.

Определяя правовое положение администрации предприятия в местах лишения свободы, следует подчеркнуть, что в новых условиях ее права по применению административных методов воздействия к осужденным должны быть расширены. Представляется, что за администрацией предприятия следует закрепить право на перевод осужденного с одного места работы на другое, если это вызывается производственной необходимостью. Начальнику цеха, главным специалистам, директору предприятия как лицам начальствующего состава МВД СССР следует предоставить право на освобождение от работы осужденных, злостно нарушающих производственную, трудовую дисциплину, правила режима в промышленной зоне.

Реализация этих прав администрацией предприятия не только не исключает, но во многих случаях предполагает согласование действий с руководством ИТК, начальниками отрядов, сотрудниками оперативной, режимной служб и др.

Использование административных методов воздействия обязывает руководителей производства умело поль-

зоваться силой приказа. Приказ — это не просто организационная мера, направленная на реализацию осужденным предоставленных ему прав и выполнение возложенных на него обязанностей, он имеет и сложную нравственную основу. Руководитель обязан учитывать моральное влияние на подчиненного и на коллектив того или иного приказа, распоряжения³.

Важно в коллективе создать обстановку доверия и требовательности. Доверие и требовательность к осужденным неразрывно связаны. Доверие, не подкрепленное строгой ответственностью за порученное дело, может перерасти в панибратство с осужденными. А там, где отсутствует доверие, требовательность оборачивается администрированием. Между ИТР и осужденными могут сложиться отношения взаимной неприязни, подозрительности. Все это пагубным образом сказывается на решении задачи перевоспитания правонарушителей.

В практике ИТК имеются случаи, когда инженерно-технические работники, другие воспитатели относятся к осужденным как к потерянным, неполноценным людям. Такое отношение порождает неверие в исправление правонарушителей и, что особенно является нетерпимым, сопровождается приказом в грубой форме, унижающей честь и достоинство осужденных. Каждому воспитателю мест лишения свободы следует помнить о том, что приказ осужденным должен даваться в корректной, выдержанной форме, аккумулировать в себе компетентность, хорошие знания фактического положения дел.

Вопрос об эффективности использования ИТР **дисциплинарных методов** воздействия на осужденных постоянно находился во внимании организаторов производства. Ибо высокий уровень производительности труда, дисциплины и порядка на производстве во многом зависит от правильного и своевременного поощрения добросовестного и наказания недобросовестного работника.

Известно, что в условиях подчиненности ИТР начальнику колонии они не наделены по действующему испра-

³ См.: Постановление ЦК КПСС «Об участии руководящих и инженерно-технических работников Череповецкого завода в идейно-политическом воспитании членов коллектива». — Правда, 29 дек. 1971 г.

вительно-трудовому законодательству правом самостоятельного решения вопросов по применению мер дисциплинарного воздействия на осужденных. ИТР имеют право только поставить вопрос перед руководителями колонии о поощрении или наказании подчиненного. Как же реагировала в этих случаях администрация колонии на высказанные в официальном порядке предложения и требования инженерно-технических работников? Было опрошено 200 мастеров по этому вопросу. Почти все они заявили, что около половины их представлений и докладных начальник ИТК оставляет без внимания. Когда же к осужденным применяются меры взыскания, с ними также советуются редко. Такое положение, во-первых, не служит укреплению авторитета ИТР; во-вторых, толкает организаторов производства на путь пассивного отношения к состоянию трудовой дисциплины на участках, в цехе; в-третьих, многие нарушения правопорядка на производстве, особенно так называемые «незначительные», остаются без надлежащего реагирования; в-четвертых, осужденные привыкают к обстановке попустительства, как результат этого на производстве резко падает дисциплина; в-пятых, дисциплинарная практика в результате поверхностного разбирательства дел существенным образом страдает: начальники ИТК, наказывая нарушителей, «рубят с плеча».

Между тем дисциплинарная практика в ИТК затрагивает порой самые важные интересы и перспективы осужденного, включая и его досрочное освобождение из мест лишения свободы. При поверхностном рассмотрении дел дисциплинарной практики возможны случаи нарушений прав, предоставленных осужденному исправительно-трудовым законодательством. Это приводит и к предоставлению осужденному незаслуженных им льгот.

Большинство опрошенных нами ИТР выход из сложившегося положения видят в том, чтобы руководителям производства в соответствии со ст. 55 ИТК РСФСР было предоставлено право налагать на осужденных взыскания. Предлагается мастеру предоставить право выносить осужденному предупреждение (устно), другим вышестоящим ИТР — предупреждение, выговор (устно). Еще большую злободневность приобретают вопросы дисциплинарных прав ИТР в отношении осуж-

денных в связи с выделением производства из подчиненности начальника колонии.

Так, в ходе начатой (экспериментальной) реорганизации управления производством ИТК директору предприятия предоставлено право применения к осужденному мер поощрения и наказания, которые непосредственно вытекают из факта трудовой деятельности осужденного на данном предприятии.

Учитывая, что в настоящее время продолжается поиск оптимального варианта правового регулирования деятельности директора предприятия, отметим, что его права по дисциплинарной практике следует законодательно закрепить в объеме прав, предоставленных заместителю начальника ИТУ статьями 54—55 ИТК РСФСР. Права директора предприятия по дисциплинарному воздействию на осужденных нельзя приравнивать к аналогичным правам начальника ИТК. По смыслу нашего предложения директор предприятия в пределах своей компетенции (производственно-хозяйственной) будет иметь право применять все виды поощрений и все виды взысканий к осужденному, закрепленных в статьях 54—55 ИТК РСФСР, за исключением перевода осужденных в помещения камерного типа, и одиночные камеры, а также водворения в штрафной изолятор. Последние два вида взысканий — это специфические, исключительные меры дисциплинарного воздействия, они должны применяться в случае безуспешного применения других мер взыскания. Наложение этих взысканий, как правило, производится за злостные нарушения требований режима отбывания наказания. Очевидно, что реализация и обеспечение карательного элемента лишения свободы должны входить в компетенцию начальника ИТК.

По этому же основанию в компетенцию администрации ИТК должны входить решения вопросов в порядке поощрения и наказания, о переводах осужденных из ИТУ одного вида режима в ИТУ другого вида режима.

Рассредоточение права по указанным мерам дисциплинарной практики между начальником ИТК и директором предприятия внесет, на наш взгляд, разобщенность в единство и сплоченность всех воспитателей вокруг начальников отрядов, начальников исправительно-трудовых учреждений. Это может повлечь создание в

местах лишения свободы «центров» воспитания с узко-местническими интересами.

Предоставление инженерно-техническим работникам права привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, бесспорно, позволит этой категории воспитателей более оперативно реагировать на случаи нарушений производственной и трудовой дисциплины, особенно если они сопровождаются грубым, нетактичным поведением осужденных в отношении самих сотрудников. Здесь возможны и другие преимущества, которые получают ИТР от этого нововведения в исправительно-трудовом законодательстве. Например, эта мера будет способствовать росту авторитета ИТР как воспитателей в глазах осужденных. Но не следует забывать и о негативной стороне. Расширение круга субъектов, имеющих право наказывать осужденного, таит в себе опасность, заключающуюся в том, что на осужденного могут посылаться меры дисциплинарного воздействия как из «рога изобилия». Ведь следуя логике ИТР, аналогичные права следует предоставить и учителям школ, и мастерам ПТУ, сотрудникам оперативно-режимной службы, контролерам войскового наряда и др.

Выше отмечалось, что по своим правовым последствиям привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности весьма значимо и существенно влияет на изменение его правового положения.

В интересах охраны прав осужденного и укрепления социалистической законности в местах лишения свободы от принятия этого предложения следует отказаться.

Плодотворное решение поставленных вопросов в значительной мере зависит от четкого взаимодействия администрации ИТК, служб, должностных лиц колонии с организаторами производства. Если будет создана стройная система взаимодействия ИТК и производства, то можно с уверенностью сказать, что задачи, поставленные в ходе реорганизации управления предприятиями ИТК, будут успешно решены. Необходимо продумать и создать организационные формы взаимодействия. На наш взгляд, для решения вопросов комплектования трудовых коллективов, трудоустройства осужденных, для применения мер поощрения и наказания следует создать рабочие постоянно действующие комиссии из представителей ИТК и предприятия.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМ УЛУЧШЕННЫХ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ И ОТМЕНЫ УЛУЧШЕННЫХ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Ю. К. Якимович

1. Предоставление улучшенных условий содержания — это предусмотренная исправительно-трудовым законодательством мера, применяемая по постановлению начальника ИТК к осужденному при хорошем поведении и честном отношении к труду и по отбытии не менее половины срока наказания. Предоставление улучшенных условий содержания влечет за собой изменение условий содержания осужденного в пределах того ИТУ, где осужденный отбывает наказание, в сторону улучшения его правового положения посредством увеличения количества предоставляемых свиданий и суммы денег, разрешаемой для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости.

Исходя из указанного определения, основывающегося на действующем исправительно-трудовом законодательстве, мы поддерживаем авторов, считающих, что предоставление осужденным улучшенных условий содержания относится к элементам прогрессивной системы отбывания (исполнения) лишения свободы¹.

2. Поскольку перевод на улучшенные условия содержания является элементом прогрессивной системы, основанием применения его должно служить изменение личности осужденного, изменение степени его общественной опасности², а в данном случае — достижение им определенной степени исправления. В зависимости от

¹ См., например: Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы. М., 1968, с. 77.

² См., например: Филимонов В. Д. Критерии исправления осужденных. — Советская юстиция, 1974, № 23, с. 9.

достижения той или иной степени исправления, осужденные классифицируются на группы. В литературе обычно встречается следующая классификация: встали на путь исправления; твердо встали на путь исправления; доказали свое исправление³. Указанная классификация используется законодателем при определении оснований для условно-досрочного освобождения и перевода в ИТК-поселение. При определении степени исправленности осужденных необходимы определенные критерии. Так, в соответствии с законом (ст. 53 УК РСФСР) условно-досрочно может быть освобожден осужденный, если он примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление. В данном случае, как нам представляется, критериями исправления служат примерное поведение и честное отношение к труду⁴.

Изменение условий содержания осужденных (в том числе и перевод на улучшенные условия содержания) производится «в зависимости от поведения и отношения к труду» (ст. 22 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 21 ИТК РСФСР). В статьях 62—65 ИТК РСФСР конкретизируется, что перевод на улучшенные условия содержания осуществляется при хорошем поведении и честном отношении к труду.

Таким образом, установлены критерии, но не определена степень исправления, необходимая для перевода осужденного на улучшенные условия содержания. Представляется, что при изменении условий содержания осужденных в пределах ИТК в сторону улучшения степень их исправления должна быть меньше, чем при переводе в ИТК-поселение, условном и условно-досрочном освобождении. По нашему мнению, переводить на улучшенные условия содержания осужденного можно, уже когда он только встал на путь исправления⁵. Нуждаются

³ См., например: Ременсон А. Л. Вопросы индивидуализации уголовного наказания в процессе его исполнения. — В кн.: Вопросы предупреждения преступности. Томск, 1967, с. 103.

⁴ В. Д. Филимонов называет их «общими критериями исправления осужденного». См.: Филимонов В. Д. Индивидуализация уголовной ответственности в процессе исполнения наказания. — Труды/ Томск. ун-т. Томск, 1974, с. 234, с. 116.

⁵ Указанной точки зрения придерживается, в частности, О. И. Бажанов. См.: Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу Белорусской ССР. Минск, 1974, с. 70.

ся в уточнении и вышеуказанные критерии. При определении степени исправления осужденного следует учитывать не только его поведение и отношение к труду, но и его отношение к общеобразовательному и профессионально-техническому обучению, к проводимым с ним политико-воспитательным мероприятиям⁶.

В связи с изложенным основание перевода на улучшенные условия содержания следовало бы сформулировать в законе так: на улучшенные условия содержания переводятся осужденные, которые хорошим поведением, честным отношением к труду, обучению, политико-воспитательным мероприятиям доказывают, что они встали на путь исправления.

Следует согласиться с В. Д. Филимоновым, что осужденные, вставшие на путь исправления, представляют собой лиц, в сознании которых вместо антисоциального личностного отношения, явившегося непосредственной причиной совершения преступления, **начало складываться** (выделено нами. — Ю. Я.) новое личностное отношение к общественным ценностям — отношение, содержание которого отвечает общественным интересам. На момент становления осужденного на путь исправления формирующееся отношение еще не является личностным. Оно еще в значительной степени поддерживается постоянным влиянием исправительных мер. Но это уже качественный сдвиг сознания осужденного в сторону завершения первого значительного этапа процесса его исправления⁷.

Показателями достижения той или иной степени исправления служит система поступков осужденного, характеризующая его поведение, отношение к труду, обучению, политико-воспитательным мероприятиям, поступки, характеризующие иные личностные свойства осуж-

⁶ О необходимости учитывать эти моменты при определении степени исправления осужденных писал, в частности, А. Л. Ременсон (см.: Ременсон А. Л. Понятие и критерии перевоспитания заключенных. — В кн.: Вопросы советского государства и права. Томск, 1966, с. 192). На практике эти обстоятельства учитываются при переводе осужденных на улучшенные условия содержания, что во многих случаях находит отражение при формулировке оснований в постановлениях о переводе осужденного на улучшенные условия содержания.

⁷ См. цит. работы В. Д. Филимонова.

денного, отношение к совершенному преступлению, отношение к родственникам, оказание или не оказание помощи семье, социально-полезные связи и т. п. Поступки осужденного, вставшего на путь исправления, должны быть по своим объективным признакам социально полезными. Однако общественно полезные поступки осужденный, вставший на путь исправления, совершает не только, а может быть не столько в силу складывающегося нового личностного отношения к общественным ценностям, сколько в силу оказываемого на него исправительного воздействия. Поскольку же новое личностное отношение к общественно полезным ценностям у осужденного, вставшего на путь исправления, только начинает складываться, поведение его (как это справедливо отмечается в литературе) может быть в некоторой степени неустойчивым, он может допускать отдельные нарушения дисциплины⁸.

Естественно, не следует ожидать от осужденного данной степени исправления особой активности, характерной для осужденных более высоких степеней исправления. От него требуется, чтобы поведение его было именно хорошим, а не обязательно примерным, как это требуется для осужденных, твердо вставших на путь исправления. А отношение к труду для данной категории осужденных будет честным, даже если они и не проявляют особой трудовой активности, не являются рационализаторами и т. п., а всего лишь добросовестно выполняют свои трудовые функции. Не требуется особой активности для осужденных рассматриваемой категории по отношению к обучению, проводимым политико-воспитательным мероприятиям, участию в работе самодеятельных организаций осужденных.

Разумеется, вывод о том, что осужденный встал на путь исправления, можно сделать только в том случае, если он выполняет предъявляемые к нему требования на протяжении определенного, более или менее продолжительного отрезка времени. Это обстоятельство, в частности, и учитывается (конечно, наряду с учетом необходимости достижения общепреventивной цели наказания) при закреплении в законе необходимого мини-

⁸ См.: Шмаров И. В. Предупреждение преступности среди освобожденных от наказания. М.: Юрид. лит., 1974, с. 33—34.

мального срока наказания, только по отбытии которого осужденный может быть переведен на улучшенные условия содержания. Этот срок не может быть слишком длительным (поскольку тогда не в полной мере смогут решаться задачи, стоящие перед институтом перевода на улучшенные условия содержания) и в то же время он должен быть достаточным для того, чтобы имелась реальная возможность достижения осужденным в течение этого срока степени исправления, необходимой для перевода его на улучшенные условия содержания, а также для достижения общепредупредительной цели наказания⁹. Подчеркивая важность указанного срока, отбытие его мы вместе с тем считаем не основанием, а лишь необходимым условием перевода осужденного на улучшенные условия содержания. Осужденный переводится на улучшенные условия содержания не потому, что он отбыл определенную часть срока наказания, а потому, что в течение этого срока он достиг определенной степени исправления.

3. Из изложенного выше следует, что при определении обоснованности перевода на улучшенные условия содержания, определяющее значение имеет характеристика поведения, отношение к труду, обучению, политико-воспитательной работе, участие в работе самодеятельных организаций осужденных до перевода их на улучшенные условия содержания. «Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, не являюсь его объектом», — писал К. Маркс¹⁰. Так и при установлении, имеются ли основания для перевода на улучшенные условия содержания (т. е. оснований для примене-

⁹ Мы поддерживаем мнение многих ученых, считающих, что указанный срок должен быть во всяком случае меньше половины срока наказания (И. Т. Богатырев, С. В. Бородин, А. Н. Игнатов, Н. А. Стручков, А. Л. Ременсон). По нашему мнению на улучшенные условия содержания осужденные могли бы переводиться по общему правилу по отбытии не менее $\frac{1}{4}$, а лица, перечисленные в п. 6 ст. 53 и ст. 53¹ УК РСФСР, по отбытии не менее $\frac{1}{3}$ части срока наказания.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 1, с. 14. «По каким признакам судить нам о реальных помыслах и чувствах реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих людей...» — писал В. И. Ленин. (Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424).

ния соответствующего закона), нужно учитывать реальные действия, реальные поступки осужденных¹¹.

Информацию об указанных поступках, действиях осужденных, характеризующих их определенным образом, можно получить из анализа документации о поощрениях и взысканиях (выступающих, как это правильно отмечается в литературе, средством фиксации поведения осужденного) от начальников отрядов, в которых осужденные находятся, от иных сотрудников различных служб ИТК и контролерской службы, а также от самих осужденных, особенно из числа состоящих в активе.

Проведенное нами изучение региональной практики перевода осужденных на улучшенные условия содержания в ряде ИТК общего, усиленного и строгого режимов показало, что в целом на улучшенные условия содержания осужденные переводятся обоснованно. Каждый третий осужденный до перевода на улучшенные условия содержания имел только поощрения. Всего поощрения до перевода на улучшенные условия содержания имели 83,3 % осужденных, причем почти половина осужденных имели не менее 5 поощрений каждый, а каждый десятый поощрялся не менее 10 раз. Взыскания до перевода на улучшенные условия содержания имел каждый второй осужденный, абсолютное большинство из них по 1—2 взыскания. В основном к моменту перевода на улучшенные условия содержания взыскания были сняты или погашены. У 79,5 % осужденных, имевших взыскания, с момента наложения последнего взыскания и до момента перевода на улучшенные условия содержания прошло более года. 95,5 % осужденных до перевода на улучшенные условия содержания работали охотно; почти каждый третий учился в школе ИТК; 60,9 % принимали активное участие в проводимых политико-воспитательных мероприятиях; каждый пятый получил специальность в ИТК; 74 % принимали участие в работе самодеятельных организаций осужденных; 79,9 % раскаивались в совершенном преступлении; 70,6 % и осуждение, и наказание считали справедливым; 97,7 % под-

¹¹ См.: Тирский В. В. Карательно-воспитательный процесс в исправительно-трудовых колониях особого режима. Томск, 1973, с. 165—166.

держивали социально полезные связи с близкими родственниками.

Вместе с тем встречаются отдельные случаи, когда улучшенные условия содержания предоставляются осужденным, которые не должны (потому, что не заслужили) и не могут (потому, что не следует снижать оказываемого на них карательного воздействия) содержаться на улучшенных условиях. Так, 2,4% осужденных до перевода на улучшенные условия содержания имели только взыскания, 2,9% — неснятые и непогашенные взыскания, 1,9% — более 10 взысканий каждый. Причем большинство из них совершили последнее правонарушение незадолго до перевода на улучшенные условия содержания. Практика показывает, что и после перевода на улучшенные условия содержания такие осужденные продолжают допускать нарушения режима.

По нашему мнению, в подобных случаях у администрации не было оснований и она не должна была переводить осужденных на улучшенные условия содержания. 2,3% осужденных до перевода на улучшенные условия содержания не учились в школе без уважительных причин, хотя и обязаны были в соответствии с законом учиться; каждый четвертый (26%) не состоял ни в одной самостоятельной организации осужденных. Указанные обстоятельства также следует учитывать при решении вопроса о предоставлении осужденным улучшенных условий содержания. С другой стороны, возможность перевода на улучшенные условия содержания может и должна использоваться как стимул для привлечения осужденных к учебе в школе, обучения специальности, формирования самостоятельных организаций осужденных, повышения их активности в указанных и иных сферах деятельности.

4. Исследование показало, что каждый десятый осужденный из числа переведенных на улучшенные условия содержания, затем лишается этого права. Как правило, улучшенные условия содержания отменяются у осужденных, имевших взыскания (особенно незадолго) до перевода на улучшенные условия содержания. В некоторых ИТК улучшенные условия содержания отменяют за одно допущенное нарушение, в других, напротив, улучшенные условия содержания не отменяют при неод-

нократном и даже систематическом нарушении осужденным режима содержания. Отмена улучшенных условий содержания (в отличие от применения дисциплинарных мер взысканий) также влечет изменение условий содержания осужденного, переход его с одной ступени (улучшенные условия содержания) прогрессивной системы на другую (первоначальные условия содержания). Поэтому основанием применения этой меры должны служить определенные отрицательные изменения личности осужденного, относительное повышение степени его общественной опасности. Об этом же, как правило, можно судить только на основании нескольких проступков, или хотя бы одного, но достаточно серьезного (злостного), и лишь в таких случаях, по нашему мнению, следует отменять улучшенные условия содержания. Поскольку отмена улучшенных условий содержания не является дисциплинарным взысканием в полном смысле этого слова, по нашему мнению, возможно соединение отмены улучшенных условий содержания с наложением дисциплинарного взыскания за конкретное нарушение режима содержания.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИТУ КАК САМОУПРАВЛЕНИЯ

В. Р. Павлинский

Одной из основных форм привлечения советских граждан к управлению государством является их участие в деятельности общественных формирований, в том числе и самодеятельных организациях населения: домовых и уличных комитетах, женсоветах, добровольных народных дружинах и т. д.

Лица, осужденные к лишению свободы за совершенные преступления, проявили свою опасность для общества и, как правильно пишет Н. А. Стручков, «такому человеку нельзя доверить участие в наиболее важных делах государства и общества, хотя определенное участие в делах общества — участие в труде, оказание помощи администрации ИТУ и т. п. — он принимает»¹. Лишение свободы как мера государственного принуждения пресекает не только отрицательные, но и многие социально полезные связи осужденного со средой свободного общежития: с трудовыми коллективами, с родственниками и т. д., в том числе и общественными организациями населения. Более того, осужденный отбывает наказание в окружении лиц, опасных для общества, запущенных в социально-нравственном отношении, которое само по себе не обладает педагогическими свойствами, способными оказывать на осужденного положительное воспитательное воздействие.

Для преобразования данной социальной среды в нужном для общества направлении, существует несколько способов. Один из них, например, связан с установлением постоянных контактов осужденного со средой

¹ Исправительно-трудовое право. Академия МВД СССР, 1977, с. 228.

социалистического общества, которую несет в места лишения свободы советская общественность. Другой состоит в том, чтобы попытаться поднять сконденсированную среду преступников, находящихся в ИТУ, до уровня коллектива, способного быть субъектом воспитательного воздействия на осужденных.

Мы не будем подробно обосновывать необходимость и возможность создания коллектива из лиц, лишенных свободы, поскольку данная проблема подробно освещена в ряде фундаментальных работ по исправительно-трудовой педагогике², отметим лишь, что ее практическое решение возможно только при условии максимального использования сил и средств самих осужденных и прежде всего их самостоятельных организаций — официального социально-правового института, складывающегося в исправительно-трудовых учреждениях. В целях развития навыков коллективизма у осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и поощрения их полезной инициативы, а также для использования влияния коллектива на исправление и перевоспитание осужденных в исправительно-трудовых учреждениях создаются самостоятельные организации осужденных, так гласит ст. 32 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. Однако, вопрос о том, какую роль играют данные общественные образования в формировании и функционировании коллектива осужденных, еще не получил окончательного решения в среде практических работников и ученых в области исправительно-трудового права. Например, одни считают, что поскольку самостоятельные организации осужденных работают под контролем администрации ИТУ, то они лишены самостоятельности и не могут осуществлять самоуправление в коллективе осужденных³. Другие говорят о наличии самоуправления в коллективах осужденных как необходимом признаке их существования, а самостоятельные организации называют органами самоуправления⁴. По нашему мне-

² Исправительно-трудовая педагогика. Академия МВД СССР, М., 1977 и др.

³ Исправительно-трудовое право. Академия МВД СССР, 1977.

⁴ Астемиров З. А. Проблемы коллектива и личности осужденных в условиях ИТУ. Рязань, 1975 и др.

нию, для того чтобы правильно решить данный вопрос, необходимо обратиться к общенаучным категориям и прежде всего к понятию «свобода» в деятельности самодетельных организаций осужденных.

«Потребность в свободе, — отмечает А. Г. Мысливченко, — заложена в человеке, она связана с самой сутью природы человека как существа творчески деятельного»⁵. Однако следует признать, что потребность в свободе и способность быть свободным не всегда совпадают. Действительная свобода проявляется тогда, когда человек согласует свое поведение с требованиями, существующими в обществе, действует в рамках необходимого. «...Иными словами, — отмечает С. С. Алексеев, — свобода — это деятельность, основанная на познании необходимости, направленной на достижение сознательно поставленных целей...»⁶. Помещение лица, совершившего преступление, в ИТУ означает то, что оно из-за неумения правильно пользоваться своей свободой, нарушило существенные интересы общества, и общество в целях своей безопасности поставило проявление свободы личности правонарушителя в специфические условия. Они связаны не только с ограничением личной свободы, ряда субъективных прав личности осужденного как гражданина СССР, но с установлением за его поведением постоянного контроля и надзора.

Естественно, что и свобода в деятельности самодетельных формирований, созданных из осужденных, в отличие от свободы в деятельности иных самодетельных организаций населения, приобретает специфические особенности. Прежде всего это относится к объему и масштабу контроля за ее реализацией со стороны администрации ИТУ, который по сравнению с контролем, осуществляемым за деятельностью иных самодетельных организаций населения со стороны соответствующих органов государства, носит более жесткий, целенаправленный характер. Так, в соответствии со ст. 46 ИТК РСФСР и 4.4; 4.10; 4.11 Положения о самодетель-

⁵ Мысливченко А. Г. О внутренней борьбе человека. — В кн.: Проблемы человека в современной философии. М., 1975, с. 279.

⁶ Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права. М., 1979, с. 208—209.

тельных организациях администрация ИТУ утверждает решения, принимаемые самостоятельными организациями, в одностороннем порядке может распустить их, вывести из их состава любого члена, назначить новые выборы и довыборы.

Но значит ли это, что контроль администрации ИТУ безграничен, подменяет самостоятельность самостоятельных организаций, лишая их тем самым возможности осуществлять самоуправление в коллективе осужденных. Думается, нет. Ведь он, являясь составной частью социального контроля, осуществляемого администрацией ИТУ за осужденными, должен отвечать принципам социалистического гуманизма, способствовать проявлению позитивных устремлений в деятельности личности правонарушителя. И если рассматривать осуществление контроля в ИТУ как своеобразное объективное (по отношению к осужденным) условие их существования, то при включении деятельности осужденных в систему общественных отношений, складывающихся в данной социальной среде, надо иметь в виду, что «включенное в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а напротив обретающее и проявляющее в ней силы своего действия»⁷, т. е. самостоятельность.

Всесторонне регулируя поведение личности, администрация ИТУ обязана привить осужденному навыки сознательного соотнесения действий и поступков с нормами и правилами, установленными в обществе. «...А это возможно только тогда, — подчеркивает К. Игошев, — когда контроль, будучи достаточно требовательным, не превращает личность в приспособленца, а делает из нее активного проводника этого контроля»⁸. Не случайно А. С. Макаренко противопоставлял дисциплину борьбы, движения вперед дисциплине торможения, построенной на системе запретов «не делай того, не делай другого», воспитывающей у одних осужденных покорность и конформизм, а у других тотальный протест не только против иррациональности принудительных мер, но и против коллективности вообще.

⁷ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977, с. 229.

⁸ Игошев К. Контроль и воспитание. — Воспитание и право-порядок, 1981, № 7, с. 63.

Для того чтобы воспитывать умение правильно пользоваться свободой, необходимо предоставить ее личности, создать необходимые предпосылки для ее осуществления в коллективе осужденных. «Всякий индивид свободен в выборе, — отмечает В. Момов, — но его выбор не формально, а действительно свободен только тогда, когда основан на познании и сознании жизненной ситуации, в которой человек должен действовать»⁹. Предоставить свободу в деятельности самостоятельных организаций — значит обеспечить им реальную возможность регулировать свою жизнедеятельность, самостоятельно решать вопросы своего бытия. Нам могут возразить, что члены самостоятельных организаций это лица, у которых, как правило, отсутствует действительное представление о границах своей свободы или существует извращенное понятие о путях, способах ее реализации и которые не могут в силу данного обстоятельства осуществлять самоуправление «со знанием дела».

В число членов самостоятельных организаций, как правило, принимаются только лица, которые добросовестно трудятся, примерно ведут себя, активно участвуют в проведении политико-воспитательных мероприятий, сознательно соблюдают правила внутреннего распорядка ИТУ (ст. т. п. 1.1 Положения о самостоятельных организациях ИТУ), т. е. те, которые стремятся встать на путь честной, трудовой жизни. Практика показывает, что эти осужденные отличаются от других осужденных тем, что у них в результате карательно-воспитательного воздействия в значительной мере произошли позитивные изменения в сознании и поведении, и они могут принимать ответственные решения и действовать так, как этого требует общество и прежде всего ближайшее социальное окружение — коллектив осужденных.

Ответственность в позитивном смысле означает способность личности соизмерять последствия своих поступков с господствующими в обществе нормами и правилами поведения. Она не противостоит свободе. Это два взаимосвязанных и взаимообусловленных понятия. «Свобода порождает ответственность. Ответственность направляет свободу»¹⁰, — указывает Г. С. Смирнов.

⁹ Момов В. Человек, мораль, воспитание. М., 1975, с. 147.

¹⁰ Смирнов Г. С. Советский человек. М., 1971, с. 239.

И если член самодеятельной организации действует ответственно, то это значит, что он фактически пользуется своей свободой. При этом важно иметь в виду, что его личная ответственность должна сливаться с ответственностью в деятельности той самодеятельной организации, где он состоит, т. е. с коллективной ответственностью. «Если такого единства нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьезное дело», — отмечает А. С. Макаренко¹¹.

Но если даже некоторые члены самодеятельных организаций действуют безответственно, не умеют или не желают адекватно пользоваться своей свободой, то и в этом случае самоуправление в коллективе осужденных возможно. Ведь индивидуальная свобода осужденного как члена самодеятельной организации еще не тождественна свободе самодеятельных организаций в целом как конкретного социального института, складывающегося в местах лишения свободы, основное назначение которого обеспечить поставленные обществом цели, исправление и перевоспитание осужденных. Для достижения этих целей общество наделяет самодеятельные организации определенными возможностями и организационными формами, которые используются в коллективе осужденных для согласования поступков и действий его членов, направленных на реализацию индивидуальных свобод как между собой, так и с деятельностью самодеятельных организаций по осуществлению коллективной свободы.

История человеческого общежития знает много способов регулирования отношений между людьми. К ним, например, следует отнести авторитет¹², обуславливающий добровольное подчинение людей лицу, социальной группе, обладающей высокими достоинствами, а также власть, представляющую организованную силу социальной общности, объективно необходимую для подчинения... «поведения и действия каждого чле-

¹¹ Макаренко А. С. Собр. соч. М., 1945.

¹² Подр. об авт. см.: Кейзеров Н. М. Власть и авторитет. М., 1973, с. 23.

на совокупной воле субъекта власти...»¹³ и отличающуюся от авторитета тем, что с ее помощью регулируются только общественные отношения, возникающие между людьми, выступающими как субъекты социальных и политических свобод, как граждане и члены общества, между такими социальными группами, как народ, классы, общественные объединения, семья.

В социалистическом обществе существуют две разновидности власти: государственная и общественная. Полномочными представителями государственной власти в ИТУ выступает администрация ИТУ, которая может принимать соответствующие нормативные (локальные) акты и акты применения права, обязательные для исполнения соответствующими участниками карательно-воспитательного процесса. В компетенцию администрации ИТУ входят самые разнообразные вопросы, регулирующие поведение осужденных, а некоторые из них составляют ее исключительную компетенцию, например, вопросы реализации правового статуса осужденных в той мере, в какой этот статус носит специфический характер и др. Администрация ИТУ в своей деятельности по реализации власти использует такие формы и методы, которые наряду с убеждением большинства включают государственное принуждение.

Однако, сохраняя за собой в полной мере руководство, администрация ИТУ не может не привлекать к управлению коллективом осужденных другие звенья, в том числе и самодеятельные организации в той мере, в какой это не противоречит целям наказания. Но это не значит, что самодеятельные организации наделяются какими-то властными полномочиями от имени администрации ИТУ. «Открытая или замаскированная передача осужденным власти, которой обладает администрация, — отмечает Н. А. Стручков, — опасная и недопустимая затея»¹⁴. Помощь самодеятельных организаций админи-

¹³ Ким А. И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск, 1975, с. 25. В государственно-правовой литературе имеются и другие определения понятия власти. См., например: Тихомиров Ю. А. Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968, с. 25; Общая теория государства и права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. 1, с. 45 и др.

¹⁴ Стручков Н. А. С учетом практики научного эксперимента. — К новой жизни, 1978, № 9, с. 32.

страции ИТУ в том случае достаточно эффективна, если она осуществляется от лица коллектива осужденных, его полномочными представителями и выступает как своеобразное проявление общественной власти, обеспечивающей координацию действий осужденных, направление их усилий в социально полезное русло. Общественная власть в коллективе осужденных необходима не только с точки зрения оказания помощи администрации, она имеет более глубокие социальные корни. Ведь в ИТУ осужденные обслуживают сами себя, удовлетворяя таким образом свои естественные надобности. Они совместно трудятся, учатся, организуют свой быт. Все эти дела требуют и совместного их решения, а это, в свою очередь, с необходимостью предполагает подчинение осужденных общим интересам. Конечно, отдельные лица могут противопоставлять себя коллективу, нарушать общественный распорядок, отказываться от работы и т. д., но общая воля коллектива, направленная на реализацию власти, от этого не изменится. В целом в ИТУ будет поддерживаться общественный порядок, нормально осуществляться производственно-хозяйственная деятельность.

В науке государственного права широкое распространение получило мнение о том, что понятия «общественная власть» и «самоуправление» как высшая форма управления, посредством которого целенаправленное воздействие власти превращается из возможности в действительность, практически совпадают¹⁵. Думается, что и общественная власть в коллективе осужденных не может осуществляться иначе, как самоуправление. Она ни в коей мере не ставит в «привилегированное» положение своих доверенных лиц, не наделяет их особыми полномочиями в отношении других осужденных. Общественное самоуправление как власть всего коллектива выражает и воплощает общие интересы всех его членов или, по крайней мере, их большинства. И в этом смысле все члены данного социального образования выступают в роли властвующих. Вместе с тем, как мы уже говорили выше, в коллективе между общей волей и интересами отдельных осужденных могут возникать

¹⁵ Григорьян Л. Н. Народовластие в СССР. М., 1972, с. 23; Ким А. И. Указ. раб., с. 33.

противоречия, которые проявляются в неповиновении, нарушении правил внутреннего распорядка. И тогда в ход могут быть пущены различные средства восстановления нарушенного порядка, в том числе и меры общественного принуждения. Именно в этом смысле «властвующие» в одно и то же время выступают в качестве и «подвластных».

С другой стороны, единство интересов, выработанное практической деятельностью осужденных в процессе совместного отбывания лишения свободы, предполагает добровольное подчинение интересов каждого общей воле. Поэтому здесь нет четкой грани подразделения на «властвующих» и «подвластных» в обычном понимании этого слова. Но несомненно, что в подобных отношениях власть проявляется реально, так как они (отношения) имеют в качестве идеальных сторон, находящихся в определенной субординации, самостоятельные организации, их структурные подразделения и членов коллектива осужденных.

Опорой общественной власти в коллективе осужденных выступает позитивное общественное мнение¹⁶, специфическое явление групповой социальной психологии, представляющее совокупность нравственных ценностей, обобщенных суждений и установок, а сами самостоятельные организации в связи с этим являются одним из каналов, по которым оно распространяется в данной социальной среде¹⁷. С общественным мнением каждая личность в той или иной мере соизмеряет свои действия и поступки, а многие осужденные с тем, чтобы не потерять уважение коллектива, стремятся соотносить свои индивидуальные устремления с его интересами, действовать так, как того требует данное социальное формирование.

Общественное мнение побуждает осужденных к социально-значимому поведению или заставляет отказаться от негативных поступков под угрозой социальных

¹⁶ В коллективе осужденных могут складываться не только позитивные, но и ложные негативные мнения, которые под влиянием определенных условий могут приобретать групповой характер.

¹⁷ Практически настроение и воля осужденных могут быть также выражены на общих собраниях коллектива, политико-воспитательных мероприятиях, проходящих под руководством администрации ИТУ, в средствах массовой информации.

санкций, к которым следует отнести: коллективное одобрение, похвалу, осуждение, принуждение, специфический моральный бойкот. Так, в п.п. 7.2; 6.2 Положения о самодеятельных организациях закреплены меры общественного воздействия, стимулирующие поведение осужденных, а в п.п. 7.3; 6.3 предусмотрены санкции, которые применяются к лицам, допустившим отклонения от правил внутреннего распорядка ИТУ. Но в коллективе осужденных могут складываться и формы общественного воздействия, не предусмотренные в нормативном порядке. К ним, например, следует отнести широко используемую в последнее время возможность самодеятельных организаций ходатайствовать перед судом о представлении того или иного лица к различным видам освобождения: переводу в колонию-поселение и т. д.

Таким образом, позитивное коллективное мнение, включая в себя социально-групповые нормы, стимулируя и поощряя поведение осужденных, выступает регулятором внутриколлективной жизни. Однако общественная власть, осуществляемая органами коллектива осужденных, опирается не только и не столько на общественное мнение, складывающееся в нем.

В своей деятельности самодеятельные организации должны руководствоваться прежде всего требованиями общества, правовыми и моральными нормами, регулирующими процесс исправления и перевоспитания осужденных. Поддерживая и распространяя их в коллективе осужденных, самодеятельные организации оказывают активное воздействие на позитивное общественное внутриколлективное мнение: формируют и направляют его на достижение поставленных целей.

Эффективность общественной власти зависит от многих факторов: бюджета свободного времени, которым располагают члены самодеятельных организаций, от уровня их сознательности, стремления встать на путь исправления и перевоспитания, степени объективности и полноты информации, функционирующей в коллективе осужденных, от уровня и своевременности поддержки со стороны администрации ИТУ и советской общестственности, от того, какими реальными возможностями и в какой степени обладает общественная власть для проведения своих требований в жизнь. Примени-

тельно к общественной власти коллектива осужденных, рассматриваемой с точки зрения ее воздействия на отдельную личность, мера такой власти зависит от силы положительных традиций, от прочности социально полезных связей между его членами, от силы авторитета актива самодеятельных организаций и т. д.

Что же касается общественного самоуправления с точки зрения его взаимодействия с исполнительно-распорядительной деятельностью администрации ИТУ по осуществлению государственных начал, то ответ может быть один: общественная власть коллектива осужденных носит по отношению к исполнительно-распорядительной деятельности администрации по реализации государственной власти подчиненный, вспомогательный характер. Данное требование объективно вытекает из реального положения вещей. Общественная власть, выражая интересы коллектива осужденных — особого общественного формирования, не приобретает политического значения и в связи с этим не является главной формой власти, функционирующей в данной социальной среде. Однако дело не только в этом. «...Общественное самоуправление, — указывает П. А. Григорьян, — не нуждается в независимости. Преследуя те же цели, что и государственная власть, оно заинтересовано в поддержании этой власти, нуждается в законодательном признании и регламентировании форм своего проявления в обществе строгого порядка, дисциплины и организации»¹⁸. Государственная власть, определяя общие рамки реализации общественного самоуправления и устанавливая контроль за его осуществлением со стороны администрации ИТУ, предоставляет осужденным широкие возможности для проявления полезной инициативы и активности в этом самоуправлении.

До сих пор мы говорили об общественной власти применительно к самодеятельным организациям. Однако в коллективе осужденных общественная власть может осуществляться и другими субъектами: общим собранием, отдельными осужденными, проявляющими полезную инициативу и активность. Поэтому в первом случае имеется в виду лишь одна из форм проявления общественной власти. Во втором случае общественная

¹⁸ Григорьян Л. А. Указ. раб., с. 176.

власть в целом понимается как организованная сила коллектива осужденных. Учитывая, что самостоятельные организации практически постоянно организуют поведение членов коллектива по оказанию помощи администрации в реализации поставленных задач, следует признать, что данная форма общественной власти имеет в жизни коллектива наиболее существенное, весомое значение по сравнению с другими формами, которые носят эпизодический характер.

Деятельность осужденных в самостоятельных организациях характеризует не только степень их участия в управлении делами коллектива, в состав которого они входят. Поскольку исправление и перевоспитание осужденных задача большой государственной важности, то можно сказать, что таким путем осужденные участвуют и в управлении государственными делами в соответствующих сферах деятельности государства. Особенности такого участия в управлении государственными делами являются:

а) ограниченность (в сравнении со свободными гражданами советского государства) его сферы;

б) ограниченность (в сравнении со свободными гражданами) полномочий, форм и способов воздействия на соответствующие общественные отношения;

в) качественно иные, чем в коллективах свободных граждан, характер, степень и формы контроля за его осуществлением со стороны государства.

Таким образом, деятельность самостоятельных организаций может быть охарактеризована как ограниченное по сравнению с другими общественными формированиями самоуправление.

УЧЕТ ТРУДОСПОСОБНОСТИ ОСУЖДЕННОГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УСЛОВНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К ТРУДУ

Ю. А. Белобородов

Применение условного освобождения с обязательным привлечением к труду, закрепленное в статье 44² Основ уголовного законодательства, позволяет правоохранительным органам на более высоком, чем до издания этой правовой нормы, уровне решать стоящие перед ними задачи по борьбе с преступностью, по исправлению и перевоспитанию осужденных, по приобщению их к общественно полезному труду, а также по ускорению социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

Принимая во внимание, что условное освобождение с обязательным привлечением к труду является важным средством приобщения осужденных к честной трудовой жизни, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 24 ноября 1978 года за № 9 указывает на необходимость строгого соблюдения требований закона, устанавливающего основания и порядок условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду¹. Невыполнение хотя бы одного из закрепленных в статье 44² Основ уголовного законодательства требований, предъявляемых к личности осужденного, в отношении которого решается вопрос об условном освобождении, не только снижает эффективность ее применения, но и делает само применение незаконным. Учитывая важность стоящих перед данным институтом уголовного права задач, Пленум Верховного Суда СССР принял специальное постановление от 24 ноября 1978 г. «О судебной практике по применению условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду»².

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979, № 1, с. 8.

² Там же, с. 7—12.

В нем нашли свое решение многие вопросы, возникшие в практике применения ст. 44² Основ уголовного законодательства.

В части первой указанной выше статьи содержится закрепленное законодателем требование трудоспособности осужденного, от выполнения которого в огромной мере зависит решение задач, стоящих перед условным освобождением с обязательным привлечением к труду. Однако самого понятия «трудоспособность» применительно к этому институту уголовного права законодатель не дал, что вызвало на практике различное толкование данного термина. В указанном постановлении Верховного Суда СССР не только еще раз подчеркивается возможность условного освобождения с обязательным привлечением к труду лишь трудоспособных осужденных, но и перечислены категории лиц, относящихся к нетрудоспособным. Среди них: инвалиды первой, второй и третьей групп, беременные женщины, а также женщины в возрасте свыше 55 лет и мужчины — свыше 60 лет³. Такое разъяснение Пленума Верховного Суда СССР говорит о наличии двух критериев трудоспособности: возрастном и медицинском.

Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о том, что основную массу условно освобожденных с обязательным привлечением к труду (91 %) составляют лица, трудоемкость которых в возрастном плане затруднений не вызывает, т. е. в возрасте от 20 до 50 лет. Однако в практике встречаются случаи, когда условно освобожденным исполняется 60 лет уже в процессе обязательного привлечения к труду. Например, районным народным судом г. Томска 25 апреля 1979 г. был условно освобожден с обязательным привлечением к труду Винокуров А. В., 1921 года рождения, осужденный к 9 годам лишения свободы. Срок его наказания начался 28.12.75 г. и должен был окончиться 28.12.84 г. Таким образом, неотбытая часть наказания составила 5 лет 8 месяцев, из них почти три года Винокуров будет работать на стройках народного хозяйства в возрасте свыше 60 лет. На вопрос, как поступить в подобных случаях, ни законодатель, ни постановления Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР

³ Там же, с. 8.

ответа не дают. А между тем проблема представляет интерес как в практическом, так и в теоретическом плане. С одной стороны, не применять к указанным лицам условное освобождение с обязательным привлечением к труду только по той причине, что их возраст близок к пределу, предусмотренному в постановлении Пленума, нельзя. Это не соответствовало бы закону с моральной точки зрения, это было бы просто не гуманно. С другой стороны, согласно пенсионному законодательству СССР женщины, достигшие 55 лет, а мужчины — 60 лет, имеют право на пенсионное обеспечение, по существу они признаются нетрудоспособными. Можно предложить следующее решение изложенной проблемы.

Как известно, в связи с появлением двух новых институтов уголовного права, закрепленных в статьях 24² и 53² УК РСФСР, в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР была введена статья 362¹, которая предусматривает новый вид досрочного освобождения — по инвалидности. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда от 24 ноября 1978 г., условно освобожденные, получившие инвалидность первой или второй группы по причинам, не связанным с производственной деятельностью, могут быть досрочно освобождены по решению суда при наличии определенных оснований, положительно характеризующих их личность. В противном случае эта категория условно освобожденных направляется для отбытия лишения свободы. В рассматриваемом нами случае также наступает нетрудоспособность лица, однако не в связи с получением инвалидности, а в связи с достижением пенсионного возраста. Но ведь именно факт наступления нетрудоспособности является одним из оснований решения вопроса о возможности применения досрочного освобождения в соответствии со ст. 362¹ УПК РСФСР.

Наше предложение заключается в том, чтобы изложенное выше правило полностью применять и к таким условно освобожденным с обязательным привлечением к труду, которые достигли пенсионного возраста. При этом, однако, следует учитывать, что осужденные предпенсионного возраста, срок условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду которых незначителен (порядка 3—6 месяцев), за это время работы на стройках народного хозяйства про-

сто не смогут проявить себя с положительной стороны настолько, чтобы суд мог сделать вывод о возможности их досрочного освобождения. Следовательно, в соответствии с вышеприведенным правилом, подобные лица будут вновь возвращены в места лишения свободы. Такое положение, безусловно, окажет отрицательное воздействие на сознание осужденного и ни в коей мере не будет способствовать решению задачи исправления и перевоспитания осужденных. Поэтому, на наш взгляд, нужны чрезвычайная осторожность и учет изложенных выше соображений в подходе к решению вопроса об условном освобождении лиц предпенсионного возраста.

При исследовании медицинского критерия трудоспособности также возникает ряд вопросов, ответы на которые в действующем законодательстве не содержатся. Изученная нами практика применения условного освобождения показывает, что 9% осужденных, представляемых к условному освобождению, согласно медицинским заключениям признаются ограниченно трудоспособными. При этом они не признаны инвалидами ни одной из трех групп, однако определенные ограничения в их трудовом использовании медиками все же предусмотрены. Так, например, М. В. Сафронов, в отношении которого решался вопрос о возможности условного освобождения с обязательным привлечением к труду, согласно медицинскому заключению был признан ограниченно трудоспособным. Вследствие развитой у него близорукости его запрещалось использовать на работах у механизмов и в пыльных, загрязненных помещениях. Вопрос о возможности условного освобождения таких лиц в соответствии со статьей 44² Основ уголовного законодательства в законе не урегулирован, это порождает нечеткость в применении данной правовой меры. Так, $\frac{3}{4}$ осужденных, чьи дела нами были исследованы, получили условное освобождение, а $\frac{1}{4}$ в условном освобождении было отказано. Свой отказ суд мотивировал нецелесообразностью использования таких заключенных на стройках народного хозяйства.

Однако в соответствии с законом условное освобождение с обязательным привлечением к труду не применяется к таким нетрудоспособным, которые признаны инвалидами первой, второй и третьей групп, следовательно, рассматриваемая категория ограниченно трудо-

способных подлежит условному освобождению. Применение к ним данной нормы, на наш взгляд, является оправданным. Во-первых, это в определенной мере способствует решению проблемы нехватки рабочей силы в народном хозяйстве. Во-вторых, анализ практики показывает, что заболевание указанных лиц в незначительной мере препятствует их трудоустройству. Так, например, одна треть исследованных осужденных, признанных ограниченно трудоспособными, страдают язвенной болезнью желудка.

Безусловно, подобная категория условно освобожденных должна трудоустраиваться согласно медицинским показаниям. Это не всегда возможно на тех предприятиях, где они работают в настоящее время. Можно пойти по пути создания специальных предприятий (занимающихся, например, выпуском товаров широкого потребления), на которых в основной своей массе могут работать ограниченно трудоспособные. Полный же отказ от условного освобождения с обязательным привлечением к труду в отношении данной категории осужденных, на наш взгляд, является нецелесообразным.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ БОЛЬНЫХ АЛКОГОЛИЗМОМ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В. И. Горобцов

Действующее исправительно-трудовое законодательство определяет, что лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, несут обязанности и пользуются правами, установленными законодательством для граждан СССР, с ограничениями, предусмотренными законодательством для осужденных, а также вытекающими из приговора суда и режима, установленного для отбывания данного вида наказания. В теории советского исправительно-трудового права значительное внимание уделено рассмотрению проблемы правового положения лишенных свободы. Столь пристальное внимание к этому вопросу обусловлено, в первую очередь, процессом совершенствования законодательства в свете Конституции СССР 1977 г. С другой стороны, актуальность разработки проблемы правового статуса осужденных к лишению свободы объясняется настоятельными потребностями исправительно-трудовой практики. Нельзя забывать и о том, что в наши дни различные аспекты теории правового положения осужденных западные советологи пытаются представить в искаженном виде, поднимая пропагандистскую шумиху по поводу так называемого вопроса о «правах человека в СССР».

Вместе с тем в юридической литературе рассмотрение проблемы правового положения осужденных к лишению свободы производится в основном на общетеоретическом уровне без анализа особенностей, присущих правовому статусу отдельных категорий лишенных свободы. В частности, в соответствии с действующим уголовным и исправительно-трудовым законодательством суд наряду с наказанием за совершенное преступление вправе назначить алкоголикам принудительное лечение,

которое осуществляется в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) параллельно с реализацией мер карательно-воспитательного воздействия. Подобное одновременное применение двух видов государственного принуждения (наказания и принудительного лечения) обуславливает наличие особого правового статуса алкоголиков, осужденных к лишению свободы. По нашему мнению, последний является производным от правового статуса осужденных к данному виду наказания.

Следует указать, что в юридической литературе имеется лишь одна работа, посвященная рассматриваемой проблеме¹. Однако в ней акцентируется внимание в основном на обязанности осужденных лечиться от алкоголизма, их правах в связи с этим и некоторых гарантиях правового статуса алкоголиков, отбывающих наказание в ИТУ. Высказанные по этим вопросам положения в ряде случаев являются спорными. Что же касается правоограничений осужденных в связи с назначением и прохождением курса принудительного противоалкогольного лечения, то они по существу оставлены без внимания.

Поскольку принудительное лечение от алкоголизма реализуется параллельно с уголовным наказанием в виде лишения свободы, правовой статус осужденных-алкоголиков характеризуется дополнительным ограничением этого контингента в целом комплексе прав, а также возложением на него ряда специфических обязанностей. С. Я. Улицкий справедливо усматривает появление у осужденных-алкоголиков дополнительной правовой обязанности — принудительно лечиться от алкоголизма, которая состоит в выполнении лишенным свободы различных научно обоснованных предписаний, направленных на избавление осужденного от алкогольного заболевания. Эта обязанность предполагает отказ осужденного от самовольного употребления спиртных напитков (хотя осужденный может такие напитки употреблять по указанию врача при проведении лечебных процедур), прием соответствующих медикаментов, посещение сеансов психотерапии, выполнение иных назначений врача².

¹ См.: Улицкий С. Я. Особенности правового положения осужденных, подвергнутых принудительному лечению от алкоголизма. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1976.

² Там же, с. 4.

В дополнение к сказанному необходимо заметить, что обязательность исполнения приговора суда в части ст. 62 УК РСФСР в соответствии с Методическими рекомендациями по принудительному лечению в ИТУ осужденных, страдающих алкоголизмом, которые разработаны Медицинским управлением МВД СССР и Управлением по внедрению новых лекарственных средств и медицинской техники Министерства здравоохранения СССР, обеспечивается возможностью применения методов принуждения в случаях полного или частичного отказа от лечения. По сути дела такие ситуации должны рассматриваться как уклонение от принудительного лечения, определенного приговором суда, и влечь за собой применение мер взыскания, которые предусмотрены ст. 53 ИТК РСФСР.

Другой не менее важной специфической обязанностью осужденных-алкоголиков является необходимость подвергнуться соответствующим правоограничениям, закрепленным в нормативном порядке для данного контингента. К числу таких правоограничений представляется целесообразным отнести следующие:

невозможность назначения за совершенное преступление условного осуждения к лишению свободы обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 24² УК РСФСР);

невозможность условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 53² УК РСФСР). Пленум Верховного Суда СССР разъяснил в п. 6 Постановления № 9 от 24 ноября 1978 г. «О судебной практике по применению условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду»: «По смыслу закона условное освобождение с обязательным привлечением к труду может быть применено к лицу, в отношении которого принудительное лечение от алкоголизма или наркомании прекращено судом»³;

невозможность освобождения из мест лишения свободы по амнистии. Заметим, что в ранее издававшихся актах об амнистии в тексте Указа прямо предусматривалось, что амнистия не применяется к лицам, не прошедшим полного курса лечения от алкоголизма (см.,

³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979, № 1, с. 9.

например, ст. 7 п. «д» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1972 г. «Об амнистии в связи с 50-летием образования Союза Советских Социалистических Республик»⁴. В текстах более поздних актов об амнистии подобных прямых запрещений нет, но в постановлениях Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения Указа об амнистии» специально оговаривается, что лица, которым в установленном порядке назначено принудительное лечение от алкоголизма, освобождаются из мест лишения свободы после окончания полного курса лечения. Материалы на осужденных этой категории рассматриваются комиссиями по исполнению Указа об амнистии на общих основаниях, но решение комиссии об освобождении из ИТУ приводится в исполнение администрацией места лишения свободы лишь после полного завершения курса лечения и прекращения принудительного лечения судом;

запрещение предоставления данной категории осужденных права передвижения без конвоя за пределами колонии (ст. 31 ИТК РСФСР).

Ведя речь о правоограничениях осужденных к лишению свободы в связи с назначением принудительного лечения от алкоголизма, нельзя обойти вниманием и те вопросы, ответа на которые требует практика деятельности органов, исполняющих наказания. В частности, на сегодняшний день не содержится никаких законодательных запретов по поводу направления в колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности, алкоголиков и наркоманов. При проведенном нами обследовании в одной из таких колоний установлено, что в отношении 2% от общего числа осужденных судом назначено принудительное лечение от алкоголизма. Положение осложняется тем, что в данном виде ИТУ согласно ведомственному нормативному акту МВД СССР медицинские части не организуются, а медицинское обслуживание контингента возложено на территориальные органы здравоохранения. В итоге приговоры судов в части принудительного лечения от алкоголизма зачастую остаются неисполненными из-за невозможности проведения такого лечения. Нельзя забывать и о том, что осужденные-алкоголики, находясь в ИТК-

⁴ Известия, 29 дек. 1972.

поселении в условиях ограничения свободы, нередко употребляют спиртные напитки, отрицательно влияют своим поведением на других преступников. Поэтому следует признать правильным предложение В. Силкова о законодательном урегулировании невозможности назначения лицам, подвергнутым принудительному лечению от алкоголизма, колонии-поселения для осужденных за неосторожные преступления⁵.

По таким же соображениям целесообразно запретить перевод в колонии-поселения по основаниям, предусмотренным в ст. 51 ИТК РСФСР, осужденных, в отношении которых судом не прекращено принудительное лечение от алкоголизма.

Поскольку законодатель оставил данные вопросы открытыми, имеется необходимость в соответствующих разъяснениях со стороны высших судебных инстанций.

Практика деятельности ИТУ идет в настоящее время по пути непредставления к условно-досрочному освобождению от наказания и замене неотбытой части наказания более мягким осужденных, не прошедших полного курса лечения от алкоголизма. Такая практика, на наш взгляд, является обоснованной и заслуживает одобрения. Дело в том, что администрация ИТУ в подобных ситуациях исходит из положения о признании пьянства и алкоголизма существенным условием, способствующим совершению преступлений. Неизлечение лица от этого заболевания в значительной мере снижает уверенность администрации в его исправлении. По нашему мнению, следует изменить редакцию ст. 51¹ УК РСФСР, дополнив ее указанием о неприменении условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким к осужденным, которым наряду с наказанием назначено принудительное лечение от алкоголизма либо наркомании.

В нормативном урегулировании нуждается и вопрос о невозможности оставления для работы по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов и тюрем осужденных-алкоголиков. Ни закон (ст. 16 ИТК РСФСР), ни ведомственные акты каких-либо запрещений на этот счет не содержат. Однако в условиях следственного изолятора практически невозможно организо-

⁵ См.: Силков В. Экспериментальная колония-поселение... — К новой жизни, 1979, № 1, с. 36.

вать эффективное противоалкогольное лечение, поскольку штатами медицинских частей этих учреждений не предусмотрена должность врача-нарколога. С учетом этого обстоятельства следует запретить оставление осужденных, к которым применено принудительное лечение от алкоголизма, для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов и тюрем и этапировать их в исправительно-трудовые колонии, специально предназначенные для содержания подобного контингента.

Рассмотренные ограничения правового положения осужденных-алкоголиков, появление у них дополнительных специфических обязанностей свидетельствуют о наличии особого правового статуса лишенного свободы, к которому применено принудительное лечение в соответствии с требованиями ст. 62 УК РСФСР. Утверждение С. Я. Улицкого о существовании у данной категории осужденных специфических, только для них характерных прав, неосновательно. По мнению С. Я. Улицкого, «обязанности осужденного подвергнуться принудительному противоалкогольному лечению корреспондирует ряд его прав. К ним мы относим право на получение информации о состоянии своего здоровья, право на безопасные условия лечения, право на устранение неблагоприятных последствий лечения»⁶. Отрицая подобное предложение, мы исходим из того, что аналогичные права имеются у каждого осужденного, заболевшего той или иной болезнью, как, впрочем, и у каждого свободного гражданина СССР. Эти права вытекают из закрепленного в ст. 42 Конституции СССР права на охрану здоровья. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что нет никаких оснований относить указанные права к числу специфических, присущих лишь осужденным, которые подвергнуты лечению от алкоголизма в соответствии с требованиями ст. 62 УК РСФСР.

Проведенный теоретический анализ позволяет выявить изменения, наступающие в правовом статусе осужденных к лишению свободы в связи с назначением им принудительного лечения от алкоголизма. Вместе с тем реализация высказанных предложений позволит, по нашему мнению, повысить эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы.

⁶ Улицкий С. Я. Указ. соч., с. 12.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А. С. Бондаренко

Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, впервые в нашей стране был учрежден в 1966 году¹. Однако и до его учреждения Советское государство проявляло постоянную заботу о лицах, освобожденных из мест лишения свободы. Органы государства и общественные организации оказывали освободившимся лицам помощь в бытовом и трудовом устройстве, проводили с ними воспитательную работу, контролировали их поведение. Занимались профилактической работой с этой категорией лиц и органы милиции. Органы милиции брали этих лиц на специальный учет, способствовали их бытовому и трудовому устройству, проводили с ними воспитательную работу. Однако эта профилактическая деятельность милиции не была урегулирована законом, осуществлялась на основании нормативных актов МВД и не была надлежащим образом организована.

Более того, такого рода мероприятия, которые в основном сводились к оказанию поддержки и помощи в бытовом и трудовом устройстве, по своим объективным свойствам далеко не всегда были способны оградить общество от рецидива преступлений. Из мест лишения свободы освобождаются лица различной степени исправленности, некоторые из них сохраняют высокую степень общественной опасности. Эти лица, как правило, отличаются злостным нарушением режима в ИТУ, а после освобождения — антиобщественным поведением. Для предотвращения рецидива со стороны указанной категории лиц часто бывает недостаточно проведе-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1966, № 30.

ния отдельных мероприятий чисто воспитательного характера. В условиях развернутого строительства коммунизма общественные и личные интересы граждан должны быть защищены более надежно от посягательств со стороны лиц, которые уже изобличались в преступной деятельности и не исправились, несмотря на наказание.

Административный надзор — принципиально новое средство предупреждения рецидивной преступности. Главное отличие этой меры от ранее существовавших состоит прежде всего в том, что административный надзор является мерой государственного принуждения. Благодаря наличию в административном надзоре элементов принуждения лица, в отношении которых он устанавливается, оказываются в специальных режимных условиях, обеспечивающих органам милиции проведение с ними воспитательной работы и контроль за их поведением.

Признание необходимости использовать принуждение в борьбе с рецидивной преступностью ни в коем случае не означает, что центр тяжести в этом деле переносится на принудительные меры, как это имеет место в эксплуататорских государствах. Административный надзор устанавливается лишь за незначительной частью лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы, и он не исчерпывается только принуждением. Органы милиции обязаны также проводить с поднадзорными воспитательную работу. Кроме того, административный надзор не устраняет и не умаляет значения других средств, применявшихся ранее и применяемых теперь в профилактической работе с освобожденными. Напротив, с учреждением административного надзора создается более благоприятная почва для взаимодействия государственных и общественных организаций в решении вопросов по бытовому и трудовому устройству освобожденных, контролю за их поведением, проведению с ними воспитательной работы.

После учреждения в нашей стране института административного надзора в юридической литературе была предпринята попытка определить его место в системе правовых средств в борьбе с преступностью, т. е.

определить юридическую природу нового института². Однако до сего времени вопрос о юридической природе административного надзора до конца не решен и продолжает оставаться дискуссионным.

Прежде всего следует установить место этого института в системе отраслей права. Такая необходимость возникает потому, что нормы об административном надзоре содержатся в Основых исправительно-трудового законодательства и в ИТК союзных республик. Это обстоятельство может породить представление об административном надзоре как об институте исправительно-трудового права. Такое представление было бы ошибочным. Место того или иного института в системе права определяется спецификой регулируемых им общественных отношений. Возникающие в результате реализации административного надзора отношения имеют такие черты и юридические свойства, которые характеризуют их как административно-правовые отношения. Во-первых, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, не является следствием преступления и не порожден им. В каждом конкретном случае при наличии предусмотренных в законе оснований и условий решение об установлении надзора принимается органом милиции. Не суд, а орган милиции, выступающий как орган государственного управления, обязан при наличии оснований вступить с освобожденным лицом в определенные отношения. Эти отношения уже по способу своего возникновения характеризуются как административно-правовые, поскольку возникают с помощью специального акта — постановления органа милиции. Во-вторых, полномочия органа милиции — обязательного субъекта правоотношений, возникающих в результате реализации административного надзора, как и во всяком другом административно-правовом отношении, имеют государственно-властный характер. Их государственно-властный характер проявляется уже в самой процедуре установления надзора. Ус-

² См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. Вульфян Г. Н., Тевлин Р. И. Комментарий к Положению об административном надзоре милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Киев, 1968. Сафонов А. П. Прокурорский надзор за исполнением законов об административном надзоре. М., 1971.

тановление надзора происходит помимо воли и желания лиц, освобожденных из мест лишения свободы, на основе административного акта органа милиции. Обязательный участник возникших правоотношений — орган милиции — самостоятельно принимает решение об установлении надзора, а также о предоставлении (в пределах полномочий) прав второму участнику этих отношений — поднадзорному.

Таким образом, наличие в качестве обязательного субъекта правоотношений органа государственного управления — милиции, способ и условия их возникновения, характер полномочий субъектов — все эти особенности административно-правовых отношений вообще свойственны также и отношениям, возникающим при осуществлении административного надзора. На этом основании административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, следует считать институтом административного права. Тот факт, что нормы об административном надзоре содержатся в исправительно-трудовом законодательстве, не может изменить юридической природы этой меры. Комплексный характер исправительно-трудового права предполагает использование институтов других отраслей, от чего они не меняют своей юридической природы.

При характеристике административного надзора в литературе обычно указывается на его принудительный характер. Само по себе это верно. Установление административного надзора, осуществляемое помимо воли и желания лица, влечет для него ряд существенных правоограничений, причиняющих ему определенные лишения. Ограничения, которым подвергается поднадзорный, существенно затрагивают правовое положение гражданина СССР и как объективно, так и субъективно (с точки зрения поднадзорного) являются мерами принудительными. Все эти принудительные меры в обязательном порядке следуют за установлением надзора, поэтому и сам административный надзор выступает как мера принудительная. Принуждение, таким образом, является неотъемлемым элементом административного надзора и входит в его содержание. Однако содержание этой меры не исчерпывается принуждением. Административный надзор — мера срочная, он устанавливается сроком от 6 месяцев до 1 года и рассчитан на длительное воз-

действие на поднадзорных. В процессе надзора наряду с применением принуждения органы милиции обязаны проводить в отношении поднадзорных воспитательную работу, способствовать их трудоустройству, получению жилья и т. д. Так, частью воспитательного процесса, осуществляемого в отношении поднадзорных, является общественно полезный труд. Обязанность поднадзорных трудиться вытекает не только из Конституции СССР, но и из норм законодательства об административном надзоре. Но несмотря на то, что обязанность поднадзорных трудиться конкретизирована в специальных нормах, их труд не является принудительным и ничем не отличается от труда других советских граждан. Как труд, так и другие воспитательные меры не могут рассматриваться как принудительные, ибо они не ущемляют права и интересы личности, не лишают поднадзорного каких-либо благ. Эти меры не охватываются понятием «принуждение», они существуют наряду с ним. В процессе осуществления надзора имеет место сочетание принудительных и воспитательных мер.

При анализе содержания административного надзора в литературе обычно упускается еще один его элемент — контроль за поведением поднадзорных.

Контроль включает в себя систему мер, обеспечивающих наблюдение органов милиции за поведением поднадзорных. В систему контроля должны быть включены как принудительные, так и не принудительные меры. Так, обязанность лица являться в милицию для регистрации, обязанность сообщать органу милиции о перемене места жительства или работы являются, несомненно, принудительными, а истребование, например, сведений о поведении поднадзорного у граждан не является принуждением, ибо здесь не возникает конкретного правоотношения между органом милиции и поднадзорным, а принуждение иначе как в конкретном правоотношении не может быть реализовано.

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что характеристика административного надзора только через принуждение является не полной, а потому неверной. За пределами этого института остаются такие его важные элементы, как убеждение (воспитание) и контроль за поведением поднадзорных. Эти

элементы наряду с принуждением образуют содержание административного надзора.

С учетом высказанных замечаний административный надзор можно определить так: это — административно-принудительная мера контрольно-воспитательного характера, применяемая в отношении определенных категорий лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях предупреждения с их стороны новых преступлений.

Отнесение административного надзора к числу мер административно-правового характера не исчерпывает до конца вопрос о его юридической природе, так как остается не выясненным место этого института в системе многочисленных мер административного принуждения.

В литературе по этому вопросу высказаны различные точки зрения. Так, Д. Н. Бахрах административный надзор относит к мерам пресечения³. Такого же взгляда придерживается А. П. Ключниченко⁴. М. И. Еропкин, Л. Л. Попов⁵, И. Н. Пахомов⁶, Ю. С. Рябов⁷ считают административный надзор мерой предупредительного характера, а В. И. Перец, А. И. Петров, А. Л. Стебленко⁸ — комплексной мерой, заключающей в себе черты мер пресечения, предупреждения и взыскания.

Вряд ли можно согласиться с отнесением административного надзора к группе мер административно-пресекающего характера. Пресечь можно только то, что уже начало осуществляться. С этой позицией можно было бы согласиться, если бы ее авторам удалось доказать, что основанием для применения указанной меры

³ Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969, с. 115.

⁴ Ключниченко А. П. Советское административное право. Ч. общ. Киев, 1975, с. 218—221.

⁵ Еропкин М. И., Попов Л. Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Л.: Лениздат, 1973, с. 214.

⁶ Пахомов И. Н. Советское административное право. (Общая и особенная части). М.: Юрид. лит., 1973, с. 233.

⁷ Рябов Ю. С. Административно-предупредительные меры. Теоретические вопросы. Пермь, 1974, с. 50—51.

⁸ Перец В. И., Петров А. И., Стебленко А. Л. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Киев, 1976, с. 18.

является правонарушение, а целью — его пресечение. Однако это сделать, пожалуй, невозможно в отношении любой из категорий лиц, за которыми по закону устанавливается административный надзор. Так, закон предписывает в обязательном порядке устанавливать надзор за особо опасными рецидивистами, независимо от их поведения в местах лишения свободы. За указанной категорией лиц административный надзор устанавливается как в том случае, когда они после освобождения совершают какие-либо проступки, так и тогда, когда они их не совершают. Говорить здесь о каком-то пресечении нет смысла, так как нет самого правонарушения.

Аналогичным образом должен решаться вопрос и в отношении лиц, за которыми надзор устанавливается по заключению администрации ИТУ и наблюдательной комиссии. Эти лица, отбывая наказание, как правило, допускали нарушение режима, уклонение от работы и т. д., т. е. совершали правонарушения. Однако за эти правонарушения они подвергались различным мерам воздействия, в том числе и мерам взыскания. Административный надзор за ними устанавливается и при отсутствии новых правонарушений, т. е. и в отношении этой категории лиц вопрос о пресечении их противоправного поведения не может ставиться.

Несколько иначе обстоит дело с лицами, в отношении которых административный надзор устанавливается по материалам органов милиции. Установлению надзора за этой категорией лиц должно предшествовать антиобщественное поведение их на свободе: систематическое нарушение общественного порядка, правил социалистического общежития и т. д. То обстоятельство, что за этой категорией лиц надзор устанавливается после совершения ими правонарушений, дало основание некоторым авторам утверждать, что административный надзор в этом случае выступает как мера пресекающая. Так, А. В. Серегин считает, что в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, за которыми надзор устанавливается по заключению администрации ИТУ и наблюдательной комиссии, эта мера имеет предупредительное значение. В отношении же лиц, за которыми надзор устанавливается по материалам органов милиции, ад-

министративный надзор выступает как мера пресека-
тельная⁹.

С указанной позицией вряд ли можно согласиться. Если в основу классификации мер административного принуждения положить такой критерий, как способ защиты правопорядка (а А. В. Серегин при классификации пользуется именно этим критерием), то станет ясно, что в отношении любой категории лиц, за которыми возможно установление надзора, способ защиты правопорядка один и тот же — предупреждение новых преступлений. Поэтому автор по крайней мере непоследователен, утверждая, что для одной категории лиц эта мера предупредительная, а для другой — пресека-
тельная.

Ошибочность позиции А. В. Серегина проистекает из неправильного понимания им назначения административного надзора. Имея в виду лиц, за которыми надзор устанавливается по материалам органов милиции, он пишет, что в этом случае административный надзор применяется «при наличии фактов противоправного поведения, с целью прекратить такое противоправное поведение»¹⁰. Между тем, хотя административный надзор по своему содержанию и является мерой административного характера, по назначению эта мера криминологическая. Его целью является предупреждение преступлений, а не иных правонарушений. Противоправное (но не преступное) поведение, о котором говорит А. В. Серегин, является не чем иным, как показателем возможности совершения этими лицами новых преступлений, для предупреждения которых и устанавливается административный надзор.

Неверной представляется позиция тех ученых, которые административный надзор относят к мерам комплексного характера (В. И. Перец, А. И. Петров, А. Л. Стебленко). О комплексном характере административного надзора, по мнению указанных авторов, свидетельствует норма, устанавливающая административную ответственность за нарушение поднадзорными правил надзора. Действительно, в соответствии с Указом Пре-

⁹ Серегин А. В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1968, с. 62.

¹⁰ Серегин А. В. Указ. соч., с. 62.

зидиума Верховного Совета РСФСР от 4 августа 1966 года нарушение правил административного надзора лицами, в отношении которых он установлен, влечет за собой административную ответственность в виде штрафа от 10 до 50 рублей.

Представляется, что существование упомянутой нормы вовсе не означает, что и сам административный надзор хотя бы в какой-то своей части выступает как мера ответственности, как мера взыскания. Административный надзор — мера принудительная, он рассчитан на малосознательных и недисциплинированных субъектов. Поэтому его применение должно быть обеспечено силой государственного принуждения. Установленная в законе административная ответственность за нарушение правил надзора и должна рассматриваться как мера, обеспечивающая его реализацию. Если следовать логике авторов, считающих на этом основании административный надзор комплексной мерой, то и другие меры превентивного и пресекающего характера необходимо было бы считать комплексными, так как все они обеспечиваются силой государственного принуждения. При таком подходе классификация мер административного принуждения на меры пресечения, предупреждения и взыскания была бы лишена всякого смысла.

В. И. Перец, А. И. Петров, А. Л. Стебленко, указывая далее на присущие административному надзору особенности, заключают, что он является самостоятельной принудительной мерой административного характера и не подпадает ни под одну из классификационных групп, существующих в административном праве.

Вряд ли можно согласиться с таким выводом. По основаниям установления, целям и способу защиты правопорядка административный надзор следует отнести к мерам предупредительного характера. В системе же мер предупреждения административный надзор действительно является самостоятельной мерой, иначе он просто сливался бы с какой-либо другой, входящей в эту группу. От иных же предупредительных мер он отличается ограниченным кругом субъектов, за которыми устанавливается, характером и содержанием возникающих правоотношений, основаниями возникновения этих отношений, спецификой стоящей перед ним цели и рядом других признаков.

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В. И. Черкашин

Успеху борьбы с преступностью способствует прежде всего высококачественное следствие, обеспечивающее неотвратимость раскрытия преступлений и наказания преступников. Борьба за высокое качество расследования требует внедрения научных методов, в число которых входит также активное и глубокое использование возможностей криминалистической и других видов судебной экспертизы, поскольку экспертиза является одним из путей привлечения на службу следствия современных достижений естественных и технических наук.

Как известно, криминалистическая экспертиза имеет своей главной задачей исследование вещественных доказательств специальными методами, разработанными на основе данных естественных и технических наук.

Криминалистическая экспертиза как научный метод исследования вещественных доказательств могла возникнуть лишь в определенный исторический отрезок времени. Для этого были необходимы как высокий уровень развития науки, так и возникшая в судебно-следственной практике потребность исследования вещественных доказательств. Появление криминалистической экспертизы было обусловлено ростом новой науки криминалистики, возникшей на основе обобщения опыта расследования и раскрытия преступлений и применения для этих целей данных естественно-технических наук.

Криминалистическая экспертиза стала применяться при расследовании преступлений в широком масштабе сравнительно недавно — в последней четверти XIX столетия, хотя отдельные ее виды, например, исследование почерка и подписей, установление подложности документов, были известны гораздо раньше. Однако эти ранние

исследования носили скорее эмпирический, нежели научный характер, так как не имели определенной методики и производились случайными людьми и от случая к случаю. Такое положение соответствовало и общему уровню следствия, который, естественно, был в целом невысок во всех странах, особенно в дореволюционной царской России. В атмосфере произвола и беззакония, которые царили в дореволюционной России, не могло быть и речи о высоком научном уровне следствия.

Мы не будем касаться истории криминалистической экспертизы в России. Этому вопросу посвящены самостоятельные исследования¹. Отметим только, что, несмотря на целый ряд оригинальных, талантливых исследований в области криминалистической экспертизы, произведенных в дореволюционной России, подлинный расцвет ее начался лишь после Октябрьской социалистической революции вместе со становлением и развитием науки советской криминалистики.

Восприняв из наследства дореволюционной криминалистики отдельные технические достижения, главным образом в области судебной фотографии и технических приемов исследования вещественных доказательств, советская криминалистика, в том числе и криминалистическая экспертиза прошла большой путь развития, обогатилась современными достижениями естественных и технических наук, обобщила передовой опыт советских следственных органов по борьбе с преступностью.

Огромные и неисчерпаемые возможности для повышения научного уровня криминалистической экспертизы и повышения достоверности заключений экспертов представляют такие науки, как физика, химия, биология, кибернетика и целый ряд других.

Физические методы исследования в криминалистике нашли в настоящее время весьма широкую область применения и дают очень ценные для судебной практики выводы. При этом заметим, что значение физических методов исследования высоко оценивалось еще в прошлом столетии. В конце XIX века Г. Гросс, говоря о значении физики в судебных исследованиях, писал: «Слу-

¹ См., например: Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Он же. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975; и др.

чаев, в которых можно и должно обращаться к этому последнему (т. е. физику), столько, что перечислить их более или менее исчерпывающим образом нет возможности. С каждым днем это число увеличивается, и каждый ревностный, стремящийся к расширению своего образования судебный следователь может соответственно этому чаще пользоваться услугами физики»². Сфера применения физических методов исследования в криминалистике расширяется с каждым годом. В качестве примера рассмотрим исследование в невидимой части спектра.

Ультрафиолетовые лучи широко применяются при исследовании документов с целью обнаружения следов веществ, невидимых при обычном освещении (например, следов травящих веществ); для дифференциации материалов письма при наличии изменений в документе (дописка); для прочтения записей, выполненных «симпатическими» невидимыми чернилами; для обнаружения подделки оттисков печатей и штампов; для проявления невидимых следов пальцев рук на многоцветных поверхностях; для предварительного распознавания веществ (люминесцентный анализ) и т. д.

Такое же широкое применение получили при криминалистических исследованиях инфракрасные лучи. Они используются для дифференциации материалов (материалов штрихов записей, тканей, красителей); выявления дефектов и скрытых пятен на темных поверхностях; для прочтения записей, закрытых пятном красящего вещества или заклеенных бумагой; для выявления следов удаленной татуировки при идентификации личности; для фотосъемок в темноте и фотографирования мест происшествий в затемненных условиях, в тумане, сквозь воздушную дымку и т. д.

Широкое применение инфракрасных лучей для криминалистических исследований оказалось возможным благодаря значительному расширению зоны спектральной чувствительности фотографической эмульсии, поскольку в настоящее время она распространяется далеко за пределы видимых лучей и значительно шире области чувствительности человеческого глаза.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей/ Перев. с нем. Смоленск, 1895, с. 251.

Успешно применяются в криминалистической экспертизе и рентгеновские лучи, также расширившие ее возможности по исследованию вещественных доказательств.

Перечень только физических исследований в криминалистике можно было бы продолжать еще, поскольку он бесконечно разнообразен. Аналогичный вывод можно сделать и говоря о возможностях применения при криминалистических исследованиях достижений других наук.

Значение криминалистической экспертизы в расследовании преступлений определяется тем, что, во-первых, она обладает исключительно большими возможностями в установлении определенных фактов, из которых многие не могут быть установлены никаким другим способом; во-вторых, тем, что установленным экспертизой фактам придается значение судебных доказательств.

Не преувеличивая роли криминалистической экспертизы, следует сказать, что во многих случаях успех расследования зависит от того, насколько своевременно и правильно она была назначена и проведена. Важность своевременного назначения экспертизы диктуется тем соображением, что некоторые объекты криминалистической экспертизы за короткое время подвергаются существенным изменениям, в результате чего становятся непригодными для идентификации, а также тем, что в целом ряде случаев назначение экспертизы является наиболее целесообразным и эффективным следственным действием, с помощью которого могут быть получены важные доказательства по делу.

Наиболее подвержены временным изменениям объекты трасологической и судебно-баллистической экспертиз. Возникшие на следообразующей поверхности идентифицируемого объекта некоторые изменения микрорельефа поверхности затрудняют, а нередко делают вообще невозможной идентификацию. Данное обстоятельство должны учитывать следователь и судья, назначающие экспертизу. Что же касается идентифицирующих объектов (следов, иных отображений), то успешность экспертизы зависит от умения следователя своевременно обнаружить и правильно зафиксировать их. В настоящее время в криминалистике разработано множество различных способов фиксации следов и других вещественных доказательств в зависимости от их свойств и

иных факторов, влияющих на слеодообразование. Поэтому умело обнаруженные и надлежащим способом зафиксированные следы могут сохраняться в течение продолжительного времени, что позволяет использовать их для криминалистической экспертизы даже в тех случаях, когда сразу не удастся найти материалы для сравнительного исследования.

Круг вопросов, разрешаемых с помощью криминалистической экспертизы, чрезвычайно разнообразен. Отсюда и различное значение для расследуемого дела устанавливаемых экспертизой фактов. Являясь самостоятельным источником доказательств, заключение эксперта устанавливает новые данные на основе использования специальных познаний. Эти данные непосредственно из иных средств доказывания не вытекают, поэтому для полного и всестороннего расследования преступления крайне важно в некоторых случаях использовать возможности криминалистической и других видов судебной экспертизы.

Как уже указывалось, возможности криминалистической экспертизы в установлении определенных фактов достигаются современным уровнем развития науки. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо выделить некоторые другие обстоятельства, влияющие на возможность получения при производстве экспертизы новых данных и имеющие большое практическое значение. Среди этих обстоятельств прежде всего следует выделить объем исследуемого материала.

Экспертная практика свидетельствует, что следователи и суды нередко смешивают это понятие с количеством исследуемых объектов или недостаточно отчетливо представляют себе, почему один и тот же объем исследуемого материала бывает достаточным для решения одних вопросов и признается экспертом недостаточным для решения других. Объем исследуемого материала включает в себя объем (количество) идентификационных признаков исследуемого объекта. Совокупность этих признаков должна индивидуализировать данный объект. Отождествление объекта по его отображениям предполагает, чтобы последние передавали те основные свойства объекта, которые отличают его от всех других. Если же отображения объекта передают только отдельные признаки его, к тому же присущие многим другим

объектам, установление конкретного тождества невозможно. Поэтому объем исследуемого материала с точки зрения теории криминалистической идентификации предполагает такую совокупность признаков в образцах для сравнительного исследования, которая с достаточной полнотой передавала бы свойства отождествляемых объектов.

Кроме объема исследуемого материала на результаты криминалистического исследования влияют и другие обстоятельства. Для правильного направления исследования важное значение имеет знание экспертом некоторых обстоятельств дела, поскольку, не зная доказательственного значения фактов, подлежащих установлению, он не сможет направить свои усилия на выявление надлежащих признаков. В этом случае следователь, вынося постановление о назначении экспертизы, должен изложить в нем обстоятельства дела, относящиеся к предмету экспертного исследования.

Немаловажное значение для результатов экспертного исследования имеет правильная, точная и четкая формулировка вопросов, которые следователь и суд ставят на разрешение эксперта. Дело здесь не только в том, что правильно сформулированные вопросы свидетельствуют об общей культуре следственных работников, но и в том, что правильные, конкретные вопросы придают целенаправленность экспертному исследованию, свидетельствуют о понимании следователем возможностей криминалистической экспертизы и способствуют правильной оценке ее выводов.

Перечень обстоятельств, повышающих полноту и достоверность экспертного исследования, можно было бы продолжить, однако здесь рассмотрены те из них, которые оказывают наиболее существенное влияние на результаты экспертизы как одного из источников получения доказательственной информации по делу и показывают ее роль в раскрытии преступлений.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТОЛКНОВЕНИЙ АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Ф. В. Исмагилов

В словаре современного русского языка дается понятие столкновению. Столкновение — соприкосновение двух предметов, движущихся навстречу друг другу, а также резкий толчок, происходящий при этом¹.

В дорожно-транспортных происшествиях столкновения происходят не только идущих навстречу друг другу транспортных средств, но и под прямым, острым углом, а также и в попутном направлении. Важно то, что составители словаря раскрывают суть данного понятия, указывая, что при столкновении двух предметов происходит резкий толчок.

В юридической литературе до сих пор не сложилось четкого определения о столкновении транспортных средств. Большинство авторов придерживаются такого определения: «К столкновениям относят происшествия, возникшие в результате движения механических транспортных средств между собой или с подвижным составом железных дорог»². Несмотря на некоторое положительное значение данного определения (в нем отмечается главное происходящего явления — его динамичность), вместе с тем, на наш взгляд, ему присущ существенный недостаток: оно не раскрывает содержания столкновения транспортных средств.

¹ См.: Словарь современного русского литературного языка. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 14, с. 930.

² См.: Коноплянов В. И. Основы безопасности дорожного движения. М.: Транспорт, 1978, с. 48; Разумков Д. В. Пособие по основам безопасности движения и правилам дорожного движения. М.: Высшая школа, 1976, с. 38; Клиниковштейн Г. И. и др. Правила и безопасность дорожного движения. М.: Транспорт, 1978, с. 19.

Необходимо отметить, что в следственной практике известны случаи, когда столкновение происходит на перекрестке дорог, когда одно из транспортных средств уже остановилось. Если строго придерживаться анализируемого определения, то данный вид дорожно-транспортного происшествия необходимо регистрировать как наезд на стоящий транспорт, так как в данном случае отсутствует один из центральных компонентов определения — движение механических транспортных средств.

Вместе с тем из материалов исследованных нами уголовных дел видно, что при подобной ситуации суды квалифицировали происшествие по ст. 211 УК РСФСР как столкновение транспортных средств, хотя из этих же материалов дел наблюдается, что один из автомобилей перед столкновением успел остановиться. Из общего количества изученных дел число случаев, когда одно из транспортных средств зафиксировало остановку перед столкновением, составило 13,1 %.

Это еще раз свидетельствует о том, что в самом определении столкновения механических транспортных средств отсутствует один из центральных элементов, который мог бы раскрыть не только содержание данного определения, но быть важным из компонентов криминалистической характеристики столкновения. Что же следует понимать под столкновением транспортных средств?

Столкновение — это прежде всего взаимодействие, т. е. удар двух или нескольких транспортных средств. Причем это взаимодействие носит характер механического воздействия транспортных средств друг на друга, когда две материальные точки действуют друг на друга с силами, которые численно равны и направлены в противоположные стороны вдоль прямой, соединяющей эти точки.

Следовательно, можно считать, что отличительным элементом столкновения от всех других видов дорожно-транспортных происшествий, например, от наезда на пешехода, опрокидывания и т. п., является удар. Именно этот элемент должен входить в содержание определения столкновения транспортных средств. Тогда и криминалистическая характеристика столкновения, исходя из более точного понятия данного явления, сможет точнее раскрыть содержание самого удара. Таким образом,

столкновение — это взаимодействие движущихся механических транспортных средств (или одно из которых вынужденно остановилось перед препятствием на короткое время), при котором происходит удар между ними; а равно и с подвижным составом железных дорог.

Ударом называется явление конечного изменения скоростей транспортных средств за весьма малый промежуток времени, происходящее при их столкновениях. В процессе деформации автомобилей при ударе возникают мгновенные ударные силы, величина которых очень значительна. Для соударяющихся автомобилей мгновенные силы являются внутренними силами³.

Весь процесс столкновения транспортных средств как в целом, так и удар, разделяются на две фазы. Время первой фазы — это от момента соприкосновения до момента наибольшего сближения транспортных средств, второй — последующее перемещение, то есть от момента наибольшего сближения до момента разъединения. Причем в первой фазе в процессе сжатия или деформации транспортных средств центры их тяжестей максимально сближаются. Эта фаза заканчивается в момент наибольшего сближения, когда деформация транспортных средств в месте их соприкосновения становится наибольшей, а скорость сближения равна нулю. При

³ Процесс столкновения автомобилей происходит в течение десятых, а иногда и сотых долей секунды. Основными факторами, влияющими на величину разрушения (деформации) и его время, являются конструкция автомобиля и скорость движения. Например, В. Н. Иванов, В. А. Лялин по результатам своих исследований приводят такие данные: «Кинетическая энергия обычного легкового автомобиля, движущегося с умеренной скоростью, очень велика. Так, автомобиль стандартных размеров, массой 1800 кг, при наезде на неподвижное препятствие со скоростью 50 км/ч обладает кинетической энергией, в момент удара равной 16800 Дж. Вся эта энергия, рассеиваемая в виде тепла при нормальном торможении за относительно длительный промежуток времени, при столкновении должна рассеяться за доли секунды. Энергия, образующаяся при катастрофах тяжелых автомобилей, достигает сотен тысяч килограммометров». Более подробнее по данному вопросу см.: Иванов В. Н., Лялин В. А. Пассивная безопасность автомобиля. М.; Транспорт, 1979, с. 67—68.

Физико-математические исследования удара при дорожно-транспортных происшествиях, связанных со столкновением, проведены коллективом авторов. См.: Бекасов В. А. и др. Автотехническая экспертиза. М.: Юрид. лит., 1967, 252 с.

этом кинетическая энергия относительного движения транспорта переходит в остаточную деформацию и частично в потенциальную энергию упругой деформации, а также в тепловую энергию; энергию звуковых колебаний и др.⁴.

Во второй фазе, при восстановлении или разъединении, потенциальная энергия упругой деформации вновь преобразуется в кинетическую энергию. Расстояние между центрами тяжести транспортных средств возрастает, и в конце второй фазы соприкосновение прекращается. Такой двухфазный механизм столкновения транспортных средств характерен при столкновении упругих тел, особенно четко фиксируется на следах повреждения автомобилей. Однако, как известно, в теории физики различают абсолютно упругий и неупругий удары. Именно на основе этой закономерности следует рассматривать физический процесс — удар, следовательно, и столкновение транспортных средств.

Заметим, что при столкновении совершенно неупругих тел (например, столкновение легковой автомашины с грузовой, удар пришелся в заднюю часть рамы), удар заканчивается на первой фазе. В этом случае легковой автомобиль может сдвинуть с места грузовой транспорт, но тогда они продолжают движение как одно целое до полной остановки.

Из вышеизложенных рассуждений видно, что при столкновении транспортных средств характерны как упругий (с двумя фазами), так и неупругий (с одной фазой) удары.

Знание физического процесса, как нам представляется, поможет следователю не только в выявлении основных элементов содержания криминалистической характеристики столкновения транспортных средств. Оно имеет также существенное значение для моделирования механизма происшествия, а также для розыска транспортного средства и водителя, скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия.

На основе анализа исследованных уголовных дел по данной категории (по материалам следственно-судеб-

⁴ См.: Лукьянов В. В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М.: Юрид. лит., 1979, с. 50—69.

ной практики Западно-Сибирского региона) автор сделал попытку сгруппировать столкновение автотранспортных средств по типам и видам удара как по наиболее характерному элементу данного явления и криминалистической характеристике.

Типы удара (столкновения) автотранспортных средств:

лобовой, или фронтальный, удар, то есть удар, приходящийся на переднюю часть транспорта. Особенностью данного столкновения является то, что удар приходится на переднюю часть автотранспорта, причем действие ударной силы совпадает с направлением движения центра тяжести. Из общего количества изученных уголовных дел лобовой тип удара составляет 57,2 %;

задний удар, приходящийся в заднюю часть транспорта, составляет 19,7 %;

боковой удар, приходящийся в правый или левый бок транспорта по всей его длине, составляет 23,1 %.

По видам удара (соударения) транспортных средств удары подразделяются на:

прямой удар — соударение транспортного средства с объектом в точке, расположенной на продольной или поперечной оси автомобиля, соединяющей их центры тяжести;

эксцентричный удар — соударение транспортного средства с объектом, когда точка контакта не находится на линии, соединяющей их центры тяжести, а направления движения либо параллельны, либо перпендикулярны;

косой удар — соударение транспорта с объектом под каким-либо углом (за исключением прямого угла) к направлению его движения.

Напомним, что в отличие от легкового транспорта все отечественные грузовые автомобили конструктивно выполнены с несущей рамой. Поэтому для установления механизма столкновения необходимо учитывать и место приложения ударного воздействия, то есть удар пришелся в раму или выше ее (например, в кабину или в платформу). От этого обстоятельства прежде всего зависит точное определение места транспортных средств на дорожном полотне, положение транспорта до столк-

новения, установления механизма слеодообразования на транспорте и др.

При столкновении автомобилей ударный импульс действует по линии столкновения, характеризующей направление удара. Вдоль этой линии происходит деформация и перемещение отдельных узлов и агрегатов. Положение линии столкновения существенным образом оказывает влияние на характер протекания первичного и вторичного ударов. Следовательно, если произошел удар (столкновение) транспортных средств, то вполне закономерно наблюдается и линия столкновения. Нам представляется, что линия столкновения является связующим звеном между ударом транспортных средств и механизмом образования следов на транспорте, дорожном полотне и в салоне (кабине) автомобиля. Если это действительно так, то линия столкновения должна входить в качестве одного из элементов в содержание столкновения.

Что же понимается под линией столкновения?

Линией удара, или линией столкновения, называется прямая линия, проходящая через точку соприкосновения автомобилей при их столкновении и направленная параллельно относительной скорости их центров в начале столкновения⁵.

Из данного определения можно сделать вывод о том, что линия удара в момент столкновения транспортных средств может быть только одна. В этом и есть отличительная черта столкновения от других видов автотранспортных происшествий, например, опрокидывания. Хотя и при опрокидывании транспортных средств имеются большие повреждения. Однако здесь отсутствует линия удара, которая характерна только при столкновении.

Таким образом, знание линии удара имеет большое значение на первоначальном этапе расследования, особенно, если одно из транспортных средств скрылось с места дорожного происшествия. Следовательно, опираясь на закономерности образования линии удара, уже при осмотре места происшествия может установить три важных момента: является ли данное дорожное проис-

⁵ См.: Коллинз Д., Моррис Д. Анализ дорожно-транспортных происшествий. М.: Транспорт, 1971, с. 59—66.

шествие столкновением; направление движения транспортных средств перед столкновением; положение каждого транспорта на дорожном полотне перед ударом.

В юридической литературе существует несколько способов определения линии столкновения⁶. Например, М. М. и В. В. Котики рекомендуют определять линию столкновения с помощью двух реек длиной 3—4 м и рулетки⁷. Однако заметим, что на практике рекомендуемый метод для определения линии удара имеет неудобства, связанные с транспортировкой реек на место происшествия. Мы считаем целесообразнее использовать шнур длиной 8 м и мягкий метр. Как это делается практически.

В автомобиле выбирается самая дальняя точка вмятины и фиксируются ее координаты; затем, натянув шнур по борту автомобиля и прочно закрепив, протягивают его под прямым углом по переднему или заднему бамперу (в зависимости от того, какой был удар). Теперь мысленно находят точку пространства, где выбранная точка находилась до деформации. Линия столкновения проходит через эти две точки.

Простота данного метода заключается в том, что линию удара следователь может определить прямо при осмотре места происшествия в присутствии понятых, водителей и других участников осмотра места столкновения. Причем, если при определении линии удара возникнут у следователя какие-то сложности или сомнения, то он может в таких случаях пригласить специалиста.

Отметим, что автор настоящей статьи совместно со следователями УВД Кемеровского облисполкома на практике использовал предложенный метод определения линии удара при расследовании столкновений транспортных средств. Во всех случаях следователи сами, применяя шнур, мягкий метр и другие несложные приспособления, определяли на месте столкновения автомобилей линию удара и угол столкновения с обязательным процессуальным закреплением в соответствующем

⁶ См.: Осмотр места происшествия. Справочник следователя. М.: Юрид. лит., 1979, с. 209—210; Бекасов В. А. Указ. соч., с. 142.

⁷ См.: Котик М. М., Котик В. В. Расследование дорожно-транспортных происшествий. Таллин: Валгус, 1980, с. 40.

протоколе и приложениях к нему, в частности, фотографированием.

Другим важным элементом криминалистической характеристики столкновения автотранспортных средств является механизм образования следов⁸.

Из следственной практики известно, что по отдельному транспортному следу трудно, в большинстве случаев и невозможно установить механизм столкновения. Поэтому для исследования данного вопроса требуется комплексный подход. Естественно, прежде всего привлекают внимание материальные следы на месте дорожно-транспортного происшествия и механизм образования следов.

Здесь выступают несколько групп следов. Назовем их: первая группа следов — следы на дорожном полотне; вторая — следы повреждения на транспортных средствах; третья — следы повреждения в кабине (салоне) и механизм травмирования водителя и пассажиров.

Необходимо отметить, что следы на дорожном полотне при столкновении автомобилей и мотоциклов и механизм их образования схожи со следами на проезжей части дороги при других видах дорожного происшествия, например, при наезде на пешехода.

Вместе с тем следователь при внимательном осмотре места столкновения мотоцикла с автомобилем может обнаружить специфические следы на элементах дороги: глубокие царапины, оставленные рамой, pedalью переключения передач, рулем, подножкой и другими частями мотоцикла. Причем эти следы отображаются при столкновении с мотоциклом без коляски и, как правило, наблюдаются на значительном расстоянии от места удара.

Действительно, а каков механизм образования глубоких царапин на дороге?

При ударе мотоцикл, амортизируя от поверхности автомобиля, отрывается от дорожного полотна и отлетает в сторону. В зависимости от скорости движения каж-

⁸ Характеристика факторов, влияющих на образование следов, и их классификация даются в работах Б. И. Шевченко. См.: Научные основы трассологии. — В сб.: Вопросы советской криминалистики. М., 1951, с. 70—76; о механизме образования следов см.: Самойлов Г. А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968, 118 с.

дого транспорта, а также угла удара мотоцикл может отлететь на расстояние более десяти метров. Следовательно, следы приземления мотоцикла, а равно следы царапины необходимо искать и на обочине, обресте дороги, тротуаре.

Из материалов исследованных нами уголовных дел данной категории установлено, что в 98% случаев получают повреждение водительские и пассажирские подножки, педали и т. д., то есть выступающие узлы мотоцикла. В материалах дела не имеется информации, какими частями автомобиль мог нанести эти повреждения.

Причина здесь в том, что, во-первых, технический осмотр транспорта производится не на месте дорожного происшествия, а в госавтоинспекции, во-вторых, мотоцикл получает повреждение не только от автомобиля, но и во время падения на землю. Таким образом, можно видеть, какие важные следы от мотоциклов незаслуженно ускользают от внимания следователей.

Правильное и полное установление события столкновения имеет важное процессуальное и криминалистическое значение. Напомним, если следователь во время осмотра места происшествия четко зафиксирует глубокие царапины на элементах дороги⁹, затем определит линию удара на автомобиле, то полученные повреждения совпадут по линии столкновения. Кроме того, механизм травмирования водителя и пассажира (мотоцикла) дополнит события столкновения транспортных средств¹⁰.

Таким образом, в криминалистическую характеристику столкновения транспортных средств следует включать в качестве основных вышеперечисленные элементы, а именно: удар, линии удара (столкновения), механизм образования следов на дорожном полотне, механизм повреждения транспортных средств, механизм травмирования водителя и пассажиров.

⁹ Мы считаем целесообразным произвести фотографирование глубоких царапин, оставленных от мотоциклов, в двух вариантах: а) детальным способом, как рекомендуется в разделе судебной фотографии; б) линейной панорамной съемкой строго перпендикулярно к элементам дороги. Эти фототаблицы помогут следователю определить линию удара и угол столкновения.

¹⁰ См.: Трубников В. Ф., Истомин Г. П. Травматизм при дорожно-транспортных происшествиях. Харьков, 1977, 182 с.

ЛИЧНОСТЬ ОБВИНЯЕМОГО КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н. Т. Ведерников, Ф. В. Исмагилов

В криминалистической характеристике автотранспортных преступлений можно выделить следующие элементы: водитель, транспортные средства, дорога и окружающая среда. Названные элементы криминалистической характеристики несут на себе всю совокупность следов происшедшего преступления, что позволяет установить его механизм, собрать необходимые доказательства и в конечном счете раскрыть и расследовать преступление. Каждый из элементов криминалистической характеристики занимает свое место и нуждается в самостоятельном изучении, но наиболее активным и потому заслуживающим особого внимания является первый элемент данной системы — водитель. В подавляющем большинстве автотранспортных преступлений именно действия водителя транспортного средства являются причиной преступления и потому психофизиологические свойства личности данного субъекта нуждаются в обстоятельном исследовании.

Лицо, управляющее транспортным средством, выполняя роль оператора, обеспечивает, с одной стороны, целенаправленное использование транспорта, а с другой — путем безопасного управления механическими средствами ограждает общество от потенциального вреда. При нарушении правил безопасности движения человек теряет контроль над управляемой им техникой, которая превращается в слепую и стихийную силу.

Управление транспортным средством представляет собой напряженный труд. Если, например, принять за 100% степень напряжения внимания при чтении, то, как показывают исследования Э. Бена, И. Госковец, И. Штикер, вождение автомобиля в городе загружает внима-

ние примерно на 60%, за городом — на 35%. Причем установлено, что при езде в городе частота пульса у большинства водителей возрастает на 25—50%, а кровяное давление в критических ситуациях — на 30%¹. Эти цифры достаточно убедительно свидетельствуют о тех нагрузках, которые испытывает водитель в условиях современного движения. Как показывает практика, для начинающего водителя эти нагрузки порой оказываются чрезмерными, и нередко он допускает те просчеты, которые и приводят к аварийным ситуациям.

Вместе с тем уместно напомнить, что для изучения личности водителей следователю необходимо знать факторы, которые влияют на состояние организма водителя. Например, в связи с чем водитель применяет такие приемы управления, которые не соответствуют дорожной обстановке, или выбирает такую скорость движения, которая весьма опасна согласно дорожным условиям? Эти вопросы могут быть удовлетворительно решены в области психофизиологического исследования организма водителя².

Известно, что физиологические сдвиги в организме водителя, нарушающие нормальное его состояние, и протекание психических процессов могут быть вызваны следующими обстоятельствами:

- а) условиями, создающимися на рабочем месте;
- б) воздействием внешней среды на органы чувств;
- в) воздействием внешней среды на правильность восприятия элементов дорожной обстановки и на скорость протекания психических процессов.

Ни в одном из исследованных нами уголовных дел следователями не обращалось внимание на рабочее место водителя. Не вызывает сомнений, что этот фактор весьма ощутимо влияет на его физическое состояние, отвлекает от управления транспортом. А между тем

¹ См.: Бена Э., Госковец И., Штикар И. Психология и физиология шофера. М.: Транспорт, 1965, с. 96.

² В литературе, посвященной анализу дорожно-транспортных происшествий, неоднократно указывалось на необходимость тщательного изучения психофизиологических факторов организма водителей. См.: Лобанов Е. М. Проектирование дорог и организация движения с учетом психофизиологии водителя. М., 1980, с. 7—41; Боровский Б. Е. Психологические факторы как причины дорожно-транспортных происшествий. Л., 1979, с. 42.

именно рабочее место водителя может быть причиной дорожного происшествия.

Нам представляется целесообразным в каждом дорожном происшествии произвести обследование рабочего места водителя. Из практики известно, если эта работа проводится следователем на месте происшествия с участием водителя, то может быть выяснено, что фактором, отвлекающим водителя от управления, явилось водительское кресло. Главные требования к рабочему месту — подгонка и удобства сидения. От этого зависит посадка водителя. Неудобная посадка затрудняет координацию и точность действия водителя, приводит к быстрой усталости.

Полагаем, что во всех случаях требуется тщательное обследование рабочего места водителя грузового транспорта, так как водители нередко бросают за спинку сиденья инструменты, запасные части, даже ведра. Поэтому выяснение того, в каком положении находилась спинка сиденья в момент происшествия, имеет существенное значение в процессе расследования.

Кроме того, на наш взгляд, у отечественных автомобилей имеется конструктивная недоработка относительно водительского места.

Водительское сидение представляет собой кресло из металлического остова, пористого синтетического материала (поролон), обтянутого кожаным материалом. Однако за время многочасового нахождения за рулем у водителя происходит обильное потовыделение, а поролон, впитывая влагу длительное время, становится влажным. От этого неудобства водитель часто меняет положение тела на сиденье, «ерзает» на нем в поисках наиболее удобного положения. Естественно, это ведет к тому, что он отвлекается от управления транспортом.

Анализ исследованных уголовных дел показывает, что зрение водителя является основным источником информации для точного управления транспортным средством.

Установлено, что большинство дорожно-транспортных происшествий вызвано именно нарушением нормального функционирования глаз или тем, что водитель не знаком или не учитывает изменения функций зрения в конкретной дорожной обстановке. Проведенные ис-

следования показали³, что этот орган чувств обеспечивает более 98% всей информации о дорожной обстановке.

Поле зрения определяет ту часть окружающего пространства, которую может видеть неподвижный глаз без поворота головы. Поле зрения следует отличать от поля обзора, которое определяется величиной зоны просматриваемой подвижными глазами, независимо от положения головы.

Осуществляемое двумя глазами рассмотрение предмета позволяет видеть его наиболее отчетливо. Периферийная часть поля зрения — периферийное зрение — характеризуется высокой чувствительностью к мельканиям и движению объектов. Но, позволяя обнаружить появляющиеся в этой зоне объекты, периферийное зрение не дает их четкого различия. Однако периферийное зрение непосредственно влияет на распределение внимания при управлении транспортом, оно позволяет водителю выбирать наиболее опасный в данный момент объект на дороге и в придорожном пространстве. При расследовании происшествия следователю необходимо выяснить у водителя, какой частью поля зрения был обнаружен им объект опасности. Можно получить точные данные, если водителю смоделировать место происшествия.

Поле зрения водителя уменьшается с увеличением скорости. По данным исследований Е. М. Лобанова, угол периферийного зрения изменяется так: в состоянии покоя угол зрения 120—160°; при скорости 50 км/час — 105°; при скорости 90—100 км/час — 40—42°⁴.

Угол периферийного зрения уменьшается также при снижении освещенности дороги. Уменьшение угла периферийного зрения может быть причиной дорожного происшествия. Водитель может не заметить объекты, на-

³ См.: Андреев Е. А., Вергилес Н. Ю., Ломов Б. Ф. К вопросу о механизме движения глаз. — В сб.: Вопросы психологии. М., 1973, № 1, с. 3—17; Гуго Глязер. Автомобиль, самолет и медицина. М.: Медицина, 1972, с. 12—14; Боровский Б. Е. Исследование факторов, обуславливающих дорожно-транспортные происшествия. Л., 1980, 14 с.

⁴ См.: Лобанов Е. М. Роль человеческого фактора в организации и безопасности движения. — Тр. МАДИ. 1968, вып. 27, с. 89—102.

правляющиеся на полосу движения его транспорта, например, идущего пешехода⁵.

Физиологическое воздействие на глаза человека оказывает не освещенность предмета, а его яркость, то есть количество света, отраженного предметом.

Путем фундаментальных исследований установлено, что обязательным условием хорошей видимости предмета является неодинаковое излучение или отражение света предметом и фоном, на котором он находится, то есть наличие контраста между рассматриваемым предметом и его фоном⁶. Вот почему, если контрастность недостаточна, то возникает эффект маскировки. Иными словами, рассматриваемый предмет, даже несмотря на достаточную освещенность, остается практически невидимым. Например, автомобили, покрашенные в темный цвет (черный, серый, синий, зеленый, темно-бордовый), плохо различимы, и по статистике дорожно-транспортных происшествий эти транспортные средства чаще попадают в автомобильную катастрофу. Кроме того, когда растительность по краям дороги и пешеход в темной одежде имеют одинаковую яркость, то из-за этого водитель не увидит идущего по краю проезжей части или по обочине.

В литературе достаточно подробно сказано о ярких источниках света, создающих блескость и влияющих на зрение водителя⁷, а также об адаптации зрения водителя⁸ (например, при выезде с хорошо освещенной улицы на плохо освещенную, при переключении света фар и т. п.).

Таким образом, как нам представляется, все вопросы, связанные с видимостью водителя в дневное время, а также в темное время суток (связанные с ослеплением и адаптацией зрения) как с возможными причинами

⁵ См.: Дьяков А. Б. Оценка слепящей блескости автомобильных фар методом регистрации электрооограммы.—Автореф. дис. ... канд. техн. наук, М., 1965.

⁶ См.: Карякин Н. А. Световые приборы. М.: Высш. школа, 1975, 22—29 с.

⁷ См.: Левитин К. М. Безопасность движения автомобилей в условиях ограниченной видимости. М.: Транспорт, 1979, 112 с.

⁸ См.: Линде Г. Применение поляризованного света на автомобилях. Доклад фирмы «БОШ» на 6-м симпозиуме НИИавтоприборов. М., 1970, с. 427—441.

происшествия, должны быть выяснены путем допроса водителя и свидетелей. Причем авторы считают целесообразным при производстве следственного эксперимента приглашать в качестве специалиста светотехника и врача-офтальмолога.

Психологический склад личности водителя охватывает те ее качества, которые определяют: особенности протекающих психических процессов (мышление, восприятие, эмоции, воля и др.), биологически обусловленные особенности психики (инстинкты, простейшие потребности, задатки и т. д.), характер, знание, навыки, привычки, умения и др.

Каковы же особенности протекания психологических процессов у водителей?

Находясь за рулем, водитель воспринимает дорожную обстановку. Процесс восприятия связан с пониманием того, каким образом отдельные части наблюдаемых предметов или явлений связаны между собой. Например, если женщина с ребенком переходят дорогу в неустановленном месте, то водитель, наблюдая за ними, воспринимает скорость движения идущих и сравнивает скорость движения своего автомобиля. Далее он решает, как поступить. Посигнализировать или снизить скорость движения, или объехать идущих сзади.

Процесс восприятия всегда сопровождается различными чувствами. Ребенок, идущий по проезжей части, вызывает у водителя чувство опасения за него, водитель, грубо нарушивший правила движения, — раздражение и т. п.

Процесс восприятия и переработки поступившей информации заканчивается двигательным актом, который является универсальной ответной реакцией водителя — воздействием на органы управления автомобилем. В памяти человека остаются следы двигательных ощущений и их воспроизведение. Эта особенность психики, называемая двигательной памятью, имеет большое значение в образовании навыков и автоматизма в действиях водителя, что следует иметь в виду при выяснении, в частности, способа преступления.

В результате постоянного взаимного влияния восприятия и двигательной реакции возникает определенная последовательность в действиях человека. Так, у водителя действия по переключению передачи, управ-

лению педалями, рычагами и т. п. приобретают характер автоматизма, что позволяет ему больше сосредоточиваться на оценке дорожной обстановки. Поэтому в процессе выявления способа преступления, то есть конкретных действий до, в момент и после дорожного происшествия, водитель на следствии может и не воспроизвести отдельные действия, так как некоторые навыки его вырабатываются до автоматизма. Вот почему следовательно необходимо, соблюдая тактические и психологические особенности допроса, помочь водителю вспомнить конкретные действия до аварийной ситуации, в момент и после дорожного происшествия.

Для водителя имеет значение правильное восприятие длительности явлений и скорости, с которой сменяют друг друга отдельные части явления. Восприятие времени позволяет водителю уверенно выполнять какие-либо маневры, принимать решение о своевременности торможения, выбирать скорость движения, принимать решение об обгоне и др.

Восприятие скорости и направления движения вместе с восприятием расстояния и времени лежит в основе так называемого динамического глазомера, являющегося для водителя крайне важным качеством. С его помощью водитель производит комплексную оценку дорожной обстановки, выбирает и осуществляет действия по управлению автомобилем, не создающие опасной или аварийной обстановки.

В процессе глубоких исследований Ю. А. Александровским было установлено, что все психические процессы у человека протекают на фоне эмоционального состояния, которое может действовать как положительно, так и отрицательно на его работоспособность⁹. Для водителя эмоциональное состояние имеет весьма важное значение, когда необходимо принять конкретные действия в определенной дорожной обстановке. Эмоции вызывают в сознании не образ предмета или явления, а переживание.

В работе водителя непрерывно возникают источники эмоционального напряжения в наиболее ответственные моменты его работы, например, при подъезде к

⁹ См.: Александровский Ю. А. Глазами психиатра. М.: Советская Россия, 1977, с. 94—129.

оживленному перекрестку, пешеходному переходу, при развороте и т. д.

Некоторые изменения дорожной обстановки вызывают отрицательные эмоции: испуг, замешательство, растерянность при внезапном появлении какого-либо объекта в пути следования, раздражение и возмущение по поводу поведения других участников движения. При отрицательных эмоциях, в особенности при испуге, в подавляющем большинстве случаев происходит увеличение времени реакции¹⁰, замедление движений и ухудшение их координации.

Одним из нарушений нормальной деятельности водителя, вызванных эмоциями, является напряженность. Напряженность у водителя выражается в скованности его общего состояния, что отражается обычно на координации движений водителя.

Резко выраженная напряженность водителя может быть результатом недостаточных навыков по управлению транспортом, ухудшения видимости, плохой распознаваемости дорожных знаков, высокой интенсивности движения, особенно при встречном и многорядном движении. Напряженность может быть вызвана и индивидуально-психологическими особенностями водителя: повышенной степенью его возбудимости, неспособностью трезво оценить дорожную обстановку, подчинить свое поведение логике событий.

Другой формой нарушения нормальной работы водителя является растерянность, при которой он вовремя не успевает выполнять нужные действия. Например, водитель должен был, но не сумел быстро осмыслить изменение сложной дорожной обстановки; не смог распределить внимание между различными объектами на дороге или переключиться из-за непроизвольного привлечения внимания к одному из объектов.

Следует отметить, что у малоопытных водителей нередко наблюдается, особенно в сложной дорожной обстановке, тревожное ожидание опасности. Естественно, такой эмоциональный процесс отрицательно влияет на

¹⁰ Время реакции является одной из важнейших психофизиологических характеристик водителя. Скорость, с которой может водитель реагировать на раздражитель, зависит от ряда факторов: вида раздражителя, его интенсивности и др.

правильное решение задачи, вызывает неуверенность водителя в действиях, увеличивает время реакции.

Сильные эмоции, как правило, мешают наблюдению, запоминанию и мышлению. Неоднократно повторяемое в течение короткого времени эмоциональное напряжение может либо вызвать чрезмерную реакцию водителя на сравнительно несложную ситуацию, либо, наоборот, снизить его реагирование на серьезную опасность. В том и в другом случае увеличивается вероятность создания аварийной ситуации.

Отрицательные эмоции у водителя могут быть вызваны плохими отношениями в коллективе, неуверенностью в постановке дела на производстве, неправильным отношением администрации, семейными неприятностями, плохим самочувствием. Эмоциональный же склад человека во многом зависит от его темперамента и черт характера.

Представляет интерес исследование, проведенное М. Б. Афанасьевым. По его результатам выявилось, что водители-аварийщики отличались такими чертами характера, как агрессивность, нетерпимость, склонность к антиобщественным проявлениям, неуживчивость в семье ¹¹.

Выяснение психофизиологических свойств водителя-обвиняемого, установление его эмоционального состояния имеет самое серьезное значение для установления одного из основных элементов криминалистической характеристики автотранспортных преступлений.

¹¹ См.: Афанасьев М. Б. Водителю о дорожном движении. М., 1980, с. 18.

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСОБАЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ — ИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛОГ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

В. К. Гавло

Чтобы полнее представить назначение методики расследования в борьбе с преступностью специально разрабатываемыми ею системами приемов и методов расследования преступлений и стимулировать дальнейшее более углубленное познание ее закономерностей, правомерно поставить вопросы: можно ли использовать моделирование для создания информационного аналога совершения и расследования криминальных событий? Если да, то можно ли с позиций моделирования рассматривать методику расследования как особую типичную теоретико-методическую модель в познании закономерностей совершения и расследования отдельных видов преступлений, и что нового дает это для теории и практики расследования?

Прежде чем перейти к положительному ответу на сформулированные выше вопросы, следует отметить, что моделирование как метод научного познания, основанный «на способности человека абстрагировать сходные признаки или свойства у различных предметов, явлений и устанавливать определенное соотношение между ними»¹, может широко применяться для познания различных областей человеческой деятельности, в том числе и в области расследования преступлений.

Благодаря этому появляется возможность исследовать криминальные события, обстоятельства совершения и расследования их не непосредственно, а опосредованно, через изучение других, доступных для исследования моделей этих событий и обстоятельств, сходных с объ-

¹ Крайзмер Л. П. Кибернетика. М., 1977, с. 62.

ектами-оригиналами, т. е. криминальным событием и его расследованием. Следовательно, моделирование в расследовании преступлений выступает в форме опосредования.

В настоящее время в философской и кибернетической литературе различают более десяти классов и подклассов моделей, применяемых для научного познания². Но все их можно разбить, по мнению И. Д. Андреева, «на две большие группы: модели вещественные, или материальные, и модели логические, или идеальные»³.

Вещественные модели создаются человеком для того, чтобы в наглядной форме физически воспроизвести предмет исследования. Причем непременным требованием вещественной модели является сохранение в ней структуры или свойств изучаемого предмета.

Логические модели, в отличие от первых, строятся на основе чувственно-наглядных образов мысленно, в воображении лица. В этом случае также происходит познание объекта, но путем представления его в целом виде в сознании, а не в овеществленном материале.

При расследовании преступления как социального явления может применяться как первая, так и вторая формы моделирования, взятые как в отдельности, так и в определенном сочетании друг с другом, что соответствует требованиям уголовно-процессуального закона. Таковы, например, предписания об изготовлении слепков, схем, фотографировании, подборе объектов-аналогов (ст. ст. 141, 141¹, 165 УПК и др.). Как видно, речь идет о специальном криминалистическом моделировании.

Криминалистическое моделирование — это метод, с помощью которого опосредованным путем извлекается необходимая для раскрытия, расследования и предупреждения отдельных видов преступлений информация на базе построения криминалистической модели.

Криминалистическая модель — это искусственно соз-

² См., например: Штофф В. А. Моделирование и философия. М.: Наука, с. 19; Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977, с. 241.

³ Андреев И. Д. Указ. раб., с. 241.

данная умозрительная или овеществленная система (объект), которая воспроизводит или замещает исследуемое криминальное событие и обстоятельства его совершения и расследования так, что ее изучение способно давать новую информацию о них в целях эффективного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений⁴.

Однако, говоря о применении криминалистического моделирования в расследовании преступлений, было бы неверным утверждать, что оно получило всестороннее освещение и всеобщее признание. Особенно это относится к области теории и практики методики расследования отдельных видов преступлений. Даже само понятие «криминалистическое моделирование», как верно пишет И. М. Лузгин, «не завоевало еще общего признания»⁵. Оно дискуссионно и в связи со своей спецификой, естественно, требует дальнейшего исследования. Вместе с тем анализ изученных материалов позволяет констатировать, что благодаря разработкам проблемы криминалистического моделирования в СССР такими авторами, как А. Р. Ратиновым, А. А. Эйсманом, Р. С. Белкиным, И. М. Лузгиным, И. Е. Быховским, Р. К. Безруких, Г. А. Густовым, в ГДР А. Форкером и другими, возможности применения метода моделирования в теории и практике расследования расширяются.

Наибольшую теоретическую разработку и практическую распространенность криминалистическое моделирование получило для решения некоторых частных задач расследования, причем преимущественно в форме мате-

⁴ В криминалистической литературе высказаны и иные позиции. См. подробнее: Густов Г. А. Моделирование — эффективный метод следственной практики и криминалистики. — В кн.: Актуальные проблемы криминалистики. М., 1980, с. 74; здесь же, Лузгин И. М. К вопросу о теории криминалистического моделирования, с. 48.

⁵ См.: Лузгин И. М. К вопросу о криминалистическом моделировании. — В кн.: Актуальные проблемы советской криминалистики (Материалы ученого совета). М., 1979, с. 5.

риального моделирования⁶. Так, чаще всего моделируются: обстановка на месте происшествия после ее изменения (реконструкция); отдельные предметы для производства следственного эксперимента, предъявления для опознания, допросов и других следственных действий (муляжи, макеты); внешний облик человека по признакам «словесного портрета», останкам костей черепа (фоторобот, рисованные портреты) и др. Следовательно, материальное моделирование в расследовании преступлений применяется преимущественно при производстве отдельных следственных действий (осмотре, эксперименте, допросе и др.) для моделирования отдельных обстоятельств расследуемого события, но не для создания в целом модели расследования.

В этом проявляется своя закономерность. Во-первых, материальное моделирование требует немалых затрат средств и времени, поэтому его следует применять в тех случаях, когда по делу не представляется возможным обойтись без материального моделирования; во-вторых, не все области преступности как социального явления, в том числе и расследование преступлений, можно моделировать на материальных моделях, не нанося гражданам определенного морального или материального ущерба. Не может идти речь и о реальном моделировании преступления как таковом, на что в свое время правильно обратил внимание А. Р. Ратинов⁷.

Учитывая преимущества и недостатки материального моделирования, в методике расследования преступлений не случайно в последние годы все большее внимание

⁶ См.: Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955; Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959, с. 11; Самошина З. Г. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности. М., 1963; Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969, с. 30—94; Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., 1974; Ароцкер Л. Е. и др. Теоретические проблемы оценки экспертом признаков почерка. Киев, 1975, с. 32, 64; Грановский Г. Л. Методы судебно-трасологической экспертизы. — В кн.: Методы экспертных криминалистических исследований, № 29. М., 1979, с. 68—112 и др.

⁷ См.: Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. — В кн.: Правовая кибернетика. М., 1970, с. 189.

уделяется мысленному моделированию, хотя многие аспекты его, как считает И. М. Лузгин, в настоящее время изучены очень мало⁸. По нашему мнению, указанное замечание справедливо не только по отношению к мысленному моделированию; оно верно и по отношению к материальному моделированию и особенно к комбинированному, т. е. такому моделированию, в котором применяются мысленные и материальные модели в различных сочетаниях, комбинациях.

В криминалистической литературе, насколько нам удалось установить, нет ответа на вопрос о возможности рассматривать в целом методику расследования отдельных видов преступлений как специфическую теоретико-методическую модель расследования — информационный аналог криминальных событий, все же, как представляется, отправные точки в исследовании поставленного вопроса можно найти в работах А. Р. Ратинова и И. М. Лузгина⁹.

Они правильно полагают, что при расследовании помимо материального моделирования необходимо использовать мысленное моделирование. Последнее в расследовании рассматривается ими как отображение в сознании следователя обстоятельств изучаемого события и путей расследования. Соответственно этому в структуре мысленного моделирования, как пишет И. М. Лузгин, «могут быть выделены два направления: одно — обращенное к прошлому, к фактам, образующим преступление, другое — к практической деятельности по установлению обстоятельств совершения преступления. Первое направление в мысленном моделировании может быть названо ретроспективным, второе — перспективным»¹⁰.

В приведенной позиции нас привлекает правильная постановка вопроса о необходимости выделения в структуре мысленного моделирования двух направлений: ретроспективного и перспективного. Действительно, для того, чтобы смоделировать хотя бы и мысленно меха-

⁸ См.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 165.

⁹ См., например, вышеназванные работы этих авторов.

¹⁰ Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1969, с. 114.

низм расследования и его перспективу, т. е. будущее уголовного дела, надо всегда сначала по исходным данным представить механизм прошлого криминального события и ту зону, в которой оно осуществлялось. Но ведь познать прошлое событие, его отдельные механизмы, как показывает практика, можно не только путем логического или мысленного, но и посредством материального моделирования. Весьма эффективным оказывается, кроме того, комбинированное моделирование¹¹.

Поэтому, на наш взгляд, правильнее было бы вести дальнейшие исследования в плане выделения в методике расследования преступлений ретроспективного и перспективного направлений и зон их действия не только для мысленного, но и для материального и комбинированного моделирования. В целом это будет способствовать познанию и развитию типичной теоретико-методической модели методики расследования как информационного аналога отдельных видов и групп преступлений, раскрывающей закономерности криминальных событий в прошлом и закономерностей механизмов расследования их в настоящем и будущем.

Такой подход к объяснению рассматриваемого вопроса соответствует марксистско-ленинской методологии познания окружающей нас действительности, диалектике отражения прошлого, настоящего и будущего. «Способность субъекта схватывать объект в его движении проявляется в том, — пишет А. М. Коршунов, — что посредством образа отражается единство бытия и небытия предмета. Тем самым воспроизводится связь между настоящим, прошлым и будущим. Именно данные категории выражают временную структуру познавательного образа, способность субъекта отражать объект в процессе его развития»¹². Настоящее не оторвано от прошлого. Оно представляет как бы результат прошлого, и в этом смысле каждый объект настоящего может рассматриваться как «след прошлого»¹³. В свою очередь будущее не оторвано от настоящего и прошлого и отражает в себе их черты.

¹¹ Об этом заявили около 90% опрошенных нами следователей.

¹² Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979, с. 199.

¹³ См.: Никитин Е. Н. Объяснение — функция науки. М., 1970, с. 218.

Изучая проблему криминалистического моделирования в расследовании преступлений, И. М. Лузгин в одной из недавно вышедших своих работ поставил интересный вопрос: может ли моделирование использоваться для создания информационного аналога криминального события и что это дает для теории и практики? Как явствует из вопроса, И. М. Лузгин высказал идею, суть которой сводится к тому, что «не будет ошибкой рассматривать уголовное дело как особый вид модели — информационный аналог конкретного события»¹⁴.

Высказанная И. М. Лузгиным идея, по нашему мнению, верна в своей основе. Она заслуживает поддержки и своего дальнейшего развития в силу того, что позволяет по-новому взглянуть не только на методику расследования **конкретного преступления**, итог применения которой содержится в законченном производстве уголовного дела, но и на методику расследования отдельных видов преступлений как часть науки криминалистики, результаты и эффективность использования которой также отражаются в уголовных делах. Последние в методике расследования выступают как особые модели — информационные аналоги отдельных видов (групп) преступлений.

Уголовное дело с позиции моделирования действительно можно рассматривать как особый вид модели расследования **конкретного криминального события**. Однако при таком допущении непременно необходимо учитывать следующее.

Уголовное дело как особый вид модели (система) включает в себя два подвида моделей, своего рода моделей-блоков (подсистема).

Первая модель-блок должна строиться для познания закономерностей механизма преступления, проявления его как внутренних связей, так и связей в окружающей среде до, в момент и после совершения криминального события, т. е. в основном в ретроспективной зоне.

Вторая модель-блок служит для достижения других целей; с ее помощью познаются закономерности образования и функционирования механизма расследования кон-

¹⁴ См.: Лузгин И. М. К вопросу о криминалистическом моделировании... с. 8.

кретного события в перспективной зоне. И только в своем единстве они представляют модель уголовного дела как информационный аналог совершения и расследования преступления.

Свое материализованное воплощение модель конкретного криминального события и его расследования находит в уголовном деле, в котором в соответствии с уголовно-процессуальным законом содержится упорядоченная по делу система доказательств. Последняя объективно отражает оптимальную систему тактических приемов, научно-технических средств и методик установления по делу истины в различных ситуациях совершения и расследования преступления, т. е. методику расследования конкретного криминального события.

В таком случае уголовное дело может выступать как особый вид модели — информационный теоретический и методический аналог о совершении преступления и его раскрытии, расследовании и предупреждении, ибо оно аккумулирует в себе разностороннюю информацию о преступлении (положительную и негативную) и в конечном счете показывает, какие же на самом деле приемы и комбинации процессуальных и непроцессуальных действий оказались результативными, почему, в каких ситуациях и как нужно поступать в аналогичных условиях впредь.

Выделение двух вышеназванных взаимосвязанных и взаимозависимых моделей-блоков в уголовном деле носит условный характер. Но оно необходимо для познания закономерностей механизма совершения преступления и механизма его расследования. С их помощью можно наиболее точно и быстро разработать ясную для восприятия и получения новых знаний искусственную материальную, мысленную или комбинированную систему-модель расследования конкретного криминального события и лица, его совершившего. Следовательно, модель расследования криминального события представляет собой особую искусственную систему, с помощью которой воссоздается представление о механизме события преступления в ретроспективной зоне, с тем чтобы получить о нем новые знания, и на этой основе воспроизвести механизм расследования в перспективной зоне в целях установления истины.

Практика убедительно показывает, что установление по делу истины происходит более результативно, если уже на первоначальном этапе применяются комбинированные модели, отражающие ретроспективную и перспективную зоны расследования. Формы построения их различны.

Можно рекомендовать следующие основные формы выражения моделей расследования:

а) **описание**, например, ситуаций криминального события (подготовка, совершение, сокрытие); способов действия (бездействия) и их признаков, наличия или отсутствия в них закономерных связей на уровне изоморфизма, гомоморфизма, тождества¹⁵; личности субъекта преступления и т. п.;

б) **воспроизведение в натуре** каких-либо предметов и явлений, относящихся к событию преступления и его расследованию, в частности, изготовление слепков или оттисков, сохраняющих форму, размеры, строение оригинала (следа, орудия и т. п.), либо изготовление макетов (муляжей) в уменьшенном масштабе или в натуральную величину, или использование окружающей обстановки совершения преступления и сохранившихся на ней предметов в целях моделирования необходимых процессов, явлений происшедшего события (таковы следственные эксперименты на производство каких-либо действий, видимость, слышимость и др.);

в) **мысленное воспроизведение** расследуемого события и его обстоятельств.

В ходе расследования и особенно после производства первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий может потребоваться вначале создание идеальной, а затем материальной модели, отражающей ретроспективную и перспективную зоны расследования. Не исключается и обратный вариант использования моделей в уяснении механизма преступления и путей его расследования. Зависит это прежде

¹⁵ Здесь имеется в виду, что принцип изоморфного соответствия, выражая важную черту познавательного образа, его адекватность предмету познания, не исчерпывает сути отражения. Равным образом принцип гомоморфизма выражает один из моментов связи ощущений с внешним миром и имеет частный характер. Подробнее об этом см.: Коршунов А. М. Указ. раб., с. 25—31.

всего от исходных следственных ситуаций, наличия или отсутствия информации о субъекте преступления, способах и мотивах его действий, признания или отрицания подозреваемым (обвиняемым) своей вины, выявления следов преступления, разработанности типовой методики расследования и др.

Познание закономерностей расследования путем построения моделей происходит на протяжении всего расследования. Между ними существует тесная связь и взаимозависимость.

Прежде чем предоставится возможность построить полную модель расследуемого события, зачастую, в силу сложности и неотложности задач расследования, дефицита информации возникает необходимость построить **неполную модель**, которая отражает какие-либо строго определенные стороны и обстоятельства расследования. Таковы, например, модели личности заподозренных в краже по полу, возрасту, профессиональным качествам и преступным навыкам, построенные по результатам осмотра места происшествия и в первую очередь по способу кражи и ситуации, в которой она совершена; или модели действий преступника и потерпевшего, сконструированные из взаиморасположения следов на трупе, характера повреждений, состояния одежды и т. п.

И хотя в рассматриваемых случаях ставятся **ограниченные этапные задачи** расследования, разрешение их путем создания моделей происходит успешнее в силу углубленного познания не только самого события преступления, личности виновного, мотивов ее действий и т. д., но и путем поиска невыявленных следов и вещественных доказательств. Получаемые с помощью моделей выводы о субъекте и субъективной стороне, объекте и объективной стороне преступления далее способствуют правильному, упорядоченному конструированию версий, созданию алгоритмов расследования как системы приемов и методов собирания, исследования, кодирования и использования фактических данных для определенных следственных ситуаций, эффективному ведению следствия.

Вышеприведенное позволяет прийти к выводу о том, что применение метода криминалистического моделирования и создание моделей приемлемо не только для расследования конкретного преступления и познания его

закономерностей, но и для расследования отдельных видов преступлений, и таким образом для познания их закономерностей.

Учитывая же, что с позиций моделирования оконченное производством расследование преступления можно рассматривать как **первый** особый вид модели — информационный аналог расследования конкретного события, то с этих же позиций расследование преступлений определенного вида (группы) можно рассматривать как **второй** особый вид модели — информационный аналог расследования определенных событий, а расследование преступлений отдельных видов в таком случае будет выступать как **третий** специфический вид модели — информационный аналог расследования отдельных видов криминальных событий. В качестве критерия предлагаемой классификации моделей методики расследования отдельных видов преступлений, обладающих сходными свойствами, служат особенности криминалистических характеристик преступлений и связанные с ними особенности криминалистических характеристик расследования.

Построенная на базе криминалистических характеристик преступлений и криминалистических характеристик расследования их методика расследования будет воспроизводить типичные модели преступлений (как и кем подготавливалось, совершалось и скрывалось криминальное событие, в какой обстановке, какие следы характерны для него и т. п.) и типичные модели расследования их (каковы исходные ситуации возбуждения дела, каков алгоритм расследования и т. п.).

Отсюда с позиций моделирования методику расследования отдельных видов преступлений можно рассматривать как искусственно созданную специфическую типичную теоретико-методическую модель, которая наиболее вероятно воспроизводит механизмы подготовки, совершения и сокрытия преступлений и механизмы расследования их в целях отыскания в них новых знаний для борьбы с преступностью криминалистическими средствами.

Познание криминалистических закономерностей расследования отдельных видов преступлений с помощью модели методики расследования определяет и гносеологическое значение ее и применимость к ней сущности

метода моделирования как метода научного познания.

При этом следует заметить, что моделирование является одним из многих методов познания и в методике не претендует на универсальность в познании закономерностей совершения преступлений и закономерностей их расследования. Однако творческое использование его открывает дополнительные возможности углубленного изучения методики расследования и позволяет:

во-первых, более эффективно и точно выявить закономерные связи механизмов отдельных видов преступлений и механизмов расследования их, и, таким образом, разрабатывать фундаментальные общетеоретические, общеметодические и частные положения методики расследования;

во-вторых, разрабатывать теоретически и методически удобные для восприятия и применения на практике стройные системы обобщающих фактических данных о механизмах отдельных видов (групп) преступлений и о механизмах их расследования;

в-третьих, применительно к специфике расследования создавать специальные приемы и способы кодирования фактических данных с целью машинной обработки их;

в-четвертых, более оптимально определять направления поиска необходимой по делу информации, оценивать и использовать ее, а также устранять негативные явления расследования.

Методике расследования отдельных видов преступлений присущи некоторые функции, выполняемые идеальными и материальными моделями.

Методика расследования как модель выполняет **интерпретаторскую функцию**. Она является средством подхода к интерпретации расследования преступлений. Особо велика ее роль в ситуациях расследования преступлений, совершенных неизвестными способами, например, убийства путем применения неизвестного взрывного устройства или яда.

Объяснение механизма совершенного преступления в таких случаях вначале идет по аналогии с подобными механизмами преступлений, имевшими место в прошлом, и в известной мере носит гипотетический характер. Чем больше в методике расследования накоплено знаний о типичных способах и механизмах совершаемых преступлений, их устойчивых признаках и чертах,

и о путях и механизмах раскрытия, тем стройнее типичная модель расследования и выше коэффициент полезного действия ее.

Типичной методикой можно оперировать в плане мысленного воссоздания расследуемых событий с целью формирования теоретических и методических положений о путях и способах расследования и предупреждения преступлений в различных следственных ситуациях. В этом аспекте она выполняет **функцию средства познания**.

Методике расследования свойственна и **демонстрационная функция**. Создаваемые ею типичные модели расследования отдельных видов преступлений способствуют усвоению знаний относительно всех элементов и этапов расследования. Они позволяют за основу изучения постоянно меняющегося объема информации о расследуемом событии брать **типичную, устойчивую**, что углубляет знания и обуславливает преемственность в изучении особенностей применения технических средств, тактических приемов и методов. Методика расследования в таком виде обладает необходимой **наглядностью**, приводит знания в строгую систему и служит основой, на которую в дальнейшем наслаиваются новые знания по мере их разработки и апробации на практике. Поэтому познание закономерностей методики расследования, образное выражение их диктует необходимость дальнейшей разработки типовых схем расследования видов (групп) и разновидностей преступлений ¹⁶.

¹⁶ На это справедливо обращает внимание Н. П. Яблоков. (См.: Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., вып. 30, 1979, с. 110—122).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПУТЕМ ПРОВЕДЕНИЯ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

А. В. Дулов, Г. А. Дворак

Положительно оценивая изменения в области экономической, социальной и духовной жизни советского общества, XXVI съезд КПСС отметил, что все еще встречаются и некоторые отклонения от норм коммунистической морали, негативные социальные явления, нарушения социалистической законности.

В этой связи новые задачи и большие требования стоят перед юридической наукой, в том числе и перед криминалистикой по совершенствованию и разработке новых, более эффективных форм и методов деятельности следственных органов при выявлении преступлений, расследовании и предупреждении их на базе взаимодействия суда, органов прокуратуры, милиции и общественности¹.

Нам представляется целесообразным и актуальным в этой связи дальнейшее исследование в области форм взаимодействия. Об этой необходимости утверждает следственная и судебная практика. Исследуется и предлагается к внедрению в повседневную работу форма взаимодействия следователя с другими государственными и общественными органами при расследовании преступлений путем проведения тактической операции.

Борьба с преступностью может быть успешной в том случае, если в ней принимают участие государственные органы, общественные организации и широкие слои трудящихся. Все это в совокупности и образует систему борьбы с преступностью, где все звенья выполняют раз-

¹ Курис П. М. Задачи развития научных исследований проблем укрепления социалистической законности: Тезисы республ. научной конференции. Вильнюс, 1981, с. 6.

личные функции по выявлению, пресечению, расследованию, профилактике.

В настоящее время все полнее проявляется тенденция использовать системный подход для рассмотрения в социальном плане всего комплекса вопросов борьбы с преступностью². В систему входят как государственные органы, специально созданные для борьбы с преступлениями, так и многие государственные органы, которые выполняют функции контроля, учета, анализа результатов деятельности отдельных учреждений, предприятий (народный контроль, ревизионно-инспекторские органы). В соответствии с этим процесс расследования преступлений в ряде случаев является как бы продолжением деятельности тех органов, которые обнаружили преступление в процессе осуществления своих функций по контролю. Было бы неправильным считать, что в процессе расследования деятельность этой системы выявления прекращается полностью и заменяется активной деятельностью только одного лица — следователя.

Система борьбы с преступностью, конечно, продолжает действовать и при расследовании конкретного уголовного дела. Однако здесь процессуальные условия деятельности, повышенные гарантии установления истины изменяют направленность, содержание, регламентацию функций ряда звеньев этой системы (ревизионных, инспекционных органов).

По конкретному уголовному делу действия звеньев системы борьбы с преступностью находятся в полной зависимости от следователя, ведущего расследование. Именно от него они получают задания применительно к определенному объекту, субъекту.

Особенность процесса расследования заключается в том, что следователь в силу своих процессуальных правомочий получает возможность направлять, использовать функции, звенья всей системы борьбы с преступностью в интересах полного и быстрого расследования конкретного уголовного дела. Использование следователем деятельности органов дознания, ревизоров, инспекторов, представителей общественности в процессе расследования и есть привлечение различных звеньев

² См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность. Л., 1978.

общей системы борьбы с преступностью. Совершенно ясно, что чем полнее и эффективнее используются все звенья непосредственно при расследовании уголовного дела, тем скорее завершится процесс расследования.

Постоянно возникает проблема наиболее целесообразного использования в ходе расследования деятельности многих учреждений и отдельных лиц, способных выполнять свои функции и в процессе расследования преступлений. Причем эта деятельность далеко не всегда регламентирована процессуальной формой участия этих лиц в проведении следственных действий³.

В процессе расследования следователь имеет возможность использовать функции различных звеньев общей системы борьбы с преступностью следующим образом.

Во-первых, он может истребовать и использовать в общей системе собираемых доказательств результаты выполнения своих функций этими звеньями системы за период времени, предшествующий возбуждению уголовного дела. Именно так действует следователь, когда в процессе расследования запрашивает и приобщает к делу материалы проведенных ревизий, инспекционных проверок, различные акты, составляемые контролерами и ревизорами.

Во-вторых, процесс расследования может порождать деятельность целого ряда учреждений и организаций, которые выполняют какие-либо функции в системе борьбы с преступностью, по сбору дополнительных фактов. Так, следователь может давать задания на производство действий органам дознания, административным органам, давать задания на производство дополнительных проверок, ревизий, сбор документов и т. д. В ряде случаев выявленное преступление требует активной деятельности по поиску аналогичных фактов. Информацию об этом следователь передает различным звеньям системы борьбы с преступностью. Исследуемые и вскрываемые в ходе расследования факты и обстоятельства являются основанием для целенаправленного изменения деятельности различных звеньев государственного аппарата, общественных организаций.

³ Наиболее полно регламентированы взаимоотношения следователя и органов дознания, что закреплено в ст. 29, 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Однако следователь не просто дает дополнительные задания. Действия по их выполнению обязательно должны согласовываться с ним. Эти действия учреждений и организаций в определенной степени становятся составной частью общего процесса расследования, они обязательно должны быть увязаны, согласованы, скоординированы с общим процессом расследования. Возникает сложная проблема взаимодействия следователя с различными органами МВД, контрольными и инспекционными органами, с общественными организациями, которые выполняют определенные функции по борьбе с правонарушениями. От активности этого взаимодействия зависит качество расследования каждого уголовного дела. На необходимость активизации взаимодействия органов МВД и следователей как на важнейшую проблему в борьбе с преступностью прямо указывалось в совместном постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР ⁴.

В-третьих, процесс расследования является основанием для возбуждения целенаправленной деятельности ряда учреждений, организаций уже после его завершения. В процессе расследования тщательно анализируются и исследуются причины и условия, приведшие к совершению преступления. Результаты этого анализа систематизируются и обобщаются в представлениях следователя, которые обязывают многие государственные органы, в том числе и выполняющие функции в общей системе борьбы с правонарушениями, провести определенную работу по устранению этих выявленных причин и условий.

Наличие перечисленных выше взаимосвязей деятельности следователя со всеми остальными звеньями общей системы борьбы с преступностью, наличие диалектического переплетения различных видов деятельности, возможность выполнения функций рядом органов на различных этапах борьбы с преступностью обязательно должны учитываться следователем в процессе расследования. Задача заключается в том, чтобы, зная всю систему звеньев борьбы с преступностью, общие взаимосвязи и взаимообусловленности процессов деятельности, функции различных государственных и об-

⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966, № 2, с. 3.

ственных организаций, предельно активно использовать их.

Следовательно, необходимо обеспечить активное взаимодействие со всеми возможными звеньями системы борьбы с преступностью в целях раскрытия конкретного уголовного дела. Активно, в кратчайшие сроки провести расследование — это значит полностью использовать и осуществить систему взаимодействия со всеми возможными учреждениями и организациями. Таким образом, важнейшей проблемой криминалистики становится изучение системы взаимодействия следователя, разработка рекомендации для оптимизации ее действия.

Изучение взаимодействия показывает, что оно осуществляется на двух уровнях: на процессуальном и административном. В первом случае это реализация взаимодействия при проведении отдельных следственных действий. Здесь представители различных учреждений и организаций привлекаются для выполнения процессуальных функций, полностью регламентированных уголовно-процессуальным законом. Во втором случае имеется более сложная регламентация взаимодействия. Здесь сочетается административно-правовая деятельность (при проведении инспекций, ревизионных действий) с элементами процессуальной, что выражается в определенной зависимости лиц и учреждений, совершающих эти действия, от следователя, ведущего расследование. Сложность взаимодействия здесь определяется тем, что далеко не во всех случаях оно прямо и четко регламентировано уголовно-процессуальным законодательством.

Взаимодействие между различными звеньями может характеризоваться: 1) по функциональному признаку; 2) по целевому признаку. В первом случае необходимость во взаимодействии возникает тогда, когда одно из звеньев системы при осуществлении своей деятельности (воздействие на явление, объект, субъекта) встречается с необходимостью осуществления действий, которые входят в функцию другого звена. Такой вид взаимодействия часто возникает и при расследовании преступлений.

Однако более полной формой взаимодействия является осуществление его по целевому признаку. Опреде-

ление общей цели приводит к перестройке, изменению направленности функций, действий взаимодействующих звеньев системы. Надо сказать, что в последнее время для системы борьбы с преступностью характерен как раз переход к этой более высокой форме взаимодействия. Примеры этому можно найти на всех уровнях — республиканских, областных, районных. МВД, прокуратура, ревизионные органы все чаще и полнее координируют свою деятельность именно по целевому признаку.

Развитие этого вида взаимодействия требует и новых форм его осуществления. Уже недостаточно, чтобы одни звенья только выполняли какую-то функцию, а другие только требовали ее выполнения. Целевое взаимодействие требует совместного решения одной и той же задачи, совместных усилий по определению оптимального порядка совершения действий (их очередности, направленности), постоянной согласованности в проведении действий. Именно такое взаимодействие и должно осуществляться в процессе расследования преступлений в случае использования следователем функций различных звеньев системы борьбы с преступностью. При переходе к целевому взаимодействию представляется возможным использовать все положительные факторы совместной деятельности. Здесь можно рассчитывать на проявление дополнительной инициативы в интересах решения общей задачи взаимодействия, что основывается на наличии общих задач деятельности у всех звеньев системы борьбы с преступностью, на знании каждым из них функций деятельности, на наличии специальных знаний и средств у каждого звена системы.

Поэтому нельзя ограничивать взаимодействие привлечением специалистов только с ограниченной задачей выполнения одного действия. Взаимодействие предполагает оптимальное использование возможностей каждого звена для решения общей задачи — быстрого выявления преступления, раскрытия его во всей полноте. Правильно писали Г. Миньковский и А. Эйсман: «Утверждение, что комплексная работа следователя, специалиста, оперативного работника по делу недопустима, вольно или невольно препятствует развитию взаимодействия. Ведь взаимодействие — это и есть, соглас-

но словарю русского языка, взаимная поддержка, помощь, взаимные усилия»⁵.

Проблеме взаимодействия в криминалистической и процессуальной литературе уделялось и уделяется много внимания. Однако, как правило, проблема эта ограничивается изучением взаимодействия следователя и органа дознания. В связи с этим под взаимодействием обычно «понимается основанная на законе согласованная деятельность административно не зависимых друг от друга органов следствия и дознания, направленная на раскрытие и расследование, пресечение и предупреждение конкретного преступления путем наиболее целесообразного сочетания методов и средств, присущих этим органам»⁶.

Такое определение взаимодействия не раскрывает всей сущности этого явления при расследовании преступлений. Как было уже показано, постоянно возникает необходимость взаимодействия со значительно более широким кругом учреждений и организаций. А это, с одной стороны, существенно обогащает возможности следователя, а с другой стороны, усложняет всю систему взаимодействия. Появляется настоятельная необходимость в создании организационных форм взаимодействия. Взаимодействие предполагает учет общих целей деятельности ряда учреждений и организаций, оптимальное использование различных функций этих организаций и учреждений, согласование плана действий, выполнение функций, обобщение результатов и т. д.

Подобное взаимодействие требует соответствующих условий, средств. Уровень отдельных следственных действий здесь не может решить проблемы. Существуют математические задачи, которые можно решить только путем введения понятий более общего класса. Аналогичное положение складывается и с проблемой взаимодействия.

Становится совершенно ясно, что процесс взаимодействия как сочетание процессуальной и непроцессуаль-

⁵ Миньковский Г., Эйсман А. Спорное и бесспорное в теории доказательств. — Социалистическая законность, 1971, № 11, с. 59.

⁶ Взаимодействие следователя прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1965, с. 5.

ной деятельности может быть правильно и полно реализован только при наличии такой организационной формы, как тактическая операция. Именно тактическая операция объединяет все тактические средства (а ими в данном случае будут функции и действия, выполняемые этими различными учреждениями и организациями) для осуществления единой поставленной цели. Процессуальные функции полностью реализуются в тактике конкретного следственного действия. Иные же функции, прямо не регламентированные процессуальными нормами, могут быть реализованы только в ходе тактической операции.

Взаимодействие различных звеньев системы борьбы с преступностью в процессе расследования конкретного уголовного дела не исключает, а, наоборот, предполагает общее руководство всей целенаправленной деятельностью. Именно это руководство и осуществляет следователь как в процессе подготовки тактической операции, так и в ходе ее осуществления, когда взаимодействуют различные учреждения и организации. В ходе этого руководства на следователя возлагаются функции: 1) определение общей цели деятельности, 2) определение промежуточных целей, 3) определение комплекса необходимых для их выполнения функций и действий, 4) координация, согласование и планирование процесса выполнения всех этих функций и действий, 5) закрепление в процессуальных документах хода и результатов выполнения функций различными учреждениями и организациями (в необходимых случаях приобщение к делу документов, составленных самими этими учреждениями и организациями).

Осуществление взаимодействия всегда предполагает а) получение предварительной информации, б) совершение определенных действий для решения задачи, в) получение информации о ходе решения задачи и результатах. Тактическая операция и должна предусматривать, учитывать все эти особенности взаимодействия.

При проведении тактической операции, реализующей взаимодействия, возникают сложности в связи с тем, что многие участники не могут быть прямо процессуально обязаны следователем совершать необходимые действия. Однако активность всех участников тактической операции гарантируется следующими факторами: зна-

нием общей цели деятельности, совпадением этой цели с постоянными профессиональными обязанностями, наличием в связи с этим ответственности за ход и результаты осуществления функций. У таких участников тактической операции всегда имеются повышенные моральные и профессиональные стимулы для выполнения функций, что обеспечивает полноту их реализации.

Можно определить и общие принципы взаимодействия в процессе расследования преступления: 1) принцип предельной полноты использования форм взаимодействия в процессе расследования; 2) принцип предельного вовлечения всех органов и организаций, могущих выполнять функции, необходимые для решения конкретной задачи расследования; 3) принцип обязательного планирования всего процесса взаимодействия; 4) принцип обязательного соблюдения главенствующей организующей роли следователя при осуществлении взаимодействия между различными органами и организациями в ходе расследования.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что взаимодействие может быть реализовано в процессе расследования только при помощи такого комплексного тактического средства, как тактическая операция. С этой точки зрения взаимодействие может быть определено как заранее согласованное и спланированное выполнение своих должностных функций различными лицами в ходе тактической операции, разработанной следователем для решения возникшей тактической задачи, сущность которой заранее ясна и известна всем лицам, осуществляющим эти должностные функции.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Д. Филимонов. Отношение — элемент состава преступления	3
С. А. Елисеев. Структура личности преступника	13
Ю. В. Голик. Виды случайных преступников (в аспекте взаимосвязи личность — ситуация)	18
Т. А. Плискина. Злостное хулиганство и его юридическое выражение в составе преступления	25
В. А. Пенчуков. О субъекте приписок и других искажений отчетности о выполнении планов	38
В. Ф. Колышкина. Непосредственный объект уничтожения и повреждения имущества	45
А. Ф. Мицкевич. Принцип соответствия наказания и преступления в уголовном законодательстве буржуазного общества	52
А. Л. Ременсон. К вопросу о методе исправительно-трудового права	67
В. А. Уткин. Запрет как организационно-правовая форма мер исправительно-трудового воздействия	78
В. В. Тирский, В. В. Неверов. Об уровнях и показателях социальной активности осужденных к лишению свободы	82
Н. И. Чуньков. Совершенствование правовых форм воздействия инженерно-технических работников на осужденных в условиях реорганизации управления производством мест лишения свободы	90
Ю. К. Якимович. Некоторые вопросы представления осужденным улучшенных условий содержания и отмены улучшенных условий содержания по действующему исправительно-трудовому законодательству	98
В. Р. Павлинский. К вопросу о возможности характеристики деятельности самодеятельных организаций в ИТУ как самоуправления	106
Ю. А. Белобородов. Учет трудоспособности осужденного при применении условного освобождения с обязательным привлечением к труду	118
В. И. Горобцов. Особенности правового положения больных алкоголизмом, осужденных к лишению свободы	123

А. С. Бондаренко. Юридическая природа института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	129
В. И. Черкашин. Роль криминалистической экспертизы в раскрытии преступлений	138
Ф. В. Исмагилов. Некоторые вопросы криминалистической характеристики столкновений автотранспортных средств	144
Н. Т. Ведерников, Ф. В. Исмагилов. Личность обвиняемого как элемент криминалистической характеристики автотранспортных преступлений	153
В. К. Гавло. Методика расследования как особая теоретико-методическая модель — информационный аналог расследования криминальных событий	162
А. В. Дулов, Г. А. Дворак. Взаимодействие следователя с государственными органами и общественными организациями при расследовании преступлений путем проведения тактической операции	175

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИБ 1096

Редактор *М. И. Сваровская*
Технический редактор *Г. Н. Гридина*
Корректор *Л. Н. Банникова*

Сдано в набор 05.01.83. Подписано к печати 26.04.83. К303063.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Литературная гар-
нитура. Высокая печать. П. л. 5,75; уч.-изд. л. 9; усл. п. л. 9,66.
Тираж 500 экз. Заказ 26. Цена 1 р. 40 к.

Издательство ТГУ, 634010, Томск, пр. Ленина, 36.
Тип. «Красноярский рабочий», 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
<http://digital.lib.tsu.ru>

1-526758

1 p. 40

Томский государственный университет



Научная библиотека 00289215